

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФОНД ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИНИЦИАТИВ

РОССИЯ И МИР: 2021

ЭКОНОМИКА И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Ежегодный прогноз

МОСКВА
ИМЭМО РАН
2020

УДК 338.27
ББК 65.5 (2Рос)
65.23
Рос74

Рекомендовано к печати
НИС Ученого совета ИМЭМО РАН

Руководители проекта – академик РАН А.А. Дынкин, академик РАН В.Г. Барановский

Рецензенты:

член-корреспондент РАН, д.э.н. М.Ю. Головнин
кандидат исторических наук А.В. Рябов

Авторский коллектив:

Часть I

А.А. Дынкин (руководитель проекта), А.В. Авилова, Ю.Л. Адно, С.А. Афонцев, О.В. Богаевская, А.Г. Володин, Е.О. Заклязьминская, Ю.Д. Квашнин, О.Н. Кудинова, Е.Л. Леонтьева, Ю.П. Лукашин, С.А. Луконин, Г.И. Мачавариани, Д.Д. Меджидова, Я.М. Миркин, Е.Н. Никитина, В.В. Попов, В.Э. Соколенко, Б.Е. Фрумкин, Е.С. Хесин, Л.С. Худякова, А.С. Четверикова, С.С. Широков

Ответственный редактор – Г.И. Мачавариани

Часть II

В.Г. Барановский (руководитель проекта), А.В. Авилова, А.С. Богачева, О.В. Богаевская, А.А. Бунина, К.Р. Вода, Л.А. Гамза, А.А. Давыдов, О.В. Давыдов, Е.А. Десятски, С.С. Дмитриев, О.Н. Емельянова, В.Ю. Журавлева, А.В. Загорский, И.Д. Звягельская, И.Э. Ибрагимов, Е.А. Канаев, Ю.Д. Квашнин, С.В. Кислицын, И.Я. Кобринская, Е.М. Кузьмина, С.О. Лазовский, А.В. Ломанов, Д.Б. Малышева, В.В. Михеев, Л.М. Самарская, И.А. Свистунова, Э.Г. Соловьев, Н.Ю. Сурков, Т.И. Тюкаева, С.В. Уткин, А.Н. Федоровский, Б.Е. Фрумкин, В.Г. Швыдко, Е.С. Хесин, А.С. Четверикова, К.О. Чудинова

В подготовке раздела принимала участие Л.С. Вартазарова
Ответственный редактор – И.Я. Кобринская

При информационно-аналитической поддержке Национального Института Корпоративной Реформы

Рос 74

Россия и мир: 2021. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта – А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 154 с.

ISBN 978-5-9535-0585-7

DOI:10.20542/978-5-9535-0585-7

Доклад «Россия и мир: 2021» девятнадцатый в серии регулярных, ежегодных публикаций ИМЭМО РАН и Фонда Перспективных исследований и инициатив. Доклад состоит из двух частей, посвященных экономике (часть I) и внешней политике (часть II). В первой части доклада представлены прогнозные оценки экономических взаимоотношений России с внешним миром. Главное внимание сфокусировано на проблемах, имеющих ключевое значение для обеспечения стабильного экономического развития России на ближайшую (2021 г.) и более отдаленную перспективу. Приведен анализ и прогноз экономической ситуации в 2020-2021 гг. в мировой экономике, а также в экономиках России, Европы, США, Японии, Китая, Индии. Прогнозируется конъюнктура важнейших рынков российского экспорта. В подготовке доклада был использован многолетний опыт прогнозных исследований, проводимых Институтом мировой экономики и международных отношений РАН. Во второй части доклада представлен прогноз развития международных отношений в 2021 г. Анализируются основные внешние вызовы для России и возможности ответа на них.

Russia and the World: 2021. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy / Project leads – А.А. Dynkin, V.G. Baranovsky. – Moscow, IMEMO, 2020. – 154 p.

ISBN 978-5-9535-0585-7

DOI:10.20542/978-5-9535-0585-7

The report “Russia and the World: 2021. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy” continues the series of yearly publications of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) and Foundation for Prospective Studies and Initiatives. It consists of two parts: “Economy” and “Foreign Policy”. Part I focuses upon Russian foreign trade-economic relations and analysis and forecast of the world (Russia, Europe, the USA, Japan, India) economic trends in 2020-2021, including international financial markets and main Russian export markets. The report is based on the decades long IMEMO experience in forecast research. Part II presents the forecast of international relations for 2021, it analyzes main challenges for Russia and options to respond them.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <https://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0585-7

© ИМЭМО РАН, 2020

© Фонд перспективных исследований и инициатив, 2020

РОССИЯ И МИР: 2021

ЧАСТЬ I. Экономика

1. РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА ПОД ДАВЛЕНИЕМ КОРОНАВИРУСА	7
2. МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ	12
3. МИРОВАЯ ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА	18
4. ЭКОЛОГИЯ	30
5. ПРОГНОЗ КОНЪЮНКТУРЫ ОСНОВНЫХ РЫНКОВ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА	35
Продовольствие	35
Нефть и газ	40
Металлы	45
Агрохимический комплекс	52
Лесобумажные товары	57
6. СОСТОЯНИЕ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ОСНОВНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	61
Страны Европы	61
Соединенные Штаты Америки	67
Япония	76
Китай	80
Индия	84
7. АНАЛИЗ ДОСТОВЕРНОСТИ ПРОГНОЗА НА 2019 ГОД	87

ЧАСТЬ II. Внешняя политика

РОССИЯ	93
КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ	102
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ	106
ЕВРОПА	118
БЛИЖНИЙ ВОСТОК	127
ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО	134
ТИХООКЕАНСКАЯ АЗИЯ	144

ЧАСТЬ I
ЭКОНОМИКА

1. РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА ПОД ДАВЛЕНИЕМ КОРОНАВИРУСА

Вызовы глобального кризиса

В 2020 г. российская экономика, как и большинство экономик стран мира, столкнулась с глубоким кризисным шоком, обусловленным последствиями распространения коронавирусной инфекции. После умеренно-позитивных результатов начала года, когда объем ВВП за I квартал показал рост на 1,6% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г., а промышленное производство повысилось на 2,9%, во II квартале экономика ушла в крутое пике: ВВП рухнул на 8,0%, промышленное производство – на 6,5%, инвестиции в основной капитал – на 7,6%, грузооборот транспорта – на 8,3%, объем платных услуг населению – на 31,6%. В этих условиях возникли опасения, что, как и в случае кризиса 2008–2009 гг., Российская Федерация окажется в числе стран, наиболее пострадавших от глобальных экономических потрясений. Опубликованные в июне-июле прогнозы международных экономических организаций были крайне неблагоприятны – в частности, Всемирный банк ожидал увидеть по итогам 2020 г. падение российского ВВП на 6,0%, Международный валютный фонд – на 6,6%. Этим прогнозам, к счастью, не суждено было сбыться.

Начиная с середины лета, темпы снижения российской экономики стали замедляться. Сокращение ВВП в III квартале составило порядка 3,4%, причем по обрабатывающим производствам официальная статистика показала прекращение спада, а в сфере оптовой торговли – даже рост на 1,4% по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года. Закрепление соответствующих тенденций привело к тому, что в целом за январь-ноябрь 2020 г. падение индекса промышленного производства составило 3% (в т.ч. в обрабатывающей промышленности – всего 0,1%), объема работ в строительном секторе – 0,3%, грузооборота транспорта – 5,4%. Сокращение инвестиций в основной капитал по итогам первых трех кварталов года составило 4,1%. На фоне статистики большинства зарубежных стран эти показатели выглядят очень достойно: российская экономика продемонстрировала реальную способность «держать удар» глобального кризиса.

Главная причина различий в динамике российской экономики в ходе кризисов 2008–2009 гг. и 2020 г. заключается в специфике самого нынешнего кризиса. Во-первых, в отличие от ситуации 12-летней давности, причинами глобального кризиса стали не накопившиеся в мировой экономике диспропорции, а действие экзогенного эпидемического фактора. Во-вторых, основной ущерб мировой экономике в 2020 г. нанес не сам коронавирус, а принятые для борьбы с ним карантинные (и псевдокарантинные) ограничительные меры, нарушившие функционирование экономических процессов как в рамках национальных экономик, так и в системе международных экономических отношений. В этих условиях страны, отказавшиеся от проведения политики радикального «локдауна», оказались в более благоприятной экономической ситуации по сравнению с теми странами, которые весной 2020 г. ввели, а осенью – возобновили жесткие ограничительные меры. Можно констатировать, что, несмотря на отдельные эксцессы на региональном уровне, проводимая в Российской Федерации политика борьбы с распространением коронавирусной инфекции оказалась достаточно «дружественной» для национальной экономики. С учетом того, что отечественная система здравоохранения при этом оказалась в состоянии справиться с вызовами, обусловленными возросшей эпидемической нагрузкой, выбранный курс «антикоронавирусной» политики следует признать вполне оправданным.

Другая важная причина сравнительной устойчивости российской экономики в кризисных условиях была связана с тем, что мировые цены на энергоносители, обвалившиеся в марте 2020 г. до рекордно низких значений в результате коллапса соглашения в формате

ОПЕК+, в течение последующих месяцев демонстрировали уверенное восстановление. Как следствие, экспортные доходы страны, упавшие к маю до уровня 21,55 млрд. долл. (65,9% от уровня мая 2019 г.), уже в сентябре достигли 31,02 млрд. долл. И хотя этого оказалось недостаточно для купирования спада в секторе добычи полезных ископаемых, составившего по итогам января-ноября 6,8%, выход цен на нефть сорта «Бrent» в диапазон 45–55 долл. за баррель существенно смягчил как последствия кризисного шока в целом, так и его влияние на курс рубля и состояние государственного бюджета страны.

На фоне рассмотренных выше факторов вклад антикризисной политики в обеспечение устойчивости российской экономики перед лицом коронавирусного шока оказался достаточно скромным. Во-первых, несмотря на формально значительный масштаб «антикризисного пакета» (порядка 4,5% ВВП), в абсолютных величинах объем дополнительных фискальных и особенно денежно-кредитных стимулов оказался достаточно ограниченным по сравнению с тем, что было сделано в ведущих экономически развитых странах мира. Во-вторых, значительная часть принятых мер укладывалась в стандартный кейнсианский инструментарий поддержки спроса, в то время как целевые меры поддержки наиболее пострадавших слоев населения и особенно бизнеса (в т.ч. малого и среднего бизнеса в сфере услуг, наиболее сильно затронутого кризисом) носили ограниченный характер. Наконец, в-третьих, антикризисная политика оказалась не в состоянии предотвратить резкое снижение доходов населения, существенно осложняющее перспективы борьбы за преодоление кризисных тенденций в российской экономике на среднесрочную перспективу.

Доходы населения

Динамика реальных доходов населения вызывала серьезную озабоченность задолго до начала коронавирусного кризиса. Их резкое падение в 2015–2016 гг. (на 3,6% и 4,5% в годовом выражении, соответственно) так и не было компенсировано в последующие годы, в результате чего к началу кризиса российская экономика пришла с уровнем реальных доходов населения на 8,5% ниже уровня 2013 г. По итогам 2020 г. они потеряли еще порядка 4 процентных пунктов. Для сравнения, показатель реального ВВП (в ценах 2016 г.) по итогам 2020 г. удержался примерно на 1% выше уровня 2013 г. Хотя в качестве кумулятивного результата функционирования российской экономики за прошедшие 7 лет такая цифра едва ли может служить источником оптимизма, более чем 12-процентный спад реальных доходов за тот же период свидетельствует о серьезных проблемах как сложившейся в Российской Федерации экономической модели, так и национальной экономической политики.

С одной стороны, тот факт, что даже в периоды роста ВВП реальные доходы населения снижались (как в 2016–2017 гг.) либо росли более низкими темпами (как в 2018–2019 гг.), наглядно свидетельствует о том, что модель экономического развития, опирающаяся на доходы от сырьевого сектора и доминирование крупных компаний с государственным участием, не способна обеспечивать адекватный доступ граждан к плодам экономического роста. Движение финансовых ресурсов в контуре «доходы сырьевого сектора – доходы государственного бюджета – расходы на приоритетные государственные проекты» может поддерживать позитивную динамику ВВП, но располагает ограниченным потенциалом позитивного влияния на доходы населения, не связанных с бюджетным сектором и компаниями-бенефициарами государственных расходов. При этом сохраняющаяся слабость сектора малых и средних предприятий не позволяет динамично развивать источники доходов, не связанные с занятостью в бюджетном секторе и в секторе крупных компаний (включая занятость на контролируемых соответствующими компаниями предприятиях).

С другой стороны, в периоды кризисных потрясений политика поддержки доходов населения фокусируется в первую очередь на бюджетных выплатах гражданам (семьям с детьми, безработным, пенсионерам и т.д.), а не на оказании содействия компаниям в сохранении рабочих мест и зарплатных выплат. В 2020 г. это нашло отражение, в частности, в решении возложить на работодателей бремя издержек по выплате заработной платы за нерабочие дни в период принудительной «самоизоляции». При этом даже в тех секторах, которые наиболее сильно пострадали от кризиса (так, в гостиничном секторе спад в I полугодии 2020 г. составил 45,5%, в туристическом секторе – 54,8%) задача изыскания средств для выполнения зарплатных обязательств в условиях падения выручки (либо остановки хозяйственной деятельности) из-за введенных правительством ограничений была полностью возложена на хозяйствующих субъектов, не получивших значимой государственной поддержки (за исключением отсрочки по налоговым платежам и списания налоговых обязательств за II квартал для отдельных категорий предприятий). Результатом стал массовый уход с рынков компаний малого и среднего бизнеса, масштаб которого пока не нашел полного отражения в статистике ввиду введенного в апреле 2020 г. моратория на банкротства части компаний, входящих в наиболее пострадавшие отрасли. Истечение данного моратория в январе 2021 г. с высокой степенью вероятности приведет к резкому всплеску статистики банкротств компаний, фактически уже прекративших хозяйственную деятельность в 2020 г.

Другим неожиданным следствием проводимой антикризисной политики стал резкий рост численности официально зарегистрированных безработных, которая в январе-ноябре 2020 г. оказалась в 3,2 раза выше показателя за аналогичный период предыдущего года. При этом численность граждан, являющихся безработными в соответствии с критериями Международной организации труда, увеличилась за тот же период лишь на 24,7%. Причина такого расхождения связана с повышением пособий по безработице, а также с временным установлением дополнительных выплат на детей в семьях с безработными родителями. В результате стимулы к регистрации граждан в качестве безработных заметно выросли, а предоставленная в условиях распространения коронавируса возможность подать заявление в режиме онлайн существенно снизила трудоемкость регистрации в центрах занятости. В целом же анализ показывает, что механизмы адаптации российского рынка труда к экономическим шокам в очередной раз оказались связаны не столько с падением занятости и ростом безработицы, как в большинстве зарубежных стран, сколько с сокращением продолжительности рабочего времени и снижением заработной платы. При этом формальное сохранение статуса занятого является важным ресурсом поддержания у работников социальной уверенности и психологического комфорта, однако отнюдь не защищает их от падения уровня благосостояния.

Длительный спад реальных доходов населения в сочетании со сжатием сектора малого и среднего бизнеса (особенно в секторе услуг) дают основания для пессимистических прогнозов относительно средне- и долгосрочных последствий нынешнего кризиса. Во-первых, негативная динамика реальных доходов будет оказывать понижающее давление на потребительские расходы, сдерживая спрос на национальную продукцию (в т.ч. импортозамещающую). Во-вторых, массовый уход с рынка компаний малого и среднего бизнеса следует считать одним из главных источников «безвозвратных издержек» кризиса, компенсировать которые (особенно в части ликвидированных рабочих мест) в ближайшие годы будет крайне трудно. Чтобы хотя бы отчасти нейтрализовать последствия данных тенденций, нужен радикальный разворот антикризисной политики в сторону поддержки бизнеса – однако в сложившихся институциональных условиях вероятность такого разворота вызывает серьезные сомнения.

Проблемы бюджетной политики

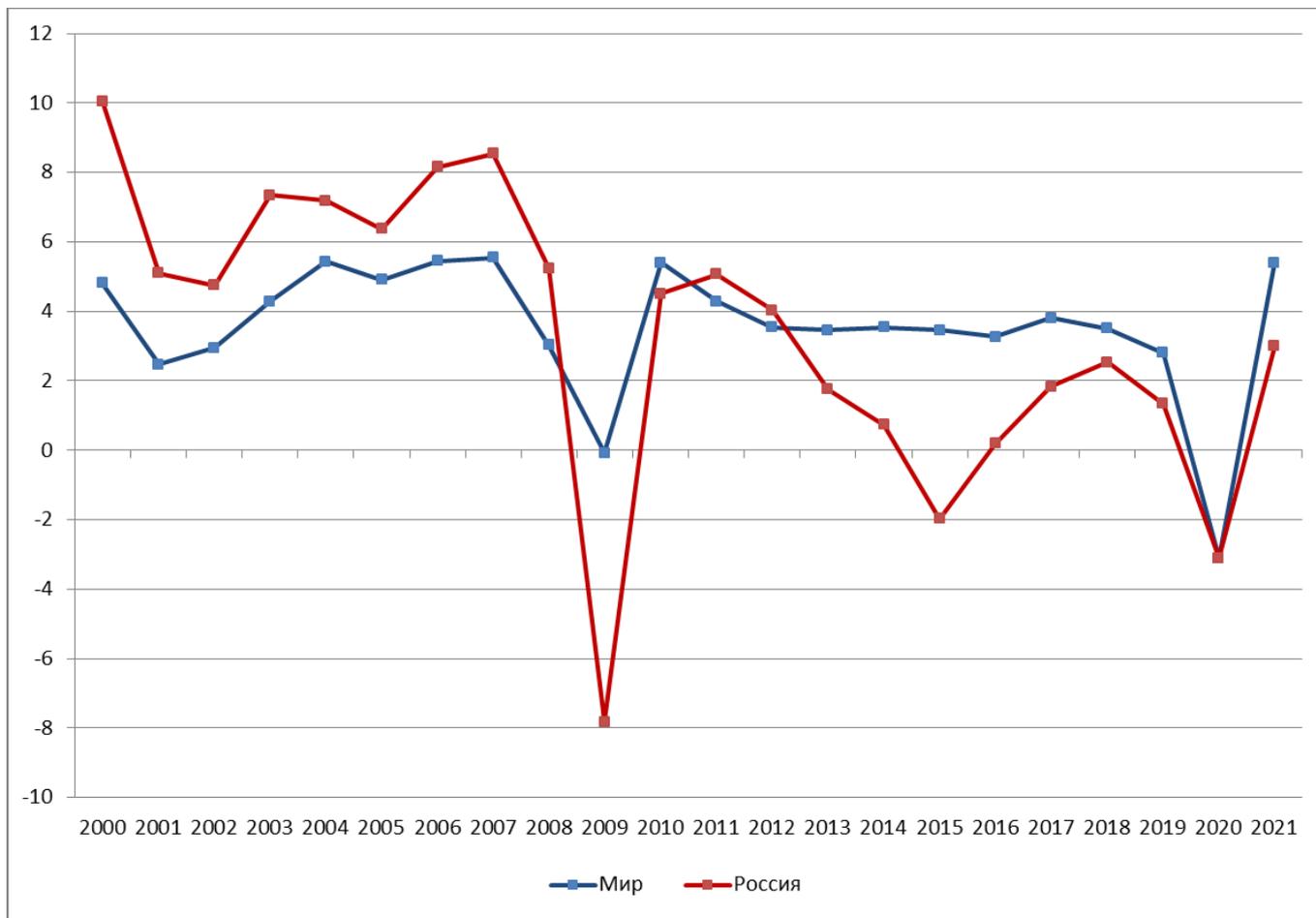
С учетом традиционно высокой роли государственных расходов и межбюджетных трансфертов в российской экономике, особого внимания заслуживает ситуация в бюджетной сфере. Ее развитие в условиях коронавирусного кризиса оказалось вполне предсказуемым: доходы федерального бюджета в январе-октябре 2020 г. упали на 9,2% (в т.ч. нефтегазовые – на 35,2%), в то время как расходы с учетом необходимости финансирования антикризисных мероприятий возросли на 24,6%. В результате дефицит федерального бюджета составил 1,7 трлн. руб. (по сравнению с профицитом в размере 3,16 трлн. руб. годом ранее). В соответствии с Федеральным законом №385-ФЗ от 08.12.2020 «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов», дефицит федерального бюджета в 2021 г. должен составить 2,75 трлн. руб. (2,4% ВВП) с последующим сокращением до 1,0% ВВП в 2022 г. и 1,1% ВВП в 2023 г. Переход в режим поддержания бюджетного дефицита предполагает наращивание объема государственного долга, который, по имеющимся оценкам, в 2020 г. увеличился в процентном отношении к ВВП более чем на 4 процентных пункта (почти до 19%). Ожидается, что в последующие годы он не превысит данный показатель, однако даже в этом случае зависимость страны от заимствований на внешнем рынке будет заметно выше, чем в период 2015–2019 гг., что создает дополнительные риски в случае ужесточения экономических санкций против Российской Федерации и их распространения на держателей российского внешнего долга. Приход к власти в США администрации Дж.Байдена, ранее анонсировавшего целесообразность усиления санкционной политики в отношении России, и актуализировавшиеся в конце 2020 г. обвинения по поводу нарушения Конвенции о запрещении химического оружия могут негативно сказаться на состоянии рынка государственных долговых обязательств Российской Федерации, повышая издержки поддержания дефицита федерального бюджета.

Дополнительным источником рисков является нарастание дефицита региональных бюджетов. Если в конце марта 2020 г. лишь у 16 субъектов федерации расходы превышали доходы, то по итогам I полугодия число таких субъектов составило уже 47. Несмотря на наращивание межбюджетных трансфертов, их объем оказался недостаточным для того, чтобы компенсировать кризисное снижение доходов региональных бюджетов. Совокупный дефицит региональных бюджетов по итогам I полугодия 2020 г. достиг 213,7 млрд. руб. (по сравнению с профицитом в размере 341,3 млрд. руб. по итогам I квартала). Ситуация усугубляется тем, что федеральный центр принял решение не пересматривать обязательства субъектов федерации по финансированию национальных проектов, что в условиях падения доходов и необходимости дополнительных расходов антикризисного характера возлагает на региональные бюджеты дополнительное бремя, не оправданное сложившимися обстоятельствами. Оптимальное решение заключалось бы в том, чтобы в условиях коронавирусного кризиса пересмотреть планы финансирования национальных проектов, сдвинув реализацию намеченных в их рамках целей на более поздний период (на 2–3 года относительно ранее запланированного срока) и направив соответствующие финансовые ресурсы (в т.ч. ресурсы региональных бюджетов) на цели антикризисной политики, включая поддержку доходов населения и помощь субъектам малого и среднего бизнеса в обмен на обязательства не сокращать занятость и уровень заработной платы.

Предлагаемый пересмотр подходов к установлению приоритетов в области антикризисной политики является достаточно радикальным, но необходимым. Его реализация требует не столько политической воли (данный ресурс в российских условиях отнюдь не является дефицитным), сколько здравого смысла и внимания к квалифицированным рекомендациям профессионального экономического сообщества. В случае, если он будет осуществлен, последствия текущего кризиса (при условии сдерживания эпидемических

рисков) можно будет устранить уже в 2021–2022 гг. В противном случае спад доходов населения и бюджетные кризисы на региональном уровне будут способствовать пролонгированию кризисных тенденций.

График 1. Темпы прироста российской и мировой экономики, %

Источник: IMF, WEO Database, прогноз – ИМЭМО.

2. МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

В 2020 г. мировая экономика оказалась ввергнутой в глубокий кризис под влиянием охватившей мир пандемии COVID-19. Кризис экономик во всех странах был вызван мерами по борьбе с распространением вируса. Карантины, которые были введены для предотвращения массового заражения населения, привели к резкому снижению спроса домохозяйств, а снижение объемов производства и закрытие предприятий привели к падению ВВП. Подобный масштаб кризиса мировой экономики произошел впервые за весь послевоенный период. Во время предыдущего, как тогда считали, самого масштабного кризиса 2008-2009 гг. сокращение мирового ВВП составило всего 0,1%, что находится в пределах статистической ошибки (эта величина пересматривалась несколько раз – то нулевой рост, то -0,1%). В 2020 г. падение, по нашим расчетам, составит 3,1%. Наиболее сложными для прогнозирования оказываются именно результаты 2020 г., хотя известны показатели за три квартала этого года. Тем не менее, по прогнозу МВФ, мировая экономика сократится на 4,4%. Во время других кризисов, например, Азиатского 1998 г., в развитых странах наблюдался экономический рост, так же, как и в Китае. Мировая экономика, в целом, в 1998 г. лишь несколько замедлила свой рост до 2,6% после 4,0%-ного роста в 1997 г. и вернулась к высоким темпам в 1999 г. – 3,6%.

В прошлогоднем прогнозе мы пришли к выводу, что в конце 2019 г. «отсутствовали свидетельства о развитии тенденций, необратимо ведущих к развитию кризисных процессов в мировой экономике»¹. Таким образом, вирус оказался тем «черным лебедем», который кардинально изменил ситуацию в мире.

Основные факторы риска развития мировой экономики можно разделить на две группы. Первая группа: угроза торговых войн, Брексит, волатильность на рынке нефти. Вторая группа связана с коронавирусом: как будет меняться ситуация с пандемией, как будет протекать вакцинация и формирование коллективного иммунитета.

С приходом новой администрации в США, на наш взгляд, маловероятно обострение торговой войны с Китаем или с ЕС. Уже принятые администрацией Д. Трампа ограничительные меры вряд ли будут отменены. Новая администрация может вернуться к переговорам о подписании как многосторонних (с ЕС и другими группами стран), так и двусторонних соглашений (с Великобританией, Индией и другими странами).

Ситуация с Брекситом окончательно прояснилась. Великобритании и ЕС удалось в последний момент подписать взаимоприемлемое соглашение о будущих отношениях. Многие детали еще предстоит прояснить в ходе имплементации достигнутых договоренностей, но уже сейчас можно констатировать, что Брексит вряд ли окажет серьезный негативный эффект на развитие торгово-экономических связей.

Пандемия оказала разрушительное воздействие на рынок нефти. Сократившийся за несколько месяцев на 10% спрос привел к снижению цен с почти 70 \$/барр. в январе до 9 \$/барр. в апреле 2020 г. Последовавшее соглашение ОПЕК+ и начало восстановления спроса во второй половине года привели к стабилизации цен на уровне 45 \$/барр. В 2021 г., по нашей оценке, спрос на углеводороды будет расти и составит 95,9 млн барр./д. (в 2020 г. он составил 90,0 млн барр./д.). В этой ситуации соглашение ОПЕК+ может стабилизировать цены на нефть на уровне 47-52 \$/барр. Однако если администрация Дж. Байдена снимет санкции с Ирана, что приведет к росту иранского экспорта практически в два раза, ситуация на рынке вновь обострится. Если же нормализуется ситуация в Ливии, то увеличится и ливийский экспорт, что еще больше дестабилизирует рынок. Смягчить

¹ Россия и мир: 2020. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. Рук. проекта – А. А. Дынкин, В. Г. Барановский. Отв. ред.: Г. И. Мачавариани, И. Я. Кобринская. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – 170 с. – С. 13.

ситуацию может восстановление спроса более высокими темпами, а также новое соглашение ОПЕК+.

Таблица 1. Темпы прироста ВВП по ППС 2019 г., %

	Оценка МВФ		Оценка ИМЭМО	
	2020	2021	2020	2021
ВЕСЬ МИР	-4,4	5,2	-3,1	5,4
РАЗВИТЫЕ СТРАНЫ	-5,8	3,9	-4,7	4,5
США	-4,3	3,1	-2,9	4,5
Япония	-5,3	2,3	-5,0	2,5
Великобритания	-9,8	5,9	-9,8	6,0
Зона евро	-8,3	5,2	-6,1	5,1
ЕС	-7,6	5,0	-5,9	5,1
Германия	-6,0	4,2	-4,8	4,4
Франция	-9,8	6,0	-8,0	6,0
Италия	-10,6	5,2	-8,3	5,1
РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ И СТРАНЫ С ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ	-3,3	6,0	-1,9	6,0
Китай	1,9	8,2	2,0	7,0
Индия	-10,3	8,8	-8,1	8,5
Бразилия	-5,8	2,8	-4,5	3,0
Россия	-4,1	2,8	-3,1	3,0

Источник: IMF, WEO Database; ИМЭМО.

Пандемия ускорила переход к «зеленой экономике» и декарбонизацию энергетики. Движение к низкоуглеродному развитию ускорится, в первую очередь, в Европе и развитых странах, в целом. Однако и такие страны, как Китай и Индия, также будут стремиться к снижению выбросов парниковых газов и достижению углеродной нейтральности. Европейские страны поставили своей задачей добиться существенного снижения выбросов к 2030 г. и полной углероднейтральности к 2050 г. Китай планирует добиться таких результатов к 2060 г.

Мы предполагаем, что вторая волна коронавируса в начале 2021 г. будет купирована без серьезных нарушений в экономике, а набирающая темп вакцинация в развитых странах уже в первом полугодии 2021 г. поможет серьезно замедлить распространение болезни.

Иными словами, перечисленные выше факторы не окажут серьезного негативного воздействия на развитие мировой экономики. По нашей оценке, рост мирового ВВП в 2021 г. составит 5,4%. По последней оценке МВФ, этот рост составит 5,2%.

С третьего квартала 2020 г. в развитых странах начался экономический рост, который несколько замедлился в конце года из-за вновь введенных ограничений. В результате, по нашим оценкам, падение экономики развитых стран в 2020 г. составит 4,7%, а рост в 2021 г. – 4,5%. По оценке МВФ, и падение производства в развитых странах будет значительно больше – 5,8%, и рост скромнее – 3,9%.

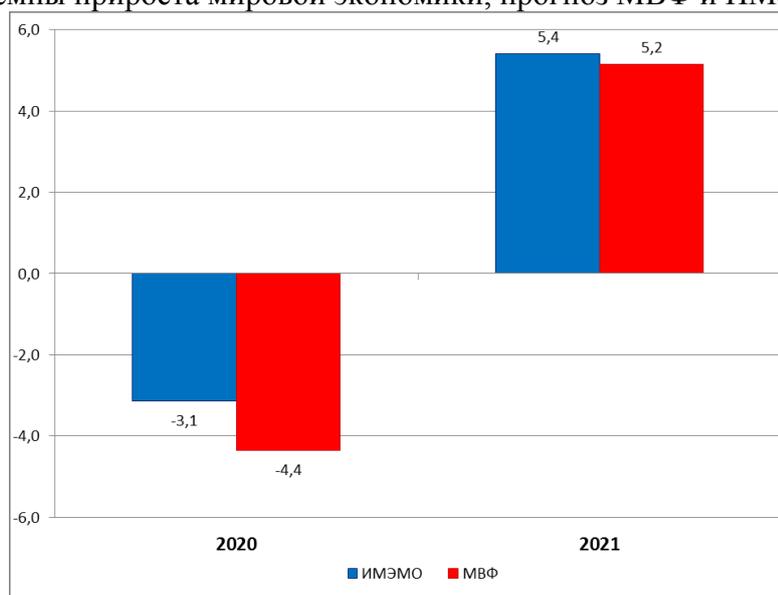
Экономика США во втором квартале 2020 г. сократилась на рекордные 31,4% (по сравнению с первым кварталом). Однако в третьем квартале последовал такой же рекордный отскок на 33,4%. Подъем продолжился и в четвертом квартале и, в целом, в 2020 г. экономика США сократится всего на 2,9% вместо ожидавшихся 4-5%. В 2021 г. рост продолжится и уже в первом квартале будет превышен предкризисный уровень. За год ВВП США возрастет на 4,5%. Оценка МВФ гораздо скромнее – 3,1%.

Сокращение производства в развивающихся и странах с переходной экономикой было гораздо скромнее, чем в развитых, и, по нашей оценке, составило 1,7%. По оценке МВФ падение составит 3,3%.

Единственной крупной экономикой мира, которая в 2020 г. возросла, является экономика Китая. По нашей оценке, она возрастет на 2,0%, по оценке МВФ – на 1,9%. Поскольку эпидемия коронавируса начала распространяться в Китае на несколько месяцев раньше, чем в остальных странах мира, как и, соответственно, жесткие карантинные меры, падение ВВП Китая в первом квартале составило 10,0% (по сравнению с четвертым кварталом 2019 г.). Уже со второго квартала начался подъем (во всех остальных странах – с третьего), и по итогам года китайской экономике удалось выйти на положительные значения роста. В 2021 г. экономика Китая, по нашей оценке, возрастет на 7,0%, оценка МВФ еще выше – 8,2%.

Экономика Индии, сократившись в 2020 г. на 8,1% (оценка МВФ составляет -10,3%), в 2021 г. возрастет на 8,5% (оценка МВФ – 8,8%). Наши оценки развития экономики России также более оптимистичны, чем оценки МВФ. В 2020 г. падение ограничится 3,1% (МВФ – -4,1%), а в 2021 г. рост составит 3,0% (МВФ – 2,8%).

Диаграмма 1. Темпы прироста мировой экономики, прогноз МВФ и ИМЭМО, %

Источник: IMF, WEO Database; ИМЭМО.

Самыми болезненными проблемами в мире остаются безработица и снижение доходов. В результате пандемии во всех странах возросла безработица. Однако ситуация в США отличается от ситуации в других странах. Администрация Д. Трампа обеспечивала выплатами уволенных работников, тогда как в Европе правительства платили от 60% до 90% зарплаты сотрудникам компаний, чтобы избежать увольнений. В результате, в США безработица, возросшая с 3,5% в начале года до 14,4% в апреле, к декабрю сократилась до 6,7%. Сокращение продолжится и в 2021 г. В январе 2020 г. безработица в странах ЕС составляла 6,5%, в зоне евро – 7,4%. По мере падения производства низшая точка была пройдена в июле: ЕС – 7,8%, зона евро – 8,7%. К ноябрю оживление экономики привело к некоторому снижению безработицы: ЕС – 7,5%, зона евро – 8,3%. В 2021 г. в европейских странах по мере снижения правительственной поддержки может продолжиться рост безработицы.

Во всех странах мира с ростом безработицы снижались доходы населения. Исключение составили США. Программа поддержки населения, принятая администрацией Д. Трампа, была столь велика, что при падении производства доходы населения резко выросли и до конца года оставались выше предкризисных значений. С февраля (предкризисный пик) по апрель, всего за два месяца, располагаемые доходы населения выросли на 2,2 трлн долл. (более 10% ВВП). К ноябрю они, конечно, сократились, но все еще оставались на 450 млрд долл. выше, чем в феврале. В 2021 г., учитывая новый пакет мер поддержки домохозяйств, принятый в конце года администрацией Д. Трампа, доходы населения будут расти. Этот рост будет усиливать рост доходов, определяемый подъемом экономики. В странах Европы принят большой паке мер поддержки населения и экономики, в результате чего, как мы считаем, также произойдет рост доходов.

Снижение мирового ВВП не могло не отразиться на международной торговле, которая более волатильна, чем мировое производство. В 2001-2010 гг. темпы прироста глобальной торговли товарами и услугами в 3,5 раза превышали темпы прироста мирового ВВП. В пост-кризисный период (2011-2019 гг.) это соотношение сократилось до 1,0. В 2020 г., по оценке ВТО, мировая торговля товарами сократится на 9,2%, а в 2021 г. возрастет на 7,2%, то есть не достигнет предкризисного уровня. Мировая торговля превысит предкризисный уровень только в 2022 г., а соотношение с темпами роста ВВП в ближайшие годы вряд ли превысит 1,0, учитывая прогнозируемые нами высокие темпы роста мирового ВВП.

Таблица 2. Развитие мировой экономики, долл. США в ценах и по ППС 2019 г.*

	Общий объем ВВП, млрд. долл.			Доля в мировом ВВП, %			ВВП на душу населения, тыс. долл.		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Весь мир	134 557	130 361	137 352	100,0	100,0	100,0	17,5	16,7	17,4
Развитые страны	60 320	57 514	60 110	44,8	44,1	43,8	52,5	50,0	52,1
США	21 433	20 812	21 748	15,9	16,0	15,8	65,3	62,9	65,3
Япония	5 451	5 178	5 308	4,1	4,0	3,9	43,2	40,9	42,1
Великобритания	3 255	2 936	3 112	2,4	2,3	2,3	48,7	43,2	45,6
Зона евро	16 811	15 779	16 577	12,5	12,1	12,1	49,1	46,3	48,6
ЕС	20 720	19 490	20 475	15,4	15,0	14,9	46,3	43,8	46,0
Германия	4 672	4 448	4 643	3,5	3,4	3,4	56,2	53,1	55,3
Франция	3 228	2 970	3 148	2,4	2,3	2,3	48,1	45,5	48,1
Италия	2 666	2 444	2 569	2,0	1,9	1,9	44,2	40,4	42,6
Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой	74 237	72 847	77 242	55,2	55,9	56,2	11,4	11,0	11,5
Китай	23 393	23 861	25 531	17,4	18,3	18,6	16,7	16,6	17,7
Индия	9 542	8 769	9 515	7,1	6,7	6,9	7,0	6,4	6,8
Бразилия	3 223	3 078	3 170	2,4	2,4	2,3	15,3	14,5	14,8
Россия	4 136	4 008	4 128	3,1	3,1	3,0	28,2	27,5	28,3

* Данные за 2019 и 2020 гг. рассчитаны по прогнозируемым нами темпам прироста ВВП и затем округлены.

Таблица 3. Вклад в прирост ВВП, в ценах и по ППС 2019 г.

	2020			2021		
	Доля в мировом ВВП, %	Темпы прироста ВВП, %	Вклад в прирост ВВП, процентные пункты	Доля в мировом ВВП, %	Темпы прироста ВВП, %	Вклад в прирост ВВП, процентные пункты
Весь мир	100,0	-3,1	-3,12	100,0	5,4	5,36
Развитые страны	44,1	-4,7	-2,09	43,8	4,5	1,99
США	16,0	-2,9	-0,46	15,8	4,5	0,72
Япония	4,0	-5,0	-0,20	3,9	2,5	0,10
Великобритания	2,3	-9,8	-0,24	2,3	6,0	0,14
Зона евро	12,1	-6,1	-0,77	12,1	5,1	0,61
ЕС	15,0	-5,9	-0,91	14,9	5,1	0,76
Германия	3,4	-4,8	-0,17	3,4	4,4	0,15
Франция	2,3	-8,0	-0,19	2,3	6,0	0,14
Италия	1,9	-8,3	-0,16	1,9	5,1	0,10
Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой	55,9	-1,9	-1,03	56,2	6,0	3,37
Китай	18,3	2,0	0,35	18,6	7,0	1,28
Индия	6,7	-8,1	-0,57	6,9	8,5	0,57
Бразилия	2,4	-4,5	-0,11	2,3	3,0	0,07
Россия	3,1	-3,1	-0,10	3,0	3,0	0,09

3. МИРОВАЯ ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА

В 2021 г. динамика глобальных финансов будет определяться: а) силой и изменениями пандемии, б) циклической компонентой (в 2020 г. должны были пройти «дно» очередного экономического цикла).

В этой связи будет реализован один из *четырёх сценариев*.

Первый сценарий (вероятность – 45 – 50%) – нахождение мировой экономики в «депрессивной» зоне (динамика -3 – -5% реального ВВП в группе «G-7», +1 - +4% в быстро растущих азиатских экономиках), высокая волатильность глобальных финансов сверх значений «до пандемии» (до 10 – 20% стоимости финансовых активов), дальнейшее накопление рисков в государственных долгах, локальных мыльных пузырях, периодические крупные шоки.

Второй сценарий (вероятность 15 – 30%) – V-образное возобновление роста мировой экономики (**табл. 1**, для МВФ - основной), с резким сокращением волатильности на финансовых рынках, с началом сжатия государственных долгов, повсеместным подъемом на рынках акций, с трендом к нормализации глобальных рынков и потоков капитала, как они складывались до пандемии и кризиса 2020 г.

Третий сценарий (вероятность – 20 – 30%) – дальнейшее объемное сокращение крупнейших экономик, кроме Китая (реального ВВП до -8 - -10%) как цепная реакция последствий пандемии, ужесточение финансовых «штормов», идущих из 2020 г., сверхвысокая волатильность в валютах и на финансовых рынках (до 20 – 30% стоимости финансовых активов), провоцирующая ужесточение кризисов по всему миру.

Четвертый сценарий (вероятность – до 5%) – «черный лебедь», новое событие, имеющее глобальное значение (катастрофы и бедствия, обострение геополитических и военных рисков или др.) и переходящее в более глубокие кризисы экономик, чем в 2020 г., и сверхвысокую волатильность (до 30 – 50% стоимости финансовых активов).

За базовую принимается следующая динамика в глобальных финансах (первый сценарий – см. выше):

- продолжение политики «денежных смягчений», насыщения экономик денежной ликвидностью, выкуп плохих активов и т.п., чтобы предупредить цепные реакции системного риска (экономики на «аппаратах искусственного дыхания»);
- удержание сверхнизкого процента и низкой инфляции (переходящей в ряде стран в дефляцию);
- мыльные пузыри (акции, криптоактивы, другие финансовые инструменты);
- рост (с замедлением в сравнении с 2020 г.) государственных долгов; стагнация (в ряде стран – сжатие) корпоративных и розничных кредитов и рынков корпоративных и муниципальных облигаций, накопление в них «плохих долгов»;
- наибольшая «живость» рынка в США как ядре («деньги всего мира»), чтобы получить доходность в условиях сверхнизкого процента и кризисных финансовых рынках в других странах, волатильность – до 20 – 30% стоимости финансовых активов) на фоне рецессии в экономике, поддержанной повышением налогов (если начнет реализоваться «байденномика»);
- стагнация финансовых рынков большинства развитых стран (кроме США), волатильность до 10 – 15% стоимости финансовых активов) при продолжении политики низкого процента, торможения бюджетных расходов (прежде всего, в Европе) и сдержанных денежных смягчений;

Таблица 4. Прогноз динамики ВВП с учетом воздействия фактора финансовой политики

	2012	2014	2017	2018	2019	2020*	2021*
Мир	3,54	3,53	3,81	3,51	2,80	-4,36	5,15
Развитые экономики	1,20	2,08	2,53	2,24	1,65	-5,82	3,92
<i>Экономики более мягкой денежной политики</i>							
США	2,25	2,53	2,33	3,00	2,16	-4,27	3,08
Великобритания	1,48	2,61	1,89	1,34	1,46	-9,76	5,92
Япония	1,49	0,38	2,17	0,28	0,67	-5,27	2,32
<i>Экономики сдержанной денежной политики и более жестких бюджетных ограничений</i>							
Еврозона	-0,89	1,40	2,62	1,84	1,27	-8,26	5,15
Германия	0,43	2,22	2,60	1,27	0,56	-5,98	4,18
Нидерланды	-1,03	1,43	2,91	2,36	1,68	-5,40	4,05
Франция	0,31	0,96	2,29	1,79	1,51	-9,76	6,03
Испания	-2,96	1,38	2,90	2,35	1,98	-12,8	7,15
Италия	-2,98	-0,01	1,67	0,80	0,30	-10,65	5,24
Греция	-7,30	0,74	1,51	1,93	1,87	-9,50	4,12
<i>Развивающиеся и «на фронтире» рынки</i>							
Развивающиеся экономики	5,41	4,66	4,82	4,48	3,66	-3,28	6,05
<i>Экономики финансового форсажа</i>							
Развивающиеся экономики Азии	6,99	6,81	6,67	6,34	5,47	-1,73	7,98
Китай	7,90	7,30	6,95	6,75	6,11	1,85	8,24
Индия	5,46	7,41	7,00	6,12	4,18	-10,29	8,80
<i>Экономики прокризисных финансов</i>							
Турция	4,79	4,94	7,5	2,96	0,92	-4,99	5,00
Латинская Америка	2,92	1,33	1,35	1,06	0,03	-8,13	3,57
Аргентина	-1,03	-2,51	2,82	-2,57	-2,09	-11,78	4,90
Бразилия	1,92	0,5	1,32	1,32	1,14	-5,80	2,83
Мексика	3,64	2,85	2,11	2,20	-0,30	-8,95	3,53
Венесуэла	5,63	-3,89	-15,7	-19,60	-35,0	-25,0	-10,0
<i>Экономики денежных ограничений и бегства капитала</i>							
Россия	4,02	0,74	1,83	2,54	1,34	-4,12	2,82

* Прогноз МВФ

Источник: IMF World Economic Outlook Database October 2020, GDP, constant prices, percent of GDP.

- сверхвысокая волатильность развивающихся рынков Европы и Латинской Америки, прежде всего России, Турции, Бразилии, Аргентины (до 20 – 40% и выше стоимости финансовых активов, включая валюты), дальнейшее снижение курсов национальных валют, спекулятивная активность, кэрри-трейдинг, финансовые инфекции, дополнительное давление финансовых рисков на реальную экономику);
- продолжение перехода финансового форсажа в Китае в «умеренную фазу» с замедленными темпами роста монетизации, долгов (в т.ч. государственного долга), финансовых рынков.

Курсы валют

Конъюнктура глобальных финансов формируется под воздействием динамики курса доллара США / евро, как двух мировых резервных валют.

Динамика курса доллара США (далее – доллара) циклична в 1970-2010-х гг. Циклы сформировались после демонетизации золота в начале 1970-х гг. и постепенного перехода к свободному плаванию ведущих валют (Ямайская валютная система). «Впереди – циклическое укрепление доллара, затем длинный спад, как это было в прошлом (15-17-летние циклы в 1970-х – первой декаде 2000-х гг., понижательный склон – 2001-2009 гг.)» (2011 г.).² Так и случилось. В 2012-2016 гг. доллар укрепился по отношению к евро и другим валютам. В 2017 – 2021 гг. доллар находится в «коридоре» между циклами, колеблясь между 1,14-1,25 долл. к евро, постепенно формируя третий цикл.

Особенности третьего цикла – сглаженный и растянутый (в сравнении с предыдущими) во времени (в связи со снижением процента и дифференциала процентных ставок).

За длинными циклами доллара стоят бизнес-циклы экономики США, антициклическая политика ФРС и, как следствие, циклическая динамика дифференциала долгосрочных процентных ставок ключевой пары «доллар – евро» (США – еврозона).³

В 2021 г. могут осуществиться три сценария:

- колебания курса доллара в коридоре 1,10 – 1,20 к евро, с вероятностью – 25 - 35%;
- с вероятностью 10 – 15% укрепление доллара США по отношению к евро и другим мировым валютам в коридоре 1,02 – 1,10;
- возникновение циклического ослабления доллара США, переход границы в 1,20 – 1,35 к евро, начало «понижательного» склона в третьем большом цикле курсовой динамики доллара США с начала 1970-х гг. Вероятность – 55 – 60%.

Третий сценарий, если он произойдет, будет, при прочих равных, препятствовать дальнейшему ослаблению рубля к доллару.

В 2021 г. будет удерживаться доля доллара США как валюты, в которой номинированы активы, как резервной валюты (60-65% распределенных международных резервов, евро – примерно 20%),⁴ средства сбережений и платежа (40 – 45% трансграничных расчетов, евро – 35 – 37%),⁵ как «товара» на валютном рынке (88% из 200%)⁶, как наличности, пользующейся

² Миркин Я. М. Финансовое будущее России: экстремумы, бумы, системные риски. М.: Кнорус. Geleos, 2011. – С. 327; Миркин Я. М. Глобальные финансы: будущее, вызовы роста / При участии Т.В.Жуковой, А.В.Комовой, М.М.Кудиновой; ИМЭМО РАН. – М.: Лингва-Ф, 2019. – С.77.

³ Детальный анализ см. в книге: Я.М.Миркин, Т.В.Жукова, К.В.Бахтараева, А.В.Левченко, М.М.Кудинова. 1971 – 2025: курсы валют, мировые цены на сырье, курсы акций. М.: Магистр, 2015.

⁴ Claims in U.S. Dollars, Allocated Reserves, IMF COFER.

⁵ Patterns in Invoicing Currency in Global Trade. – Wash.: IMF, Working Paper /20/126. – 2020.

общемировым спросом (около 80% 100-долларовых банкнот будут находиться за границами США).⁷ Доля доллара США как валюты ценообразования и расчетов в импорте нефти достигает 85-90%.⁸

Отдельная история – юань (управляемый валютный курс). В июне-ноябре 2020 г. юань усилился по отношению к доллару США на 8%. Управляемое движение юаня в 2021 г. во многом будет определяться конфликтом торговых интересов с США и решениями по их урегулированию, в т.ч. в части валютных курсов.

В 2021 г. наиболее высока вероятность динамики курса фунта стерлингов, не предполагающей ярко выраженного повышения к двум мировым резервным валютам.

Как и в 2018 – 2020 гг., валюты развивающихся рынков будут в 2021 г. волатильнее, чем развитых (кэрри-трейдинг, кризисы, политические риски, волатильность цен на сырье). Обычные зоны рисков – латиноамериканские валюты (аргентинское песо в 2018 - 2019 гг. – обесценение более, чем в 3 раза к доллару США), турецкая лира, российский рубль (в числе других сырьевых валют).

Мировые цены на сырье как финансовый товар⁹

Динамика мировых цен на сырье в 2021 г., в части вектора, определяемого движением курса доллара США, будет во многом связана с тем, по какому из трех сценариев будет изменяться в 2021г. курсовое соотношение доллара к евро как мировых резервных валют (см. выше). При прочих равных в фундаментальных факторах, а) с вероятностью 10-15% в 2021 г. – возврат к снижению мировых цен на сырье (укрепление доллара, давление на цены на сырье вниз); б) с вероятностью 55-60% – возобновление роста сырьевых цен (начало циклического ослабления доллара, «подъемная сила» для цен на сырье), в) с вероятностью 25-30% – продолжение «эпохи стабильных цен» на сырье, «коридор» (стабилизация доллара, волатильность их в коридоре вслед за колебаниями курса доллара).

На конечную динамику цен на сырье будут также влиять а) состояние пандемии, переходящей в 2021 г.; б) сценарий, реализованный мировой экономикой и глобальными финансами в 2021 г., и, в зависимости от него, изменение спроса на сырье, только *второй из четырех сценарий* (вероятность 15 – 30%, V-образное возобновление роста мировой экономики предполагает рост спроса); в) попытки государств – производителей нефти контролировать цены (через нефть – воздействие на цены на газ и другое сырье); г)

⁶ BIS Statistics. Triennial Central Bank Survey of Foreign Exchange and Over-the-counter (OTC) Derivatives Markets in 2019.

⁷ В 2017 г. около 80% 100-долларовых банкнот находились за границами США (примерно 60% всех выпущенных наличных долларов) в сравнении с примерно 30% в 1980 г. Издержки государства (то бишь США) на печать 100-долларовой банкноты составляют 14 центов. Источник: Weir M. The Boom in Benjamins. What makes the US \$100 bill so popular? IMF Finance & Development, June 2019. PP. 60 – 61.

⁸ The International Role of the Euro. European Central Bank, 2019 – 2020.

⁹ С начала 2000-х гг. нефть, газ, металлы, продовольствие стали во многом финансовыми товарами. Их мировые цены формируются на биржах товарных деривативов (Нью-Йорк, Лондон, Чикаго, зерновые биржи Канзас-Сити, Миннеаполиса). Всё меньшая часть сделок с топливом ориентируется на прямые цены долгосрочных договоров. Резко выросла доля финансовых спекулянтов и институциональных инвесторов, играющих с товарами. Фундаментальные факторы (запасы, спрос, производство, технологии, геополитика) имеют второстепенное значение, действуют на цены «на экстремумах». Цены на сырье формируются в долларах. Преобладающая часть расчетов за них – тоже в долларах. Инвесторы свободно переходят из доллара в нефть, из нефти в облигации, из облигаций в металлы и т.д. В итоге, цены на сырье во многом синхронизировались с долларом. Ослабление курса доллара к евро (это ключевая валютная пара) ведет, при прочих равных, к росту цены активов на рынках, к тому, что увеличение цен становится компенсацией падающего доллара. Усиление курса доллара связано с отрицательными движениями в стоимости активов. Наблюдается устойчивая корреляция цен товарных и финансовых активов. Подробно об этом см.: Миркин Я.М., Жукова Т.В., Кудинова М.М., Бахтарова К.Б., Левченко А.В. Международная практика прогнозирования мировых цен на финансовых рынках (сырье, акции, курсы валют). М.: Магистр, 2014. С.11 – 40.

накопление изменений в спросе на углеводороды, связанные с расширением других источников энергии, и другие фундаментальные факторы.

Золото

До 2019 г. золото вело себя как и другие металлы. В 2019 г. у золота сложилось собственное движение. Цены на него выросли с сентября 2018 г. по ноябрь 2019 г. примерно на четверть. Предполагаемые причины – рост закупок золота центральными банками как резервного актива¹⁰, циклическое замедление и увеличение рисков мировой экономики.

В 2020 г. произошел следующий скачок в динамике цены золота, вызванный его функцией «спасительной гавани» в моменты кризиса. В августе цены на золото превысили 2000 долл. за унцию.

В 2021 г. на цены на золото будут влиять: а) динамика курса доллара к евро (она воздействует на золото так же, как и на цветные металлы, нефть, газ); б) динамика мировой экономики и глобальных финансов (в кризис цены на золото растут, оно является «спасительной гаванью»); в) поддержание спроса со стороны центральных банков на золото, при условии сохранения политики дедолларизации международных резервов.

Динамика инфляции

До середины 1990-х годов уровень мировой инфляции составлял двузначную величину, временами достигая почти 40% (1992-1993 гг.). К концу 1990-х гг. он снизился до 5-6%, в 2000-х гг. – до 4-5%, в 2010-х гг. – до 3-4%. Прогноз на 2021 г. мировая инфляция – в пределах 3-4%.

Как и раньше, инфляция в развивающихся странах будет в 2021 г. выше, чем в развитых. Зона особенно высокой инфляции 2021 г. – Латинская Америка.

Вместе с тем, сценарии 2021 г.: *первый сценарий* (вероятность – 45-50%) – инфляция (с вкраплениями дефляции по ряду стран) – на уровне 2020 г.; *второй сценарий* (вероятность 15-30%), V-образный – заметное ускорение инфляции (до 4-4,5% по миру в целом); *третий сценарий* (вероятность – 20-30%) – разрастание очагов дефляции, снижение мирового уровня инфляции («остывание» экономик, сокращение спроса), возникновение островов двузначной инфляции.

Сверхнизкий процент

С 1970-х гг. снижался «глобальный» уровень процента. После кризиса 2008-2009 гг. возникла новая идеология банковского дела, в которой отрицательный процент признается законным, функция банков – не прирост капитала, а надежное хранение ликвидности. Инвестор должен платить банкам за эту услугу вместо того, чтобы рассчитывать на процент, на рост своих вложений.

¹⁰ 2019 Central Bank Gold Reserve Survey. Gold Hub (World Gold Council), June 2019.

Таблица 5. Динамика суверенного долга (отношение долга к ВВП, %)

	2007	2010	2012	2014	2019	2020*	2021*
Развитые экономики	74	99	106	104	104	124	124
«Большая семерка»	82	113	121	119	119	141	141
США	64	95	102	105	109	131	134
Великобритания	44	78	85	88	85	108	112
Япония	183	216	238	249	238	266	264
Европейский Союз	59	79	85	88	79	95	95
Еврозона	66	86	91	94	84	101	100
Германия	65	82	79	75	60	73	72
Нидерланды	45	63	66	68	48	59	61
Франция	64	82	90	95	98	119	119
Италия	100	115	123	133	135	162	158
Испания	36	62	85	99	95	123	121
Греция	107	148	160	180	181	205	201
Развивающиеся экономики	35	39	37	41	52	61	64
Развивающиеся экономики Азии	35	42	40	43	53	63	67
Китай	35	37	34	40	53	62	67
Индия	74	67	69	68	72	89	90
Турция	38	40	33	29	33	42	46
Латинская Америка	47	49	48	51	69	79	79
Аргентина	61	42	39	44	90	97	н/д
Бразилия	65	65	62	63	89	101	103
Мексика	38	42	43	49	54	66	66
Венесуэла	19	25	30	25	233	н/д	н/д
Развивающиеся экономики – Европа	24	29	30	30	30	39	40
Россия	9	11	12	16	14	19	19

*Прогноз МВФ.

Источник: IMF World Economic Outlook Database October 2020, General government gross debt, percent of GDP. Данные на конец периода, округлены до целых чисел

В 2021 г. эта тенденция подтвердится. Большинство центральных банков развитых стран будет удерживать процентные ставки низкими (даже в случае V-образного возобновления роста мировой экономики в 2021 г., с вероятностью 15-30%).

В итоге, глобальные финансы и в 2021 г. будут находиться на территории «низкого процента». Общемировой тренд, формируемый центральными банками – снижение процента или удержание его стабильным (стимулирование роста в замедляющихся экономиках), за исключением тех стран, в которых будут происходить всплески волатильности на финансовых рынках.

Рост государственных долгов

Базовый сценарий 2021 г. – стабилизация или заметное торможение роста государственных долгов, вспышка которых произошла в пандемию, при продолжении постепенного наращивания госдолгов развивающихся экономик (**табл. 4**).

Тем не менее, реальные изменения объема и структуры государственных долгов в 2021 г. будут зависеть от того, какой из четырех сценариев динамики мировой экономики и глобальных финансов будет реализован. В частности, *первый сценарий* (вероятность – 45-50%) – стабилизация государственных долгов на уровне 2020 г. (может быть, с минимальным повышением); *второй сценарий* (вероятность 15-30%), V-образный – заметное сокращение государственных долгов (до уровня выше, чем перед пандемией); *третий сценарий* (вероятность – 20-30%) – дальнейшее заметное нарастание долгового бремени, лежащего на развитых экономика до 128-132% их ВВП, по развивающимся экономикам – до 66-68% ВВП; *четвертый сценарий* (вероятность – до 5%) – продолжение роста государственных долгов по группе развитых стран до 132-140% ВВП, разрастание долговых кризисов.

В 2021 г. более 70-75 юрисдикций будут иметь суверенные долги свыше 70% ВВП (в 2020 г. – примерно 70 стран), в т.ч. все страны G-7; более 50 стран, в т.ч. G-7 (без Германии) – выше 80% ВВП. Сохранится многолетняя, высокая концентрация суверенных долгов в Средиземноморье (Франция, Испания, Италия, Греция, Кипр). Долги более 30 развивающихся рынков будут выше безопасных пределов. Точки концентрации рисков во многом те же, что и в прошлые годы – Венесуэла (больше 200%), Аргентина, Бразилия (больше 100%). Всё больше концентрация высоких долгов на Ближнем Востоке, в Южной Азии, на Балканах.

Риски государственного долга США

МВФ прогнозирует, что по итогам 2020 г. госдолг США увеличится с 23,3 трлн долл. в 2019 г. до 27,3 трлн долл. в 2020 г. (или с 108,7% ВВП США до 131,2% ВВП).

Для того, чтобы оценить рост рисков, нужно иметь в виду следующее:

- США, как страна – эмитент мировой резервной валюты №1, в которой номинированы от трети до 60% глобальных финансов, в различных их сегментах, может позволить себе, как эмитент, значительно более высокий уровень госдолга, чем страна с «обычной валютой»;
- мировая практика знает гораздо более высокие уровни госдолга. В частности, у третьей экономики мира, Японии, госдолг составлял в 2019 г. – 238% ВВП, прогноз на конец 2020 г. – 266% ВВП. Уровня госдолга в 131% ВВП Япония достигла больше 20

лет тому назад, в 1999 г. (МВФ). Глобальные финансы такой уровень госдолга Японии принимают адекватно.

Вопрос, прежде всего, в том, какая часть долга абсорбируется внутренними инвесторами (и, в первую очередь центральным банком), а какая – внешними, нерезидентами. Риски повышаются, прежде всего, там и тогда, когда 1) высока доля госдолга в иностранной валюте (в случае США – это не так); б) доля нерезидентов очень значительна (особенно, если высока доля краткосрочного долга при открытом счете капиталов, когда кэрри-трейдеры или, в целом, нерезиденты могут свободно уйти с рынка («внезапная остановка притока капиталов», «бегство капиталов»)).

Из 27 трлн долл. (на 1 окт. 2020 г.) «публичный долг» (public debt) составляет 21 трлн долл., кроме того, 6 трлн долл. – межведомственный (intragovernmental debt) (технический, рыночных рисков не имеет) (Debt to the Penny, US Treasury).

Иностранные держатели – почти треть «публичного долга», 6,8 трлн. долл. (июль 2020 г.) (здесь и ниже – Treasury Bulletin. Центральный банк, федеральное + местные правительства – чуть больше 50% «публичного долга» (11,3 трлн. долл. (июль 2020 г.)).

Всё остальное – абсорбировано внутренними инвесторами.

Пока это достаточно безопасная структура госдолга. Вместе с тем, безусловно, риски госдолга США растут. Но пока сделать вывод о реальной угрозе для мировых финансов не представляется возможным.

Другое дело – долгосрочная перспектива в 7-10 лет. Риски госдолга США накапливаются (с учетом того, что предвыборная экономическая программа президента Байдена предполагает массивные государственные инвестиции при росте налогов на корпорации и состоятельные семьи).

Продолжение финансового развития

За последние 25-30 лет глобальная экономика значительно продвинулась в своем финансовом развитии (financial development). Реализовалась закономерность роста финансовой глубины мировой экономики (financial deepening, “financialization”). Как и в XX в., рост финансового оборота и финансовых активов опережал динамику реальной экономики. Усилилась ее насыщенность деньгами, финансовыми инструментами и институтами – в силу возникновения всё более развитых, диверсифицированных, сложных финансовых систем, обеспечивающих лучшие, чем в прошлом, условия для инвестиций в самые рискованные инновации, в высокотехнологичные производства, в догоняющий рост стран, отраслей, регионов – всех тех, кто отстал.

Ключевой индикатор этого процесса – устойчивый рост *монетизации экономики*.

Рост монетизации основан также на политике денежных смягчений, которые широко используются центральными банками как во время кризисов, так и в «обычное время», как средство стимулирования экономик к росту. Такой подход в монетарной политике стал обыденным после кризиса 2008 г. В 2021 г. продолжится рост финансовой глубины мировой экономики. Монетизация мирового ВВП достигнет по базовому сценарию 135-140% в сравнении с 126% в 2019 г., 100% в 2000 г., 88% в 1990 г., 64% в 1980 г. и 51% в 1960 г.¹¹

¹¹ Источник: World Bank Database November 2020.

Абсолютное большинство *развитых стран* (более 85%, по оценке) имеют монетизацию выше 80% ВВП.¹²

Таблица 6. Монетизация на конец года (отношение денежной массы к ВВП, %)

	2000	2007	2008	2010	2014	2016	2019	2021
Мировая экономика	100	97	101	109	115	124	126	135-140
Страны с высоким уровнем доходов населения	110	107	113	119	119	122	124	135-140
США	69	80	85	85	90	90	93	105-115
Великобритания	95	139	160	166	137	142	142	н/д
Швеция	38	63	63	63	67	70	75	85-95
Япония	233	196	201	218	237	244	255	285-300
Южная Корея	65	122	129	131	140	147	152	160-170
Страны со средним уровнем доходов населения (верхняя зона)	68	82	83	103	124	143	145	150-155
Китай	136	149	149	176	192	209	197	200-205
Бразилия	46	68	70	74	82	94	98	110-115
Россия	26 (2002)	43	40	51	54	59	59	70-75
Турция	34	42	46	53	52	56	59	70-75
Страны со средним уровнем доходов населения (нижняя зона)	48	58	58	59	61	65	71	72-76
Индия	55	72	77	78	78	75	76	77-81
Страны с низким уровнем доходов населения	25	30	23	24	23	25	28	29-33

Источник: World Bank Database November 2020, Broad Money / GDP, %. Страны распределены на основе классификации стран, используемой Всемирным банком.

¹² Рассчитано по IMF IFS 2000 – 2020, World Economic Outlook Database October 2020.

Наименее развитые экономики имеют наименьший уровень финансовой глубины, что еще раз демонстрирует тезис о взаимосвязи финансового и экономического развития.

Страны со средним уровнем доходов (нижняя зона) показывают примерно 1,5-2-х-кратный разрыв в финансовой глубине к «вышестоящей» группе.

Для стран с низким уровнем доходов населения этот разрыв – в 2-4 раза.

Но и в этих группах будет происходить медленное нарастание степени финансовализации экономического оборота. Этот тренд подтвердится и в 2021 году.

Динамика рынков акций

В большинстве развитых стран после кризиса 2008-2009 гг. возникла разнонаправленная динамика рынков акций:¹³ а) устойчивый, с отдельными крупными колебаниями рост рынка акций США; б) стагнация рынков акций Европы (долгосрочный тренд, «континентальная модель», более консервативная денежная политика); в) умеренный рост крупного рынка акций Японии (политика денежных смягчений); г) стагнация развивающихся рынков, при их очень высокой волатильности.

В 2020 году резко усилилась волатильность рынков акций (пандемия, мировой кризис, изменения цен на сырье). Высокая волатильность сохранится и в 2021 г. Конъюнктура рынков акций 2021 г. будет зависеть от того, какой из четырех сценариев динамики мировой экономики и глобальных финансов будет реализован.

В частности, *первый сценарий* (вероятность – 45-50%) – рынки в «коридоре», с повышенной волатильностью, за исключением рынка акций США («кипящий котел»), для него наиболее вероятно продолжение повышательной динамики, при высоких колебаниях (например, приход еще одной волны пандемии); *второй сценарий* (вероятность 15-30%), V-образный – повсеместный рост рынков акций, в США – опережающий, в других развитых странах – менее заметный; *третий сценарий* (вероятность – 20-30%) – большинство рынков в понижительной динамике или стагнации, при волатильности, близкой к штормовой, рынок акций США (с «деньгами всего мира») – в слабой повышательной динамике, с крупнейшими колебаниями; *четвертый сценарий* (вероятность – до 5%) – рынки акций повсеместно находятся в «минусе», рынок США – в целом, за год менее глубокий провал, при разовых очень крупных колебаниях.

Вместе с тем, нужно учитывать, что значения «насыщенности акциями» в 180-185% ВВП для США являются а) самыми высокими в истории фондового рынка этой страны; б) пороговыми для разрыва мыльного пузыря.

В этой связи рынок акций США подвержен высокой вероятности крупнейших колебаний.

Стагнация рынка деривативов

Внебиржевые рынки деривативов, бывшие наиболее динамичным сегментом финансового рынка до кризиса 2008-2009 гг., стагнируют и пока не могут достигнуть объемов более чем 10-летней давности.

Иной тренд (до 2020 г.) на рынках биржевых деривативов (регуляторы отдают предпочтение именно им, как наиболее прозрачным, с централизованными расчетами и с меньшими

¹³ Оценка в долл. США (чтобы устранить влияние динамики валютных курсов).

рисками неурегулирования контрактов и возникновения цепочек неплатежей и банкротств). Только эти рынки перекрыли предкризисные уровни 2008 г. В 2019-2020 гг. начались стагнация и некоторое сокращение этих рынков.

Указанные тренды будут продолжены и в 2021 г.

Таблица 7. Развитие глобального рынка деривативов, трлн долл.

	2008	2014	2016	2018	2019	2020 (июнь)	2021
Биржевые фьючерсы (процентные, валютные), открытый интерес	18,9	25,6	26,2	39,0	35,0	31,5	30-37
Биржевые опционы (процентные, валютные), открытый интерес	34,1	32,0	41,1	55,7	60,8	53,9	55-65
Внебиржевые деривативы							
Валютные процентные, на акции, глобальный рынок, по нарицательной стоимости, непогашенные контракты	672,6 (июнь)	628,0	483,0	544,4	558,5	606,8	550-630
Валютные, процентные, на акции, глобальный рынок, по валовой рыночной стоимости, непогашенные контракты	20,2 (июнь)	20,8	15,0	9,7	11,6	15,5	11-13
Товарные, глобальный рынок, по нарицательной стоимости, непогашенные контракты	14,1 (июнь)	2,1	1,7	1,9	2,1	2,1	2-5
Товарные, глобальный рынок, по валовой рыночной стоимости, непогашенные контракты	2,3 (июнь)	0,3	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3-0,5
Кредитные, включая кредитные свопы, глобальный рынок, по нарицательной стоимости, непогашенные контракты	68,7 (июнь)	16,8	10,1	8,4	8,1	9,1	8,0 – 8,5
Кредитные, включая кредитные свопы, глобальный рынок, по валовой рыночной стоимости, непогашенные контракты	3,3 (июнь)	0,6	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2 – 0,3

Источник: BIS Statistics Explorer, Global OTC Derivatives Market, Exchange-traded Derivatives Statistics

Сценарии усиления рисков и волатильности в 2021 году

Источники ключевых рисков 2021 г.:

- а) вспышки волатильности на финансовых рынках в связи с продолжением мирового кризиса (*первый, третий, четвертый* сценарии). В 2021 г. рынки будут демонстрировать повышенную сейсмику (кроме второго, V-образного сценария);
- б) продолжение торговых войн, усиление конфликтов интересов на глобальных рынках, расцвет протекционизма, расширение санкций, в т.ч. в финансовом секторе. Является долгосрочным трендом, складывающимся под давлением глубоких структурных изменений в окружающей среде, технологиях, в динамике отдельных сообществ – стран и, соответственно, их растущей конкуренции за ресурсы, доминирование, выживание;
- в) суверенные долги. В 2021 г. будут перенесены риски, резко повысившиеся в связи с масштабным ростом государственных долгов в пандемический кризис 2020 г. Нарастает угроза долговых кризисов (*первый, третий, четвертый* сценарии);
- г) риски развивающихся рынков. Повышенная сейсмика глобальных финансов в 2021 г., переданная из 2020 г., будет «с рычагом», с гораздо большим масштабом колебаний, как и в 2020 г., демонстрироваться на развивающихся рынках;
- д) риски мыльного пузыря. Прежде всего, в части рынка акций США, куда идут «деньги всего мира». Значения капитализации в 180 – 185% ВВП являются пороговыми, после которых резко нарастают риски разрыва мыльного пузыря;
- е) риски новых финансовых активов. Прежде всего, в части криптовалют и криптофинансовых активов. Являются «убежищем спекулянтов» в условиях снижения процента и кризиса на глобальных финансовых рынках. Как и в 2020 г., будут демонстрировать в 2021 г. очень высокую сейсмику.
- ж) политические риски (конфликтная зона «Россия – постсоветское пространство - США – Европейский Союз», Ближний Восток, Латинская Америка и др.). Потенциал воздействия этих рисков на глобальные финансовые рынки пока нарастает.

4. ЭКОЛОГИЯ

Глобальные вызовы. Глобальные экологические вызовы останутся на ведущих позициях среди глобальных рисков мирового развития. Последние данные, например, о мировом ущербе от природных бедствий становятся сопоставимы с угрозой безопасности мировому населению от коронавирусной инфекции. Согласно мировой статистике, за 2019 г. от крупных стихийных бедствий в мире пострадало около 95 млн человек, а число смертельных случаев от связанных с ними чрезвычайных ситуаций исчислялось в 11,8 тыс. Согласно предварительным оценкам, негативные экономические последствия пандемии для мировой экономики могут быть выше, чем ущерб от основных экологических вызовов. Другая особенность заключается в том, что «экологический результат» пандемии уже прослеживается в настоящее время и, скорее всего, может сохраниться и на ближайшую перспективу. Тем самым, ее воздействие по отдельным экологическим секторам вполне может быть сопоставимо с эффектами от природоохранных действий. Так, например, в течение 2020 г. из-за снижения мирового промышленного производства, сокращения транспортной мобильности населения и активности производственной логистики, изменений в глобальных цепочках поставок наблюдалось сокращение загрязнения воздуха и выбросов парниковых газов, снижение загрязнения водных объектов и потребления отдельных видов природных ресурсов. Вполне вероятно, что эта тенденция сохранится в ближайшей перспективе.

Статистические данные за первое полугодие 2020 г. свидетельствовали о сокращении загрязнения воздуха в городах и отдельных регионах в Китае, США и в европейских странах. Массовые блокировки городов и промышленных агломераций, школ и общественной жизни наблюдались на фоне тенденции роста мобильности в национальных парках, на общественных пляжах, скверах, в яхт-клубах и собачьих парках. При общем сокращении автотранспорта на дорогах отмечалось улучшение качества воздуха, сокращение выбросов парниковых газов, а также снижение транспортного шума и износа шин и дорожных покрытий.

Особо серьезный эффект от глобального спада в промышленном и транспортном секторах достигнут в области сохранения климата. По некоторым оценкам, выбросы двуоксида углерода, например, в Китае – стране с самым продолжительным периодом блокировки, сократились на четверть. Согласно предварительным оценкам фактическое снижение глобальных выбросов парниковых газов может составить 5%. Таков может быть годовой итог пандемии COVID-19: он существенно превосходит достигнутые результаты и эффективность климатических действий мирового сообщества.

Среди главных экологических вызовов мировому устойчивому развитию по-прежнему будут оставаться последствия изменения климата и связанные с этим чрезвычайные ситуации от стихийных бедствий, глобальные проблемы водных ресурсов, продовольственной безопасности и сохранения биоразнообразия. Во многом схожая оценка представлена в последнем международном докладе по Глобальным Рискам (The Global Risks Report 2020) Мирового экономического форума, в котором подчеркивается, что среди угроз глобальному развитию риски, связанные с изменением климата играют доминирующую роль среди основных групп – экономических, геополитических, социальных и технологических рисков.

На ближайшую перспективу выполнение международной экологической повестки дня будет продолжено в рамках недавно принятых ООН семнадцати основных Целей Устойчивого Развития до 2030.

Изменение климата. Изменение глобального климата и климатическая политика будут оставаться приоритетом международной экологической повестки дня. Она по-прежнему строится на двух базовых компонентах – сохранение климата за счет перехода на низкоуглеродное развитие и адаптация к последствиям продолжающихся климатических изменений. Действия мирового сообщества по снижению выбросов парниковых газов становятся особо актуальны на фоне новой важной тенденции, свидетельствующей о выходе в 2019 г. на плато мировых выбросов двуокиси углерода после их роста в течение двух предыдущих лет. Поэтому поддержание хрупкой глобальной эмиссионной динамики за счет продуманных и максимально эффективных действий по переходу на низкоуглеродное развитие представляется главным приоритетом. По предварительным данным такая тенденция может продолжиться в ближайшей перспективе в том числе в условиях спада в мировой экономике в результате пандемии COVID-19. Проведение очередной Конференции ООН по изменению климата *COP-26*, планируемое на ноябрь 2020 г., было отложено на год и, как предполагается, состоится теперь осенью 2021 г. в Глазго. В связи с этим переносятся и сроки завершения работы по международному согласованию ряда оставшихся незавершенными технических норм и процедур реализации Парижского соглашения по климату, которое будет основным международным режимом, регулирующим деятельность государств по сохранению глобального климата и адаптации к последствиям климатических изменений.

Роль этого международного режима в прогнозной перспективе может быть консолидирована в результате ожидаемых серьезных изменений в национальной политике ряда ведущих стран – источников мировых выбросов парниковых газов. В США предполагаются важные сдвиги в климатической политике с приходом новой администрации Байдена, объявившей о пересмотре решений Трампа относительно выхода из Парижского соглашения. Наряду с этим разработан достаточно амбициозный национальный план климатических действий, который предполагается реализовать путем перехода к 2035 г. к производству электроэнергии без углерода (*carbon-free*) и затем достижение к 2050 г. нулевого (*net-zero*) уровня выбросов двуокиси углерода.

За последние годы отмечается тенденция серьезных сдвигов в национальных климатических стратегиях большинства стран крупных эмиттеров парниковых газов. Многие страны-члены Парижского соглашения «обновили» свои национальные планы климатических действий и разработали достаточно агрессивные национальные и региональные стратегии по снижению выбросов необходимые для реализации их международных обязательств и переходу на низкоуглеродное развитие. Особо жесткие цели поставлены европейскими странами, позиционирующими себя главными драйверами мировых климатических действий. Так, Европейский Союз объявил о переходе к 2050 г. на «климатическую нейтральность», а в марте 2020 г. принял «нулевой план» (*net-zero plan*), который предполагает ускорение снижения темпов выбросов парниковых газов – к 2030 г. на 50% (желательно на 55%) по сравнению с их базовым уровнем 1990 г. Разработана так называемая «Зеленая Сделка ЕС» (*EU Green Deal*) с набором конкретных инициатив для достижения климатической нейтральности, в том числе путем серьезных трансформаций и технологических инноваций в

отдельных секторах экономики; для ее реализации принята программа *InvestEU* с новыми планами климатических инвестиций около 1 трлн евро. Параллельно предполагается приведение действующих европейских правовых норм в соответствие с климатическими целями, а также разработка нового законодательства в области экономики замкнутого цикла, строительства, животноводства, биоразнообразия и инноваций, а также пересмотр системы налогов в энергетике и стимулирование климатических инвестиций. Соответствующие национальные стратегии и конкретные планы действий разрабатываются отдельными европейскими странами. За пределами европейского региона также просматриваются серьезные инновации. Так, в конце 2020 г. Япония объявила о намерении полного сокращения выбросов парниковых газов к середине 21 века, а Китай и Корея намереваются перейти на углеродно-нейтральные модели экономического развития. В перспективе намечается, установление взаимодействия между отдельными действующими и будущими национальными и региональными рынками квот на выбросы углерода в Европе, Сев. Америке и Азии. Активно обсуждаются вопросы развития национального углеродного регулирования и системы углеродных налогов, которые в настоящее время введены в 25 странах. Европейский Союз оценивает перспективы применения пограничных углеродных тарифов во внешнеэкономических операциях со странами, где не введена национальная система углеродного регулирования.

Зеленое финансирование 2020-2021 гг.

В отличие от 2019 г., рекордного для роста зеленого финансирования, 2020 г. вследствие пандемии COVID-19 не оправдал сделанных ранее весьма оптимистичных прогнозов. В результате локдауна и спада в мировой экономике в первом полугодии 2020 г. объем выпуска зеленых облигаций по данным CBI (*Climate Bond Initiative*) сократился на 26% по сравнению с аналогичным периодом 2019 года¹⁴. При этом величина эмиссии в первом полугодии 2020 г. оставалась примерно на уровне того же периода 2018 года – около 90 млрд долл. Отраслевая структура использования заемных средств практически не изменилась: лидируют энергетические проекты (ВИЭ и повышение энергоэффективности), затем идет «зеленое строительство» и экологически чистый транспорт. Среди стран-эмитентов зеленых облигаций по-прежнему впереди развитые страны: США и страны Западной Европы, причем если рассматривать страны ЕС как единое целое, то Европа является лидером. Китай сократил сумму эмиссий в первом полугодии 2020 г., однако по оценке экспертов, возможен их рост к концу второго полугодия. Доля межгосударственных и национальных банков развития в эмиссии зеленых облигаций в первом полугодии 2020 г. осталась на уровне прошлых лет. Следует, однако, отметить, что наряду с зелеными государства в 2020 г. активно начали выпускать социальные и особенно так называемые «ковидные» облигации, направляя привлеченные средства непосредственно на социальные нужды в условиях пандемии и борьбу с COVID-19. Сумма этих облигаций значительно выросла по сравнению с прошлым годом. Объем социальных облигаций в первом полугодии 2020 г. составил около 40 млрд долл. по сравнению с 20 млрд в 2019 г., а впервые эмитированных «ковидных» облигаций – 70 млрд долл¹⁵. Одновременно немного увеличился выпуск так называемых устойчивых (*sustainable*) облигаций, средства которых

¹⁴ Green Bond Market Summary. Climate Bonds Initiative. 2020. – P. 4.

¹⁵ Sustainable Debt. Global State of the Market. Climate Bonds Initiative. 2020.

предназначены для финансирования компаний, учитывающих принцип ESG (*ecological, social, governance*) в своей деятельности, т.е. используются для экологических и социальных целей. В результате СБИ наряду со статистическим обзором по зеленым/ климатическим облигациям, в 2020 г. начала выпускать аналитический статистический обзор по устойчивым облигациям в целом, включающем все четыре рассмотренные выше категории (*Sustainable Debt. Global State of the Market, 2020*).

Хотя пандемия COVID-19 вызвала некоторый спад зеленого финансирования в краткосрочном периоде, в долгосрочном плане она укрепила позиции сторонников зеленой экономики и зеленого финансирования, а также устойчивого финансирования в целом, поскольку показала, что изменение климата и деградация природных ресурсов могут угрожать самому существованию человека, принести не только материальный, финансовый, но и физический ущерб его здоровью. По мнению экспертов *JP Morgan* (июль 2020 г.), кризис, вызванный пандемией, стал своего рода сигналом (*wake up call*) для разворота в сторону устойчивого финансирования. По их оценке, более 70% опрошенных 50 глобальных инвесторов с активами в управлении около 13 трлн долл. согласились, что существует прямая связь между рисками пандемии и изменением климата, а также сокращением биоразнообразия. Именно поэтому эксперты считают, что для финансовых и нефинансовых компаний показатель ESG будет не менее важен, чем основные финансовые метрики¹⁶.

Осенью 2020 г. уже наметились признаки возвращения «зеленой» повестки на значимые позиции, прежде всего в Европе. Несмотря на финансово-экономические трудности в условиях пандемии ЕС подтвердил верность обязательствам, принятым в рамках Зеленой Сделки, в том числе готовность полностью исключить углеродный след в финансовых активах к 2050 г. В рамках Плана действий по устойчивому финансированию 2018 г. продолжается работа по завершению таксономии ЕС (единой классификации) для зеленых финансовых продуктов; определению бенчмарков (один из первых – стандарт по углеродному следу); введению с 2022 г. Регулирования (*Regulation*) по обязательному предоставлению нефинансовой отчетности, относящейся к оценке климатических рисков в соответствии с рекомендациям Рабочей группы СФС (*TCFD – Task Force Group on Climate Disclosure*).

В Китае в июле 2020 г. с одобрения Госсовета был учрежден «Национальный фонд экологического развития» с уставным капиталом 88,5 млрд юаней. Зеленый фонд направлен на поддержку окружающей среды, предотвращения загрязнения воздуха, использования ВИЭ и экологически чистого транспорта. В Китае уже действует более 50 местных фондов в разных городах, но на национальном уровне такой фонд создается впервые, и что, особенно примечательно, в условиях пандемии. Его задача – не только использовать собственные средства, но и привлекать к проектам международные банки развития (МБРР, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и др.).

В целом в период пандемии COVID-19, как это обычно бывает в кризисных ситуациях, роль государства, в том числе через государственно-частные партнерства увеличилась. Национальные и региональные власти стремятся в восстановительной стратегии при планировании финансовых расходов учитывать экологические и социальные факторы. Так в принятом ЕС пакете мер для преодоления пандемии COVID-19 на сумму 750 млрд евро

¹⁶ GP Morgan Research. 2020.

предусматривается, что 30% этих средств должны быть направлены на финансирование зеленых инициатив, включая уменьшение зависимости от ископаемого топлива и повышение энергоэффективности. Правительства Австрии и Франции при предоставлении финансовой помощи национальным авиакомпаниям для преодоления экономических трудностей в связи с пандемией COVID-19, потребовали взамен использовать более экологически чистое топливо и сократить выбросы CO₂.

Пандемия еще раз подтвердила наличие взаимосвязи между экологическим и социальным факторами. В ставшей уже привычной аббревиатуре – ESG принципы, социальный аспект (S) стал играть более весомую роль, чем раньше. Это четко прослеживается в структуре новых эмиссий устойчивых облигаций в первом полугодии 2020 г. Данный факт, однако, не умаляет значения зеленых финансов, просто свидетельствует о ребалансировке компонентов внутри устойчивого финансирования.

Еще один важный аспект, усиленный пандемией COVID-19 – рост масштабного использования финансовых технологий, в том числе в зеленом финансировании. Появился и стал широко применяться термин «*Green Fintech*». И хотя существуют разногласия среди экспертов и представителей финансового сообщества относительно четкого определения данного термина, все согласны, что это необходимо, поскольку использование новых технологий расширяет возможности и повышает эффективность всех финансовых продуктов, включая зеленые.

Таким образом, можно сделать вывод, что зеленое финансирование, несмотря на возможные количественные сокращения в условиях продолжающейся пандемии будет оставаться важным фактором развития глобальных финансов и в 2021 г.

5. ПРОГНОЗ КОНЬЮНКТУРЫ ОСНОВНЫХ РЫНКОВ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА

Продовольствие

В 2020 г. на развитие мирового производства и торговли сельскохозяйственным сырьем и продуктами его переработки существенно повлияла пандемия COVID-19. Она наложила на долговременные тренды био-климатического и политико-экономического характера. Со стороны предложения к первым относятся, прежде всего, неблагоприятные изменения климата и истощение природных ресурсов для сельского хозяйства в ряде основных стран-экспортеров, продолжающиеся эпизоотии (прежде всего, АЧС), локальные вспышки других опасных болезней сельхозживотных и птицы (в октябре 2020 г. – 305 вспышек в 24 странах). Ко вторым – кризис мировой экономики, неопределенность в глобальной торговле из-за усиления протекционизма США (прежде всего в отношении Китая и, частично – ЕС), ослабления роли международных регуляторов (прежде всего ВТО), сокращения нынешних цепочек добавленной стоимости в АПК, сохраняющейся волатильности мировых цен и валютных курсов. Со стороны спроса первые включают прирост мирового населения при отставании внутреннего производства продовольствия, вторые – продолжающееся изменение структуры и спроса на продовольствие, в т.ч. под влиянием предпочтений новых поколений потребителей, ориентирующихся на обеспечение «здорового питания» при снижении негативного влияния АПК на экологию и климат.

Пандемия нарушила ход весенних полевых и осенних уборочных работ, функционирование глобальных цепочек поставок агропродовольственных товаров, резко снизила доходы фермеров (особенно в животноводстве) из-за падения потребительского спроса. В США в апреле 2020 г. заражение сотрудников коронавирусом привело к закрытию 25% предприятий по переработке свиней, 10% – крупного рогатого скота, а также птицы, сократив запасы замороженной свинины, говядины и птицы в стране до двухнедельного минимума и повысив до рекордного уровня цены говядины и бекона. Снабжавшие эти заводы свиноводы США и Канады были вынуждены подвергать эвтаназии сотни тысяч животных, которых ранее готовили на убой. Общие убытки фермеров США от пандемии оцениваются в 5 млрд долл. Пандемия резко обострила глобальную продовольственную проблему, прежде всего в развивающихся странах, особенно – страдающих от природных бедствий и военных конфликтов. За 2020 г. число страдающих от недоедания в мире может вырасти на 19% или на 132 млн чел. до 822 млн чел. (более 10% населения мира), вернувшись к уровню 2010 г. Более 2 млрд чел. (около 26% мирового населения) не получают регулярного доступа к достаточному количеству безопасной, питательной пищи.

Однако низкая эластичность спроса на продовольствие и технологическая специфика АПК, обусловили относительно большую устойчивость мирового производства агропродовольственных товаров. Осуществление основной части международной торговли ими (прежде всего, зерном, маслосеменами) в виде массовых морских перевозок, не сильно пострадавших из-за коронакризиса, способствовало сохранению роста стоимости аграрного экспорта до мая 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. более чем на 2,5%, преимущественно за счет его продовольственной части. При этом это происходило при снижении за январь – май 2020 г. интегрального индекса продовольственных цен ФАО в 1,1 раза, в т.ч. цен мясо- и молокопродуктов в 1,1 раза, растительного масла в 1,4 и сахара – в 1,3 раза при незначительном сокращении индекса цен зерна.

Начиная с июня 2020 г., на фоне неопределенности с производством базовых агропродовольственных товаров из-за неблагоприятных погодных условий и риска возникновения второй волны пандемии вновь наметился повышательный тренд мировых агропродовольственных цен. *По зерну* он связан с ожидаемым сокращением мирового сбора

фуражных зерновых (прежде всего, кукурузы в ЕС и Украине), пшеницы (в Аргентине и Украине) и риса, а также сокращения товарных запасов в ведущих странах-экспортёрах при активизации импортного спроса. В целом в 2020/2021 сельхозгоду ФАО ожидает рост общего сбора зерна по сравнению с 2019/2020 г. на 1,6% почти до рекордных 2750 млн т. При прогнозируемом увеличении мирового потребления зерна на 1,9 % это может привести к росту физического объема мировой торговли зерном на 3,0% (в т.ч. фуражным – на 4,7%) при сохранении повышательного тренда мировых цен. *По растительному маслу* при прогнозируемом рекордном общем урожае масличных культур (из-за роста сборов сои в США и Южной Америке) ожидается снижение мировых урожаев подсолнечника (в России, Украине, Аргентине, Турции), рапса и оливок (прежде всего в ЕС) и сокращение выпуска соответствующих видов масел при росте производства соевого и пальмового масел. При неопределенности динамики спроса в условиях пандемии это, вероятно, приведет к умеренной повышательной тенденции в мировых ценах на подсолнечное, соевое и пальмовое масла. Сходный тренд, вероятно, будет характерен и для мировых цен *сахара* в связи с сокращением производства в его крупнейших мировых продуцентах (Бразилии и Индии). *По мясу* ожидается снижение его общемирового производства на 1,7%, прежде всего, из-за связанного с пандемией сокращения производства свинины, говядины и телятины. Снижается и спрос на них из-за антикризисных мер и уменьшения доходов населения в странах-экспортерах и снижения валютных ресурсов в странах-импортерах. Сказались и импортные ограничения на мясо из США и ЕС в Китае, на фоне наращивания им собственного производства. К октябрю 2020 г. КНР уже компенсировала 70% потерь свиноголовья из-за африканской чумы в 2019 г. В то же время растет спрос на более дешевое мясо птицы, особенно в странах Азии и Африки. Вероятно можно ожидать стабилизации или даже некоторого снижения мировых цен на свинину, мясо птицы и говядину при росте их на баранину в условиях устойчивого спроса и ограниченного экспортного предложения. *По молоку* постепенное ослабление карантинных мер и увеличение импортного спроса стран Азии (прежде всего Китая) и Ближнего Востока привело к росту цен на сыр, обезжиренное молоко и сливочное масло.

В октябре 2020 г. интегральный индекс мировых продовольственных цен ФАО и индекс цен сахара были в 1,1 раза выше среднегодового уровня 2019 г., индексы цен зерна – в 1,2, растительного масла – в 1,3 раза выше. В целом за год можно ожидать, более низких, чем в 2019 г., индексов цен на мясо и молоко, близких к прошлогоднему – интегрального индекса и индекса цены сахара. С учетом колебаний в мировом производстве и коронавирусного снижения спроса на продовольствие подобная динамика может частично сохраниться и в 2021 г. Новым важным фактором динамики мировой торговли (в т.ч. понижательного ценового тренда по ряду продуктов) становятся нетарифные ограничения из-за COVID-19, которые могут использоваться импортерами для получения ценовых и иных преференций. Так, Китай – крупнейший мировой импортер мяса, молокопродуктов и рыбы в сентябре из-за выявления коронавируса у работников компаний - поставщиков или следов вируса на продуктах и их упаковке ограничил импорт замороженного продовольствия с ряда компаний из 19 стран. В ноябре КНР ввела режим превентивной комплексной дезинфекции даже для импортных замороженных продуктов с отрицательным тестом на коронавирус.

В 2020 г. мировой сельскохозяйственный экспорт, будет в интервале между 1,7 трлн долл. и 1,8 трлн долл. Доля РФ в нем может достичь (с учетом экспорта рыбы) 1,5-1,6%, но по ряду товарных групп (прежде всего зерну и растительному маслу) будет существенно выше (особенно в натуральном выражении). Россия поставляет продукцию АПК почти в 160 стран мира, причем уровень покрытия российского агропродовольственного импорта экспортом продолжает расти и в 2020 г. превысит 90%.

Возможное развитие рынков 2 базовых товарных групп – зерновой и мясной показано в Табл. 1 и 2.

Таблица 8. Мировые и российские производство и экспорт зерна (млн т., по сельскохозяйственным годам – с 1 июля текущего по 30 июня следующего года).

	2016/17	2017/18	2018/19	2019/20	2020/2021
<i>Мир</i>					
Производство зерна	2660,7	2693,2	2646,4	2707	2749,7
в т.ч. пшеницы	763,5	761,6	732,4	761,9	762,7
Экспорт зерна	407,5	423,6	411,3	438,3	451,5
в т.ч. пшеницы	177,1	177,6	168,3	184	184,5
<i>Россия</i>					
Производство зерна	120,7	135,4	113,3	121,2	130,0-132,0
в т.ч. пшеницы	73,3	85,9	72,1	74,5	82,0-83,0
Экспорт зерна	35,5	52,4	43,3	44,4	49
в т.ч. пшеницы	27,1	40,4	35,2	34,8	39
<i>Доля России (%)</i>					
В производстве зерна	4,5	5	4,3	4,4	4,7-4,8
в т.ч. пшеницы	9,6	11,3	9,8	9,8	10,7-10,9
В экспорте зерна	8,7	12,4	10,5	10,1	10,8
в т.ч. пшеницы	15,3	22,7	20,9	18,9	21,1

Источник: рассчитано по данным Росстата, Минсельхоза РФ, ФАО ООН.

Как видно из таблицы, Россия и в 2020/21 сельхозгоду (с учетом ЕС как единого производителя и экспортера 27 стран) останется важным продуцентом (4 место в мире) и крупнейшим экспортером (1 место) пшеницы. Она также будет и одним из ключевых игроков на мировых рынках ячменя (2 место в мировом производстве и экспорте) и кукурузы (9 и 5 места, соответственно). Эти тренды, вероятно, сохранятся и в среднесрочной перспективе.

Тенденции к повышению роли РФ наблюдаются на мировых рынках других растениеводческих товаров и продуктов их переработки, например, семян подсолнечника и подсолнечного масла (2 место по производству и экспорту), центрифугированного сахара (9 и 16 места, соответственно) в 2019/2020 г.

Российские поставки уже заметно влияют на их ближайшие региональные рынки, прежде всего ЕАЭС, а также Ближнего Востока и Северной Африки, и частично вытеснили оттуда ЕС и США. Относительно низкие вывозные цены позволили российским поставщикам начать экспансию даже на «домашних» рынках США в Южной Америке и странах ЮВА. Хорошие перспективы у поставок российской продукции растительного происхождения на емкий рынок КНР, прежде всего, масличных, пшеницы, кукурузы, ячменя и продуктов их переработки.

Позитивные сдвиги наметились и в российском вывозе продукции животноводческого происхождения, прежде всего мяса.

Россия постепенно наращивает производство и экспорт мяса, прежде всего мяса птицы и свинины. Она уже поставляет мясо и мясопродукты в 40 стран. По итогам 2020 г. 3 российские компании включены в рейтинг 50 крупнейших мировых производителей мяса бройлеров. Ожидается, что в 2020 г. по свинине она станет 5-м мировым производителем и 7-м экспортером, по мясу птицы – 5-м и 8-м, соответственно. Эти тренды могут быть усилены при условии активной экспансии на перспективные рынки (прежде всего Китая и стран ЮВА), а также обеспечения ветеринарной безопасности (в т.ч. получения статуса страны, свободной от АЧС и коровьего бешенства). Постепенно растет и российский экспорт молокопродукции, в т.ч. в страны ЕАЭС и Китай. Заметное влияние на развитие мясомолочного экспорта РФ, по крайней мере до 2022 г., окажет масштаб «антиковидного» регулирования экспортно-импортных связей и его жесткость. Оно, в частности, будет стимулировать расширение онлайн торговли.

Таблица 9. Мировые и российские производство и экспорт мяса* (млн т.)

	2017	2018	2019	2020	2021
<i>Мир</i>					
Производство мяса	263,9	268,2	262,9	259,1	266,5
в т.ч. мяса птицы	92,7	94,6	99,3	100,8	102,1
Экспорт мяса	28,6	29,6	32	33,1	33,8
в т.ч. мяса птицы	11	11,3	11,8	11,9	12,2
<i>Россия</i>					
Производство мяса	10,3	10,6	10,9	11,2	11,4
в т.ч. мяса птицы	4,9	5	5	5,1	5,2
Экспорт мяса	0,24	0,29	0,39	0,59	0,65
в т.ч. мяса птицы	0,16	0,18	0,21	0,28	0,32
<i>Доля России (%)</i>					
В производстве мяса	3,9	3,9	4,1	4,3	4,3
в т.ч. мяса птицы	5,2	5,1	5,1	5,1	5,1
В экспорте мяса	0,8	0,9	1,2	1,7	1,9
в т.ч. мяса птицы	1,4	1,5	1,8	2,3	2,6

* говядина, свинина и мясо птицы (бройлеров)

Источник: рассчитано по данным Росстата, Минсельхоза США, Минсельхоза РФ, отраслевых организаций производителей РФ.

Основным географическим трендом агропродовольственного экспорта России становится усиление ориентации на рынок Китая. В 2020 г. вывоз на него возрос почти на четверть до 14% общего экспорта российского АПК, в т.ч. мяса птицы в 2,8 раза до 65% всего ее экспорта. Китай лидирует и в экспорте из РФ российского подсолнечного масла, сои и соевого масла, рыбы и морепродуктов.

Международное позиционирование АПК России во многом будет зависеть от долгосрочной динамики мирового спроса на агропродовольственные товары. Между тем совместный прогноз ФАО и ОЭСР развития сельского хозяйства в 2020-2029 гг. предполагает ослабление роста агропродовольственного спроса в течение следующего десятилетия. На мировом рынке появится ряд новых неопределенностей, усугубляющих традиционно высокий риск, с которыми сталкивается сельское хозяйство.

Наиболее значительный источник неопределенности связан с пандемией COVID-19, которая оказывает воздействие на потребление, производство, цены и торговлю.

Другие неопределенности связаны с изменениями потребительских предпочтений, болезнями растений и животных, а также с неясностью в отношении будущих торговых соглашений между важными игроками на мировом сельскохозяйственном рынке. Это потребует от России более активной господдержки технологически-производственного и социально-пространственного развития АПК. Достижение намеченного к 2024 г. экспорта его продукции в 45 млрд долл. означает наращивание стоимости вывоза в 1,5-1,6 раз по сравнению с 2020 г. и потребует проведения активной, но сбалансированной проэкспортной политики, в т.ч. осторожного применения инструментов типа нетарифного квотирования экспорта или разрешительного порядка экспорта через биржу.

Нефть и газ

Мировые достоверные запасы нефтяного сырья на начало 2020 г.¹⁷ составили 1733,9 млрд барр., то есть произошло небольшое сокращение запасов – на 2,1 млрд барр. Доля государств ОПЕК изменилась незначительно – с 70% в 2019 г. до 70,1% в 2020 г. Крупнейшими запасами располагают Венесуэла (17,5% общемировых), Саудовская Аравия (17,2%) и Канада (9,8%).

Обеспеченность текущей добычи достоверными запасами нефти в мире в 2019 г. составила 49,9 лет. В ОПЕК обеспеченность добычи запасами – 93,6 (в том числе в Саудовской Аравии – 68,9, Иране – 120,6, Ираке – 83,1, в Кувейте – 92,8 года). Рост обеспеченности добычи запасами произошел под влиянием соглашения ОПЕК+, в результате которого добыча была несколько сокращена. В Северной Америке обеспеченность добычи составила – 27,2 лет, в том числе в США – 11,1. В Европе этот показатель составляет 11,6, в России – 25,5, в Китае – 18,7 лет. Мировая добыча нефти в 2020 г. – 90,0 млн барр./д., то есть сократилась на 9,8 млн барр./д.

Мировые запасы природного газа распределены еще более неравномерно, чем нефтяные. По состоянию на начало 2020 г. мировые достоверные запасы газа составили 198,8 трлн куб.м., из которых на запасы России приходится 19,1% (38 трлн куб.м.), Ирана – 16,1% (32 трлн куб.м.), Катара – 12,4% (24,7 трлн куб.м.), то есть запасы этих трех стран составляют 47,6% общемировых.

Мировая обеспеченность текущей добычи достоверными запасами газа составила 49,8, в том числе в Северной Америке – 52,7 (в США – 14,0). В Европе обеспеченность добычи ресурсами составила 14,2 лет, в России – 55,9, в Китае – 47,3.

Мировой спрос на газ в 2019 г. составил 3929 млрд куб. м., незначительно увеличившись на 78 млрд куб.м. (или на 2%). Основными потребителями газа являются Северная Америка (29,6%), АТР (22,1%), СНГ (14,6%) и Европа (14,1%).

Мировая добыча газа в 2019 г. составила 3989 млрд куб.м. Крупнейшими регионами-производителями в 2019 г. стали Северная Америка (28,3%), СНГ (21,2%) и Ближний Восток (17,4%).

Главным потрясением 2020 г. стали пандемия коронавируса и последовавшая за ней серия локдаунов практически во всех странах мира. Другим важнейшим событием стал развал сделки ОПЕК+ в марте 2020 г. Соглашение об ограничении добычи нефти было заключено между членами ОПЕК и Россией в 2017 г. и имело своей целью недопущение резкого падения цены на нефть. Однако в начале марта участникам не удалось договориться о продлении Соглашения, и уже с апреля оно перестало действовать. Последовавшее за этим стремительное наращивание добычи Россией и Саудовской Аравией привели к резкому падению цен. В условиях быстро распространяющейся пандемии COVID-19 и череды локдаунов, спрос на нефть существенно сократился, что вынудило крупнейших экспортеров прекратить ценовую войну и прийти к новому соглашению, но уже в других условиях.

Новое соглашение ОПЕК+, вступившее в силу в мае 2020 г., включает в себя страны ОПЕК, Россию и США. В результате добыча нефти сократилась на 9,7 млн барр./д. США взяли на себя обязательства Мексики, которая отказалась от участия в соглашении.

Самым крупным за последнее время шоком для нефтяного рынка стало падение спроса, вызванное затянувшимися локдаунами, снижением потребления транспортным сектором и промышленностью. По данным Международной ассоциации воздушного транспорта

¹⁷ См.: BP Statistical Review of World Energy, 2020. URL: www.bp.com/statisticalreview

(ИАТА)¹⁸, падение спроса на авиаперевозки в 2020 г. составит 66%, а общие потери в 2020 г. – 84,3 млрд долл. По прогнозу Rystad Energy, в 2020 г. ожидается падение потребления автотранспортных видов нефтепродуктов на 10%, авиатранспортных – на 50%.

Таблица 10. Достоверные запасы и добыча нефти.

	Запасы, млрд барр.	Добыча, млн барр./д.		
	2020	2019	2020	2021*
Мир	1733,9	99,8	90,0	95,9
ОПЕК	1214,7	29,3	27,3	32,4
Саудовская Аравия	297,6	9,8	9,2	10,9
Иран	155,6	2,4	2,0	2,4
Ирак	145,0	4,7	4,1	4,9
Кувейт	101,5	2,7	2,4	2,9
ОАЭ	97,8	3,1	2,8	3,4
США	68,9	18,4	17,7	18,0
Канада	169,7	5,4	5,1	5,3
Мексика	5,8	1,9	1,9	1,9
Великобритания	2,7	1,1	1,1	1,1
Норвегия	8,5	1,7	2,0	2,1
Россия	107,2	11,4	10,4	10,6
Китай	26,2	4,1	4,2	4,2

*Добыча в 2021 г. будет определяться действиями соглашения ОПЕК+.

Источник: BP Statistical Review 2019, ОПЕК Monthly Oil Market Report, прогноз – ИМЭМО.

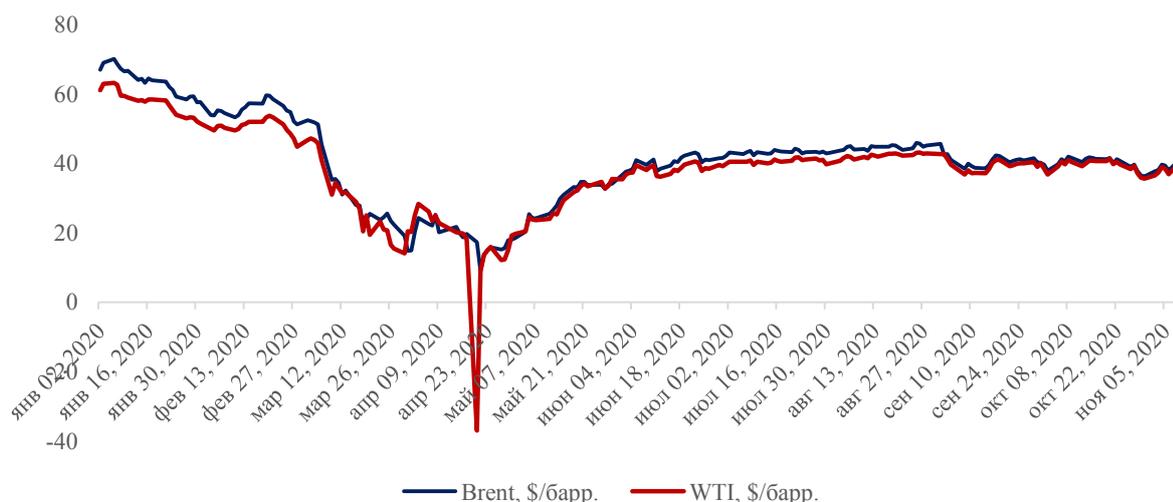
Одним из факторов неопределенности на рынке нефти являются перспективы производства в Ливии, Иране и Венесуэле. Если для последней оно будет связано с преодолением, прежде всего, экономического и политического кризисов, то Ливия планирует нарастить добычу в ближайшее время.

Избрание президентом США Джо Байдена может привести к возвращению США в соглашение с Ираном и снятию санкций против него. Кроме того, новый президент США может ужесточить политику в отношении сланцевой индустрии, что повлечет за собой сокращение производства нефти в США.

График 1 отражает изменения в ценах на нефть сортов Brent и WTI в 2020 г.: цены, устойчиво снижаясь с начала года, обрушились в начале марта и до сих пор не вернулись к прежним значениям, несмотря на новые ограничения по добыче. В конце апреля цена WTI даже стала отрицательной, что было связано с экспирацией фьючерсных контрактов на май отсутствием свободных емкостей в хранилищах.

¹⁸ IATA. URL: <https://www.iata.org>

График 2. Цены на нефть: Brent (\$/барр.) и WTI (\$/барр.) в 2020 г.

Источник: EIA.

Одним из факторов неопределенности на рынке нефти являются перспективы производства в Ливии, Иране и Венесуэле. Если для последней оно будет связано с преодолением, прежде всего, экономического и политического кризисов, то Ливия планирует нарастить добычу в ближайшее время. Избрание президентом США Джо Байдена может привести к возвращению США в соглашение с Ираном и снятию санкций против него. Кроме того, новый президент США может ужесточить политику в отношении сланцевой индустрии, что повлечет за собой сокращение производства нефти в США.

Таблица 11. Мировые цены на нефть, долл./барр.

	2019	2020	2021
"Корзина" нефтей ОПЕК (ORB)	64,0	41,4	48,0
Брент (Brent, 38.00API)	64,2	41,4	48,5
Юралс (Urals, Med, 36.10 API)	64,1	41,5	48,5

Источник: ОПЕК, EIA, прогноз – ИМЭМО.

Наконец, не следует забывать о растущей важности проблемы климатических изменений. Одним из способов сокращения выбросов в мире является развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ) за счет сокращения доли ископаемых видов топлива в топливно-энергетических балансах (ТЭБах) стран. На сегодняшний день, только отдельные страны и группы стран достигли в этом значительных успехов, преимущественно развитые страны с высоким уровнем ВВП на душу населения. Однако в среднесрочной перспективе представляется бесспорным дальнейшее сокращение доли нефти и газа в потреблении развитых и, в долгосрочной перспективе, развивающихся стран. Вместе с тем, если в развитых странах природный газ уже не воспринимается «мостом» между углем и ВИЭ, для развивающихся стран эта роль газа еще актуальна. В частности, в Китае реализуется масштабная программа перехода на газ с угля и сокращения доли последнего в ТЭБе. В ЕС же принята «Зеленая сделка», результатом которой должно стать достижение углероднейтральности в 2050 г.

Кроме того, острым является вопрос пост-кризисного восстановления спроса на нефть и газ. Уже сегодня в ЕС стимулируется инвестирование в «зеленые» источники и таким образом предполагается еще больше сократить объемы потребления углеводородов.

Резкое падение цен на нефть и кризис, вызванный экономическим спадом практически во всех странах мира, привели, к сокращению инвестиций в нефтяную отрасль, в том числе в геолого-разведочные работы. Восстановление спроса займет не один год, но, кроме того, время потребуется также на восстановление всей отрасли.

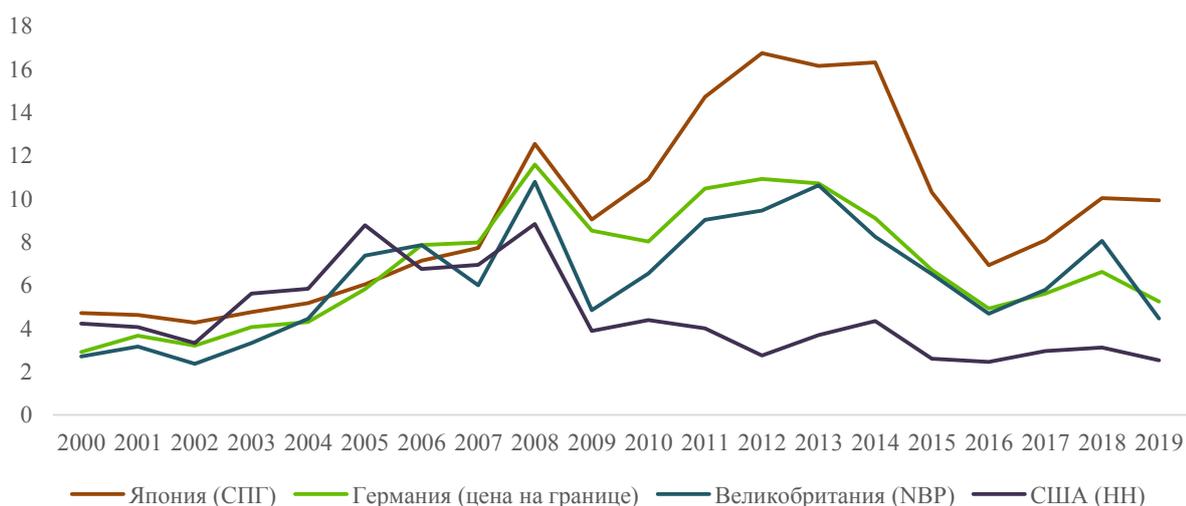
Мировой рынок природного газа представлен тремя крупными региональными рынками: Европы, АТР и Северной Америки. Несмотря на разницу в степени либерализации, механизмах ценообразования и типах заключаемых контрактов, в 2020 г. все региональные рынки столкнулись с падением спроса.

По оценке МЭА, только за первые пять месяцев 2020 г. потребление газа в Европе сократилось на 7%, а в США – на 2,8%, что связано, прежде всего, с кризисом в экономике. Заметим, что зима и весна 2020 г. выдалась более теплыми по сравнению с аналогичными периодами 2019 г., что, в свою очередь, также оказало влияние на потребление. Несмотря на рост потребления газа в АТР в I кв. 2020 г., пандемия и локдауны позже привели к сокращению спроса¹⁹.

Главными факторами неопределенности остаются зимние температуры в 2020/21 гг. в северном полушарии, а также дальнейшее течение пандемии. Введение масштабных локдаунов с практически полной остановкой производства является маловероятным, поэтому можно заключить, что дальнейшее сокращение спроса на газ не будет таким драматичным.

В 2019 г. объем торговли сжиженным природным газом (СПГ) составил 354,7 млн т., что на 13% больше, чем в 2018 г.²⁰ На протяжении длительного времени расширялось число поставщиков и потребителей, запускались и планировались новые проекты. Но в 2020 г. шок пандемии и рецессии привели к снижению потребления и, соответственно, падению цен (График 3).

График 3. Среднегодовые цены на газ, \$/барр.

Источник: BP SR 2020.

¹⁹ IEA. Gas 2020. Paris, 2020. URL: <https://www.iea.org/reports/gas-2020>

²⁰ GIIGNL. Annual Report 2020. 2020. URL: https://giignl.org/sites/default/files/PUBLIC_AREA/Publications/giignl_-_2020_annual_report_-_04082020.pdf

Среди крупнейших потребителей СПГ только Китай выйдет на положительные темпы роста в 2020 г. Однако рост потребления возможен и за счет диверсификации поставок, что в АТР актуально с учетом снижающейся цены на СПГ. Тем не менее, в 2020 г. следует ожидать сокращения поставок СПГ, поскольку большинство экономик достигнет предкризисного уровня не ранее середины 2021 г.

Таблица 12. Мировые цены на газ, \$/MBtu.

	2019	2020	2021
Япония (cif)	10,6	8,1	8,0
Германия (BAFA)	5,3	3,0	4,4
Нидерланды (TTF)	5,4	3,0	4,5
США (HH)	2,6	2,1	3,0

Источник: World Bank Natural Gas Price Forecast, прогноз – ИМЭМО.

России, как одному из крупнейших экспортеров нефти и газа, в 2020 г. пришлось столкнуться с целым рядом проблем, связанных со снижением экономической активности и, соответственно, потребления в странах-импортерах. В этом же направлении действовало участие России в соглашении ОПЕК+. Крупнейшими покупателями российской нефти в 2020 г. были страны Европы, СНГ и Китай.

Главными направлениями трубопроводных поставок газа для России остаются Европа, страны пост-советского пространства и Китай. В Европе крупнейшими потребителями по-прежнему являются Германия, Италия и Турция.

Вместе с тем сохраняется неопределенность по поводу реализации одного из крупнейших на сегодняшний день инфраструктурных проектов – Северного потока-2.

Металлы

Сталь

Эпидемия коронавируса спровоцировала глобальный экономический спад, приведший к резкому падению производства и потребления стальной продукции в большинстве стран мира. Уже в марте мировая среднесуточная выплавка стали за пределами Китая сократилась на 8,5% по сравнению с февралем, а в апреле и мае объемы выпуска рухнули на уровень конца 2008-2009 гг. К началу июля карантин по большей части остался позади, экономика начала восстанавливаться после шока, но это восстановление до конца года было весьма неустойчивым.

По оценке экспертов World Steel Association (WSA), мировое производство стали в 2020 г. впервые за последние 50 лет сократилось на 4,8%, потребление – на 6,7%. (Таблица 1).

Таблица 13. Динамика мирового производства и потребления стали, млн.т

	Производство			Потребление		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Мир	1869	1780	1860-1900	1780	1680	1710-1730
Азия*	1340	1280	1290-1350	1290	1220	1240-1300
Китай	993	1040	1070-1190	880	830	840-890
Индия	111	95	98-108	115	98	105-110
Америка**	178	168	165-175	183	175	170-190
США	86,6	80	75-90	90	85	85-100
Европа***	198	158	160-165	192	165	165-175
ЕС	160	150	155-165	150	135	135-145
СНГ	100	90	85-95	55	46	50-55
Россия	71,7	66	68-72	45	45	45-50

*Япония, Китай, Индия, Республика Корея, Тайвань, Турция, Иран

**Северная и Латинская Америка

***Европа без стран СНГ

Источник: WSA.

В апреле в условиях заметного сокращения объемов промышленного производства и строительства во многих странах металлургические компании столкнулись с обвальным падением спроса, и были вынуждены сокращать выпуск металлопродукции. Это коснулось таких лидеров черной металлургии, как ArcelorMittal, U.S.Steel, Tenaris, Nippon Steel. Весьма остро ощутил влияние COVID-19 автопром. Уже в феврале большинство автозаводов в

странах Европы и Восточной Азии были вынуждены приостановить сборку и-за отсутствия китайских комплектующих. Система поставок «точно в срок», предусматривающая отсутствие складских запасов, практически рухнула.

По данным европейской металлургической Ассоциации Eurofer, в мае 2020 г. спрос на металл в странах региона составил не более 40-50% от уровня аналогичного месяца 2020 г. Такая же, если не хуже, обстановка в США. Существенное падение наблюдается в Индии, ряде стран Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. При этом производство стали практически везде снизилось в меньшей степени, чем ее потребление. Поэтому компании искали возможности для расширения сбыта за рубежом, усиливая остроту конкуренции.

Даже в таких устойчивых корпоративных структурах, как крупные металлургические компании, выявилось определенное несовершенство систем управления и контроля, мобилизационных ресурсов и информационных потоков на всех этапах производственных и логистических цепочек. В этих условиях наблюдался рост протекционизма, борьба за рынки сырья и сбыта металлопродукции. При этом резко возросла зависимость бизнеса от государственной поддержки, ужесточилась борьба за доступ к инвестиционному и государственному финансированию. С другой стороны, кризис, по-видимому, подчеркнул важность цифровизации операционного управления и контроля на корпоративном уровне, а также ускорил внедрение этих систем.

Еще одна горячая точка – нефтегазовая отрасль. Мировые цены на нефть в марте упали до уровня 2002-2003 гг. По данным статистики, спрос на нефть в апреле сократился на 30%. Учитывая, что нефтедобыча отрасль весьма инерционная, на рынке возник большой разрыв между спросом и предложением. Это привело к обвалу нефтедобычи, падению спроса на нефтегазовые трубы и соответственно резкому сокращению их производства.

Кризис неравномерно затронул мировую металлургию. В **странах Евросоюза** в 2020 г. спрос на металлопродукцию сократился на 16,6% при возможном восстановительном росте в 2021 г. на 14%. Все основные металлопотребляющие сектора европейской экономики в 2020 г. показали падение по сравнению с 2019 г. При этом в странах ЕС большая часть спроса на металлопродукцию формируется за счет высоко- и среднетехнологичных отраслей, которые оказались наиболее уязвимыми в условиях пандемии. Наибольший спад произошел в автомобилестроении – 26%, Производство промышленного оборудования упало на 13,4%, бытовой техники – на 10,8%, выпуск стальных труб сократился на 19,4%. В этих отраслях особенно сказался разрыв международных производственных цепочек, а также снижение потребительского и инвестиционного спроса. Кроме того, по-видимому, сыграло свою роль то, что доля реального сектора в западных экономиках сравнительно невелика, и поэтому антикризисная поддержка правительства предоставлялась ему далеко не в первую очередь.

Наиболее оптимистично Eurofer оценивает перспективу строительного сектора: падение производства всего на 5,3%, (доля сектора в металлопотреблении составляет не менее 50%), восстановительный рост в 2021 г. – 4%.

Даже в условиях пандемии COVID-19 главные тенденции развития мировой металлургии, как и прежде, в последние десятилетия определяет **Китай**, доля которого в мировом производстве превысила 53%.

Китай первым столкнулся с эпидемией коронавируса. Центром эпидемии стал город Ухань, крупный промышленный центр провинции Хубэй с населением около 11 млн человек. Согласно данным Национального бюро статистики Китая, в первом квартале текущего года объем промышленного производства сократился на 6,8% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. При этом в государственном секторе спад промышленного производства составил 7,9%, в частном – 20,4%. На 15,7% сократилось производство в обрабатывающей промышленности, на 6,5% - в добыче полезных ископаемых. Инвестиции в

основной капитал снизились в промышленности – на 25%, в строительство и инфраструктуру – на 19%. На 15,9% упал товарный экспорт стальной продукции.

Китай уже имел печальный опыт атипичной пневмонии в 2003 г. и свиного гриппа в 2009 г., поэтому правительство восприняло новую угрозу в высшей степени серьезно. Китайский метод борьбы с эпидемией состоял во введении жесткого карантина сразу почти по всей территории страны, в приостановке транспортного сообщения и последовательном создании так называемых чистых зон.

По данным China Enterprise Confederation (CEF), уже в феврале средний уровень загрузки мощностей 500 крупнейших промышленных компаний страны достиг 60%, несмотря на проблемы с нехваткой рабочей силы, все еще частично находящейся на карантине. По состоянию на конец марта возобновилась работа на 90% крупнейших строительных проектах. А к концу апреля заработали практически все промышленные предприятия, прекращавшие деятельность во время карантина. После серьезных провалов в первом полугодии экономика Китая в третьем квартале выросла на 4,9%, высокую эффективность показали меры по борьбе с падением занятости. За девять месяцев было создано около 9 млн новых рабочих мест.

Металлургические комбинаты, несмотря на кризис, не прекращали производство. Конечно, при этом были частично приостановлены проекты модернизации, капитальные ремонты, а также останавливались работа отдельных цехов и агрегатов. Наибольшие потери связаны с работой передельных мини-заводов и объяснялись в основном перебоями в поставках лома.

Главной проблемой является падение потребления металла. Руководство страны предприняло решительные меры с целью сохранения производства, тогда как кризис сосредоточился в сфере потребления. Меры поддержки экономики были направлены на интенсивное инфраструктурное строительство, расширение кредитования финансового сектора, а также снижение налогов и арендной платы. Например, в 2020 г. на развитие инфраструктурных проектов правительство страны направило около 530 млрд долл., вдвое больше, чем годом ранее.

Излишки металлопродукции уходят в запасы торговой сети и предприятий. На конец марта объем накопленной металлопродукции металла составил около 100 млн т., втрое больше, чем год назад. Этот металл в сочетании с огромным объемом избыточных мощностей вызывают обоснованную тревогу у всех участников мирового рынка, как возможный фактор его дестабилизации.

Весьма серьезный негатив для китайской экономики – сокращение спроса со стороны основных торговых партнеров. Не исключено, что тяжелый кризис, начавшийся в мире, может привести к обвалу спроса на китайские промышленные товары. Кроме того, карантин оказывает негативное влияние и на те проекты, которые реализуются в рамках инициативы «Один пояс и один путь». Поэтому, даже сократив в последние годы свою зависимость от экспорта, Китай вряд ли сможет избежать серьезных экономических потерь в обозримой перспективе.

В России условиях низкой инвестиционной активности в экономике страны сохранялись все признаки стагнации, что отразилось на снижении спроса на металлопродукцию со стороны традиционных потребителей: строительства, автопрома, трубной отрасли. Сказалось также негативное влияние внешних факторов, среди которых выделяются наличие избыточных мощностей, турбулентность мировых финансовых рынков, нестабильность мировых цен на металлопродукцию. К этому необходимо добавить усиление протекционизма, свидетельством чего является введение США в 2018 г. повышенных импортных пошлин на сталь и алюминий.

В то же время в самой металлургии сформировались сравнительно устойчивые тенденции, которые, скорее всего будут преобладать и в краткосрочной перспективе при допустимых колебаниях конъюнктурного характера. В условиях вялого инвестиционного климата в стране сложился рынок продавца, что обеспечивает в целом приемлемый для компаний уровень спроса на металлопродукцию, хотя значительный подъем представляется маловероятным. За последние десятилетия металлургические компании научились регулировать цены на продукцию, оптимально варьируя объемы экспорта и внутренних поставок с учетом валютного курса.

Металлургический российский бизнес воспринял начало пандемии сравнительно спокойно. Российские компании вошли в кризис с устойчивым финансовым положением, комфортной долговой нагрузкой и защитой от рыночной волатильности. Этому способствовали также вертикальная интеграция и диверсифицированный портфель заказов, что позволяло в в определенные моменты гибко перенаправлять экспортные потоки в зависимости от пандемической ситуации.

Первый квартал 2020 г. российские компании прошли в целом без особых потерь, скорее всего, по инерции, выполняя контракты 2019 г. Однако, уже во втором, и особенно в третьем квартале этот ресурс был исчерпан, и российской экономике пришлось столкнуться с теми же проблемами, что и в других странах. Это – сужение потребительского спроса, резкое падение инвестиционной активности в среднем бизнесе, обрушение спроса на жилье, автомобили и другие продукты длительного пользования. В целом, объемы продаж металлопродукции упали на 28%.

Однако при этом до серьезного секвестра запланированных инвестиционных вложений дело не дошло.

В достаточно сложных условиях для многих отечественных компаний («Северсталь», ОМК, ЕвразХолдинг, ТМК, ММК, «Металлоинвест») наступило время критической переоценки стратегических программ развития с учетом новых реалий. При этом наращивание абсолютных объемов производства сменилось ориентацией на повышение операционной эффективности, снижение эксплуатационных затрат, индивидуализации продуктового спроса и корректировки бизнес-моделей за счет активной цифровизации. В то же время, компании продолжили реализацию заявленных инвестиционных проектов. Так, ПМХ (Производственно-металлургический холдинг) завершает строительство крупного комплекса «Тула-чермет» в Европейской части России с годовой мощностью около 1,8 млн т. металлопродукции. Магнитогорский комбинат приступил к пусковым испытаниям крупнейшей в Европе аглофабрики, построенной совместно с Китаем. Объединенная металлургическая компания (ОМК) представила проект модернизации Выксунского металлургического завода с объемом инвестиций более 167 млрд руб. ЕвразХолдинг обнародовал проект создания крупного листопрокатного производства на база Западно-Сибирского комбината общей стоимостью не менее 500 млнруб. Евраз при этом не намерен отказываться от развития своих зарубежных мощностей. В частности, планируется капиталоемкая (около 200 млн долл.) модернизация рельсового производства на заводе Rocky Mountain Steel (США).

Учитывая, что внутренний спрос на металлопродукцию в 2020 году будет относительно слабым, компании активизировали развитие экспортных поставок, используя преимущества низких издержек и снизившийся курс рубля. Основные направления экспорта – Ближний Восток, Северная Африка, страны Юго-Восточной Азии, где восстановление спроса будет, как ожидается, будет более быстрым, чем в других регионах. Например, поставки металлопродукции в страны ЮВА достигли 5,5 млн т. Но даже такого прироста экспорта, оказалось недостаточно для поддержания производства на уровне 2019 г. В результате сокращение объема выплавки стали в 2020 г. может составить 8%.

В 2021 г. в российской экономике планируется появление новых возможностей, в том числе сокращение экспорта необработанного сырья, реализация новых инвестиционных проектов в нефте- и газопереработке, производстве полимеров, судо-, авиа- и сельхозмашиностроении. При этом ожидается, что в реализации этих проектов существенно возрастет доля российского оборудования, что вызовет соответствующий рост металлопоставок для машиностроения. Новым стимулом должно стать расширение инфраструктурного строительства, а также упрощение проектирования и ведения строительного бизнеса.

В целом прогнозы развития металлургии на 2020 г. достаточно противоречивы и будут определяться ситуацией в глобальной экономике.

По оценкам ОЭСР, снижение доходов населения, рост безработицы и сокращение инвестиций негативно отразятся на металлопотреблении и уровне загрузки мощностей. В целом, по прогнозу WSA, в 2021 г. можно ожидать роста мирового металлопотребления в пределах 3,8% по сравнению с 2020 г.

Алюминий

По оценкам IAI, в 2020 году, несмотря на сложную эпидемическую ситуацию, мировое производство первичного металла возрастет на 5,6% по сравнению с 2019 г. На фоне пандемии мировой рынок по итогам первого квартала сжался на 6,4%, и более половины этих потерь пришлось на крупнейший в мире китайский рынок. (Таблица 2).

Таблица 14. Мировое производство и потребление первичного алюминия, тыс.т

	Производство			Потребление		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Китай	36000	37600	38000-39400	35000	36400	33680-38000
Япония				2650	2670	2700-2850
США	2830	2900	2920-2930	6700	6740	6780-6800
Россия	3970	4000	4000-4050	910	940	940 -945
Канада	1032	1035	1035-1037	840	845	845-848
Центральная и Южная Америка	1480	1485	1485-1490	1570	1575	1575-1580
Европа	4600	4600	4650-4670	9600	9630	9630-9650
Индия	3520	3600	3580-3750	2300	2340	2360-2400
Ближний Восток	5800	5950	6000-6300	1650	1680	1700-1760
Австралия	2050	2100	2150-2180	260	270	275-280
Мир	64700	68300	70000-72500	63500	66400	70600-70900
Мир (без Китая)	28700	30700	32000-33100	28400	30000	32500-32900

Источник: International Aluminium Institute (IAI); Ассоциация «Объединение производителей, поставщиков и потребителей алюминия» (Алюминиевая ассоциация).

Пандемия существенно дестабилизировала ситуацию на мировом рынке алюминия, что прежде всего отразилось на ценах. Так, в мае цены на Лондонской бирже металлов (LME) приблизились к историческому минимуму – около 1455 долл. за тонну первичного алюминия. Главным фактором явилось падение спроса в автопроме и в авиастроении, которые являются крупнейшими потребителями металла.

Мировую ситуацию в огромной степени определяет состояние алюминиевой промышленности Китая, на долю которого приходится около 60% мировых мощностей. Восстановление китайской экономики во втором квартале 2020 г. по мере преодоления пандемии, реализация масштабных госинвестиций в области развития инфраструктуры и строительства стимулировали рост производства и потребления металла. Вслед за Китаем в середине лета большинство стран мира приступили к поэтапному ослаблению карантинных ограничений, что позитивно сказалось на потреблении алюминия и уровне мировых цен. Так, в октябре алюминий подорожал на LME до максимальных значений за последние полтора года – 1860 долл. за тонну.

Российский монополист Русал (3-4 место в мировом производстве) после санкций Минфина США практически полностью восстановил объемы производства и реанимировал основные направления инвестиционной политики. Русал имеет неплохой ресурс снижения себестоимости производства, что позволяет частично компенсировать снижение мировых цен.

На предприятиях Русала применяются менее энергоемкие электролизеры нового поколения. Кроме того, основные мощности компании расположены в регионах с доступными и сравнительно дешевыми гидроэнергетическими ресурсами (на электроэнергию приходится 29% производственных издержек). При этом Русал в последние годы ликвидировал затратное и экологически грязное электролизное производство на старых заводах с дорогой угольной генерацией электроэнергии. Кроме того, в 2019 г. компания, несмотря на непростую экономическую ситуацию ввела в строй мощности Богучанского завода (290 тыс. т.) и реализует проект Тайшетского завда (429 тыс. т. в год).

Осенний рост цен на металл позволил компании частично погасить корпоративную задолженность и продолжить реализацию инвестиционных проектов.

В целом перспективы алюминиевой отрасли достаточно неопределенны. При этом восстановление мировой экономики, развитие современных строительных проектов, переориентация автопрома на легкие транспортные средства и замещение пластика в упаковке алюминием, по-видимому, должны оказать поддержку отрасли. Это позволяет оценить прирост мирового производства в пределах 2,5-3%. В то же время, несмотря на убыточность четверти алюминиевых мощностей, в мире не наблюдается массового закрытия нерентабельных заводов. Это объясняется удешевлением энергии в результате снижения цен на углеводороды, девальвацией местных валют, высокой стоимостью остановки и перезапуска предприятий и традиционно высоким спросом на алюминий.

В целом критических диспропорций на рынке удалось избежать, но нынешний кризис показал, что сложившиеся системы операционного управления и контроля за логистическими цепочками – от добычи сырья до поставок потребителю конечного продукта – показали свою низкую эффективность. Поэтому восстановление спроса на алюминиевую продукцию может растянуться на несколько лет.

Агрохимический комплекс

В начале развития пандемии COVID рынок минеральных удобрений не ощутил значительных проблем, как многие другие отрасли. Более 20 стран официально декларировали производство удобрений и все связанные с ним сферы как находящиеся под особым контролем.

США и Канада основное внимание уделяли финансовой поддержке фермеров. В посевной сезон компании Food Machinery and Chemical Corporation (FMC) и Farmers Business Network (FBN) проводили распродажи семян, удобрений, пестицидов и техники со скидками 20%²¹. Оперативно был введен режим заказов и продаж онлайн с региональных складов. Благодаря этим мерам, к середине апреля 2020 г. североамериканские фермеры смогли закупить необходимое количество минеральных удобрений. В большей степени кризис коснулся стран, поставляющих на мировой рынок овощи, фрукты, сахар, пальмовое масло и зависящих от сезонных рабочих. Для смягчения ситуации в Европе были разрешены специальные международные рейсы для доставки и проживания рабочих при условии соблюдения санитарных норм безопасности. Германия, например, ввезла в 2020 г. более сорока тысяч рабочих для сезонных работ.

Проблемы с транспортировкой вынудили аграриев активнее использовать запасы и повлияли на динамику экспорта удобрений: в 2020 г. он сократился на 7%.

В 2020 г., по оценкам IFA, мировое потребление минеральных удобрений сократится на 3% до 184,1 млн т. (Таблица 1). Изменится традиционная структура спроса. Ограничения поставок и сокращение сельскохозяйственных работ в регионах, специализирующихся на выращивании овощных и масличных культур, привели к значительному падению потребления приоритетных для них фосфатных и калийных удобрений (-3,5% и -4,5% соответственно). На рынке практически универсальных азотных удобрений падение потребления оказалось существенно меньше – 2,1%.

Таблица 15. Мировое потребление минеральных удобрений (млн т. питательных веществ).

	2018	2019	2020	2021	2024
Азотные	107,9	107,4	105,2	107,6	111,6
Фосфатные	46,7	45,6	44,0	45,3	47,2
Калийные	36,9	36,5	34,9	35,9	38,3
Всего	191,5	189,5	184,1	189,0	197,1

Составлено по Fertilizer Outlook 2020-2024. Market Intelligence and Agriculture Services. IFA.

К 2021 г. рынок отчасти приспособится к новым условиям и вероятно некоторое восстановление потребления: азотные +2,4 млн т., фосфатные +1,3 млн т., калийные +1,0 млн т. Существенное лидерство в динамике спроса на азотные удобрения объясняется их потреблением на обширных площадях, предназначенных под посевы зерновых.

²¹ Игнатенко Л. Агровирус // Химический журнал. – 2020. – № 4-5. – С. 41.

Региональное распределение прироста потребления удобрений не претерпит изменений и будет выглядеть следующим образом: Латинская Америка – 37%, страны Восточной Европы и Средней Азии – 27%, Южной Азии – 22%, Африки – 15%, Северной Америки – 12%²².

Крупнейшими нетто – импортерами останутся Латинская Америка и Восточная Азия. Наибольший потенциал увеличения импорта у развивающихся собственное сельское хозяйство стран Африки и Южной Азии: Индии.

На первой волне пандемии неустойчивость на рынке минеральных удобрений усугубляло резкое падение цен на сельскохозяйственное сырье и, как следствие, падение доходов аграриев. В апреле 2020 г среднее значение индекса продовольственных цен ФАО было на 10% ниже, чем в январе. К сентябрю сокращение продовольственных запасов и стремление использовать благоприятную конъюнктуру привели к оживлению спроса. Однако, индекс продовольственных цен, хотя и вырос, оставался на 5% ниже среднего за 2014-2016 гг.²³ Как предполагают аналитики IFA, в условиях пандемии восстановление цен на продовольствие окажется более длительным, чем это было после кризиса 2008-2009 гг.

Драйвером поддержания конъюнктуры и цен может оказаться Китай, увеличивающий продовольственный импорт и уже преодолевший пандемию. В 2020 г. предполагается увеличить импорт в страну соя-бобов по сравнению с 2019 г. на 18% (+7 млн т.), импорт свинины – на 53% (+2 млн т.), говядины – на 43% (+ 0,5 млн т.), домашней птицы – на 87% (+ 1 млн т.), пшеницы – на 97% (+ 2 млн т.).²⁴

К поддержке аграрно-производственных цепочек подключились международные организации, которые видят свою задачу в сохранении уже сложившихся и ускоренном формировании новых транснациональных фермерских сообществ со значительным региональным потенциалом. Организация Объединенных Наций и Коалиция по вопросам продовольствия и землепользования (FOLU) обратились к производителям и экспортерам продовольствия с призывом «поддерживать потоки продовольствия по всему миру и инвестировать в устойчивые и новые продовольственные системы», не сокращать торговлю, организовав Зеленые коридоры и санитарные посты на пути следования.²⁵ Поставщики минеральных удобрений названы в обращении критически важным элементом, несущим ответственность за поддержку фермерских хозяйств и помощь в предотвращении голода.

Совместно с ООН и правительством Норвегии, компания Yara инициировала проект «Африка: процветающие фермеры, процветающее будущее» («Action Africa: Thriving Farms, Thriving Future»), включающий более 300 тыс. мелких фермеров континента. Yara поставит 40 тыс. т. комплексных удобрений, обогащенных цинком, и 12 тыс. т. смешанных NPK удобрений. На проект компания предполагает выделить 25 млн долл.²⁶

Помимо практически бесплатных поставок удобрений, инициатива компании Yara включает обучение и подключение к цифровым системам американской фирмы IBM. Ближайшая цель проекта – накормить 1 млн человек в Южной и Восточной Африке в течение года за счет повышения урожая кукурузы и риса.

С российской стороны в этом проекте предполагает принять участие компания Уралкалий. Профинансировать завод по производству карбамида и аммиака в Анголе стоимостью 1,2–

²² Fertilizer Outlook 2020-2024. Market Intelligence and Agriculture Services. IFA. – 2020. – P. 3.

²³ www.fao.org/worldfoodsituation.

²⁴ <http://www.publicnow.com/view/D7F707F36C266E26A914A5B1DB4D8FD52AE34A0E?1596491288>.

²⁵ <https://www.foodandlandusecoalition.org/a-call-to-action-for-world-leaders>.

²⁶ <https://www.dairynews.ru/news>.

1,3 млрд долл. предполагается из средств Фонда национального благосостояния (ФНБ) и Фонда проектного финансирования ВЭБ.РФ. Обращаясь в Правительство с предложением профинансировать проект, руководство компании подчеркнуло необходимость переноса производства в регионы потребления, так как экспорт российской продукции из-за падения цен на природный газ теряет рентабельность²⁷.

Кроме пандемии, неопределенность на аграрном рынке и рынке минеральных удобрений привнес климатический фактор, резко изменивший потребительское поведение. Беспрецедентное количество осадков летом 2020 г. в Северной Америке расстроило график посевных работ и отсрочило заключение контрактов на поставку аграрной продукции в Китай. В Индии, напротив, климатические аномалии оказались благоприятны для аграриев. Дожди привели к расширению посевных площадей и росту закупок минеральных удобрений. С апреля по июнь 2020 г. продажи удобрений в стране выросли на 83% до рекордных 11,2 млн т.

Неустойчивость конъюнктуры на рынке удобрений может усугубиться с завершением строительства предприятий, начатых до пандемии. По оценкам, в 2019-2024 гг. среднегодовые темпы роста предложения (1,9%) почти вдвое опередят соответствующий показатель потребления (1,0%).²⁸

Наибольший ежегодный прирост производственных мощностей (53%) ожидается в *азотном сегменте*, что связано со снижением цен на природный газ, восстановлением рентабельности и деятельности ранее закрытых предприятий.

Аммиачные мощности в 2024 г. составят 232 млн т. Активнее других регионов наращивать мощности будут Южная Азия (Индия), Африка (Нигерия, Египет), Россия, Беларусь и Узбекистан. Эти же страны (вместе с США), будут потреблять около 70% азотных удобрений. Китай после нескольких лет реструктуризации и снижения аммиачных мощностей с 60 млн т. (в 2014 г.) до 53 млн т. (в 2019 г.) сохранит их на этом уровне до 2024 г.

Мощности по производству *карбамида* будут расти в 2019-2024 гг. на 2,2% в год и достигнут 230 млн т., тогда как мировое потребление возрастет всего на 0,9%. Основной потребитель карбамида (25% мирового потребления) Южная Африка. Относительный дефицит из-за растущего спроса будет испытывать Латинская Америка.

Прирост предложения *фосфатного сырья* в 2019-2024 гг. прогнозируется на уровне 11% (до 261 млн т.), при этом 80% прироста произойдет за счет расширения производственной базы в Марокко, Саудовской Аравии, Иордании и Китае.

Общие мощности по производству *фосфатных удобрений* за тот же период возрастут на 13% (до 65,3 млн т.) за счет ввода 30 новых производств, большинство из которых готовятся к пуску в Китае. Кроме того, несколько проектов будут реализованы в Марокко, Саудовской Аравии и Бразилии²⁹.

На рынке фосфатов проявилась общая тенденция сегодняшних дней – протекционизм. Основные игроки – Китай и США – поддерживая собственных производителей переходят к политике самообеспечения, что может в ближайшие годы привести к снижению предложения на внешнем рынке при довольно устойчивом спросе. Китай, ориентируясь на внутренний спрос, снизил экспорт в 1 квартале 2020 г. на 835 тыс. т. (-18% по сравнению с

²⁷ <https://www.rbc.ru/business/06/12/2019/5dea3ce69a794784b8226543>.

²⁸ Fertilizer Outlook 2020-2024. Market Intelligence and Agriculture Services. IFA. – 2020. – P. 4.

²⁹ Fertilizer Outlook 2020-2024. Market Intelligence and Agriculture Services. IFA. – 2020. – P. 3-6.

аналогичным периодом 2019 г.). США при исторически низких ценах на фосфатные удобрения в апреле 2020 г. (270 долл./т.) сократили импорт на 16% (-244 тыс. т.).³⁰ В июне цены выросли до 274 долл./т. и до 295-310 долл./т. в июле-августе. Компания Mosaic подала петицию в Министерство торговли США и Комиссию по международной торговле США с просьбой инициировать компенсационные меры и повышение пошлин на импорт удобрений из Марокко и России. В петиции особо подчеркивалась перспективная задача: «пошлины, которых мы добиваемся, помогут гарантировать, что североамериканские фермеры смогут полагаться на американскую фосфатную промышленность в долгосрочном обеспечении важнейшими удобрениями»³¹.

В какой-то мере конъюнктуру может поддержать Бразилия, повышающая импорт. В первом квартале 2020 г. импорт в страну составил 503 тыс. т., превысив соответствующий показатель предыдущего года на 16%³².

На рынке *калийных удобрений*, если заявленные ранее мощности будут полностью введены в строй, предложение возрастет с 59,8 млн т. до 69,4 млн т. в 2024 г. и превысит спрос на 11,8 млн т.³³

Профицит вынуждает игроков снижать цены для наращивания продаж. Для бизнеса снижение цен – вынужденная и весьма негативная мера. Ее длительное действие может привести к сокращению расходов компаний на поддержание существующих и разработку новых месторождений, а в итоге – к дефициту калийных удобрений на рынке.

Общие тенденции сокращения доходов при увеличении объемов торговли коснулись и российских компаний. В первой половине 2020 г. прирост производства минеральных удобрений в стране составил всего 0,8% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Поставки на важнейшие внешние рынки сократились на 7,8%³⁴.

Экспорт азотных удобрений за 9 месяцев 2020 г. в физическом выражении составил 10,6 млн тонн, что на 0,9% больше уровня января-сентября 2019 г. В стоимостном выражении экспорт составил 1,9 млрд долл. – на 12,4% меньше показателя 9 месяцев прошлого года. Смешанных удобрений вывезли порядка 8 млн т., на 1,7% меньше, чем годом ранее. В денежном выражении экспорт смешанных удобрений составил порядка 2 млрд долл. – на 19,6% ниже уровня 9 месяцев 2019 г. Объем вывезенных калийных удобрений, по данным ФТС РФ, достиг 6,9 млн т. – на 8,2% больше показателя 9 месяцев 2019 г. В денежном выражении их экспорт составил 1,3 млрд долл. – на 21,4% меньше, чем за январь-сентябрь прошлого года.³⁵

Важный фактор снижения эффективности отечественного экспорта удобрений – сближение мировых и внутренних российских цен на природный газ. Из-за этого, с учетом импортных пошлин, отечественные компании теряют ценовую конкурентоспособность на мировых рынках. Например, аммиачная селитра в Европе стоит около 180 евро за тонну и пошлина на нее составляет почти 20% – 32,7 евро.

Изменение валютного курса, которое отчасти помогает компаниям, работающим на экспорт, не может полностью компенсировать потери отечественных производителей. Долги крупнейших игроков номинируются в валюте. По данным Национального рейтингового агентства (НРА), на 31 марта 98% долга «Фосагро» номинировано в долларах и евро, «Акрона» – свыше 70%, «Уралкалия» – около 88%. При сохранении текущих ценовых

³⁰ <http://www.publicnow.com/view/D7F707F36C266E26A914A5B1DB4D8FD52AE34A0E?1596491288>.

³¹ <https://www.dtnpf.com/agriculture/web/ag/crops/article/2020/07/09/us-wholesale-fertilizer-prices-seen>.

³² <http://www.publicnow.com/view/D7F707F36C266E26A914A5B1DB4D8FD52AE34A0E?1596491288>.

³³ Fertilizer Outlook 2020-2024. Market Intelligence and Agriculture Services. IFA. – 2020. – P. 5.

³⁴ <https://marketing.rbc.ru/articles/11503/>.

³⁵ <https://seanews.ru/2020/11/18/ru-jeksport-mineralnyh-udobrenij-9-mesjacev-2020>.

тенденций к концу 2020 г. соотношение долга к EBITDA «Фосагро» приблизится к 3 (конец 2019 г. – 1,8), «Акрона» превысит 3,5 (конец 2019 г. – 2,6), «Уралкалия» – превысит 4 (конец 2019 г. – 3,3)³⁶. Очевидно, что рост долговой нагрузки сдерживает развитие производства и негативно влияет на привлекательность компаний на рынке заемного капитала.

Перенос производства в регионы потребления и открытие сбытовых офисов требует крупных затрат, но не может существенно расширить позиции на глобальном рынке.

Новые ограничения определяют перспективный сценарий развития отечественного производства минеральных удобрений. Компании используют возможности постоянно растущего внутреннего рынка, способного сравнительно быстро окупать вложенные средства. В первом квартале 2020 г. российские производители увеличили внутренние поставки на внутренний рынок на 35%, до 3 млн т. В том числе компания «Фосагро» за январь—март нарастила продажи на 50%, до 917 тыс. т., «Еврохим» — на 24%, до 686 тыс. т. В 2021 г., по мнению руководства Российской ассоциации производителей минеральных удобрений (РАПУ), минимальный уровень внутренних поставок составит 4,5 млн т., а в 2024 г. – 8 млн т. действующего вещества³⁷.

Рост внутреннего потребления практически неограничен. Внесение удобрений в России все еще остается ниже необходимых норм. В Германии по данным FAOSTAT, на 1 га вносится в среднем 189 кг удобрений (в пересчете на 100% питательных веществ), в США – 128 кг, в Канаде – 102 кг. В России же, по информации Минсельхоза, объем внесения в прошлом году составил лишь 48 кг/га, при рекомендуемой норме 70 кг/га.³⁸

Кроме экстенсивного роста потребления, колоссальные возможности дают работы по восстановлению и повышению плодородия земель сельхозназначения. В последние два года было введено в оборот 2,5 млн гектаров новых земель. По замыслу Минсельхоза России, до 2030 г. планируется вовлечь в сельхозоборот еще не менее 10 млн гектаров земель, а мелиорируемые площади могут увеличиться на 1,6 млн гектаров. За последние пять лет объем инвестиций в расширение и модернизацию производства удобрений превысил 800 млрд руб. На следующую пятилетку запланированы инвестиции в объеме 1 трлн руб.³⁹ Крупные вложения серьезно трансформировали отрасль, повысив добавочную стоимость продукции и превратив ее из «производителя удобрений» в поставщика комплексных решений – от диагностики почв, цифрового подбора качества и количества необходимых удобрений, онлайн обучения и консультаций, до разветвленной сети складов и трейдерских компаний.

³⁶ <http://rcc.ru/article/rossiyskie-proizvoditeli-mineralnyh-udobreniy-snizyat-vypusk-iz-za-globalnoy-konyunktury->.

³⁷ <https://www.fertilizerdaily.ru/20201009-v-2021-godu-rossijskie-agrarii-mogut-zakupit-45-mln-tonn-udobrenij/>.

³⁸ <https://www.agroinvestor.ru/investments/news/33907-investitsii-v-proizvodstvo-mineralnykh-udobreniy-prevysyat-1-5-trln-rublej-za-pyat-let/>.

³⁹ Ibid.

Лесобумажные товары

В России главными экспортно-ориентированными отраслями лесопромышленного комплекса остаются заготовка деловой древесины⁴⁰ хвойных пород, производство хвойных пиломатериалов⁴¹, клееной фанеры, древесной целлюлозы, бумаги и картона. На эти рынки в 2019 г. пришлось 76,8% стоимости мирового экспорта всех видов лесобумажной продукции, производимых мировым лесопромышленным комплексом. В России этот показатель в 2019 г. был, как и раньше, существенно выше – 81,8%.

Начало 2020 г. ознаменовало качественно новый этап в развитии мировых рынков лесобумажной продукции, связанный с негативным воздействием пандемии COVID-19, которая особенно заметно сказалась на регионе Европы и Северной Америки. Пандемия обострила прежние проблемы лесопромышленного комплекса, нуждающегося в адаптации к новым технологическим переменам, как на отраслевом, так и на глобальном уровнях. Отрасли лесопромышленного комплекса продемонстрировали в 2020 г. значительно более устойчивые результаты, чем многие другие отрасли экономики, хотя спада производства и потребления на рынках лесобумажной продукции избежать не удалось. Свою роль, видимо, сыграли технологические особенности лесных отраслей (расположение лесозаготовительных районов вдали от мест скопления населения, высокий уровень механизации лесных вырубок и транспортировки круглого леса до складов и т. д.).

В политике и мерах регулирования деятельности лесопромышленного комплекса произошли существенные сдвиги. Правительство Российской Федерации в 2020 г. внесло поправки в лесное законодательство для перевода на цифровой формат поставок круглого леса на экспорт. Также были предусмотрены меры для поощрения инвестиций в лесную отрасль. Информацию о лесозащите и лесовозобновлении, а также о деловых операциях с древесиной и продукцией из древесины будут регистрировать в объединенной государственной цифровой системе учета. Российское правительство повысило минимальный размер инвестиций для приоритетных проектов в области использования леса с 300 млн руб. до 2 млрд руб. на модернизацию и до 3 млрд руб. на новые проекты. Контроль за выполнением обязательств инвесторов в лесной промышленности был ужесточен. Начиная с сентября 2020 г. 45 млн га непродуктивных сельскохозяйственных земель были объявлены доступными для создания на них лесных насаждений.

В апреле 2020 г. правительство РФ начало осуществлять программу содействия покупкам деревянных жилых домов через поддержку банков, выдающих потребительские кредиты на сумму до 350 тыс. руб. В результате этих мер число заявок на строительство деревянных домов выросло на 30% по сравнению с тем же периодом 2019 г. Желание городских жителей избежать угрозы заражения коронавирусом привело к росту продаж домов в сельской местности. По наметкам Правительства РФ по меньшей мере 20% жилых, общественных и культурно-развлекательных зданий должны быть построены из древесины.

Произошел качественный сдвиг в структуре экспорта России на рынках хвойного делового круглого леса: более 10 лет вывоз такой продукции неуклонно снижается – с 37 млн куб. м. в 2006 г. до 7,2 млн куб. м. в 2019 г., что на 35% ниже, чем в 2018 году. Это означает, что растет внутреннее потребление и переработка древесного сырья, а также вывоз за рубеж в основном готовой продукции из древесины.

Оценки ситуации на мировом рынке хвойной деловой древесины в 2020 г. и прогноз на 2021 г. позволяют сделать вывод, что заготовки этой древесины в промышленно-развитой группе

⁴⁰ Включает пиловочник, фанерные кряжи, балансы для целлюлозно-бумажной промышленности и прочие виды круглого леса, используемого как сырье для промышленной переработки и в строительстве.

⁴¹ Включает доски, брусья, шпалы и другую продукцию лесопиления.

стран Европы и Северной Америки в 2020 г. снизятся на 1%, а в 2021 г. – еще на 0,7%. В Западной и Центральной Европе в 2020 г. снижение заготовок составит 2,1% при росте в 2021 г. на 1,5%; в странах Восточной Европы и Российской Федерации – рост в 2020 г. на 0,2% и в 2021 г. на 0,5%; в Северной Америке – нарастающего снижения заготовок хвойной деловой древесины на 0,6% в 2020 г. и на 2,6% в 2021 г.

Оценки экспертов стран, входящих в группу промышленно-развитых стран ЕЭК, свидетельствуют о негативном прогнозе динамики рынка бумаги и картона на 2020 и 2021 гг. в соответствующих странах. Можно ожидать, что производство бумаги и картона здесь в 2020 г. понизится в сравнении с 2019 г. на 2,7% и в 2021 г. еще на 1,8%. На уровне регионов прогноз производства бумаги и картона выглядит следующим образом: в странах Западной и Центральной Европы в 2020 году снижение на 4,6% и небольшой рост в 2021 г. на 0,2%; в странах Восточной Европы и России рост в 2020 г. на 1,0% и в 2021 г. на 1,6%; в Северной Америке снижение в 2020 г. на 1,1% и в 2021 г. на 4,3%.

В промышленно-развитых странах мира в 2021 г. следует ожидать продолжения процесса структурной перестройки целлюлозно-бумажной промышленности. Эта перестройка подразумевает переориентацию на жизнеспособные сегменты рынка бумажно-картонной продукции, а также на изделия, получаемые путем так называемого «рифайнинга древесной биомассы» и нанотехнологической переработки древесного сырья. Усилится процесс переноса производственных мощностей, в первую очередь из стран Европы, в привлекательные для капитала страны Южной Америки (Бразилию, Чили) для снижения себестоимости бумажно-картонной продукции.

В целлюлозно-бумажной промышленности Китая, вышедшего на первое место в мире по производству бумаги и картона, в последние годы происходили существенные изменения. Это глубокая структурная перестройка отрасли с целью закрытия старых, малых и неэффективных производственных мощностей по производству бумаги и картона из недревесного сырья (бамбука, хлопкового линтера и др.). При этом строились современные крупные целлюлозно-бумажные комбинаты, использующие древесное сырье. Это приводит к росту импорта. Следует отметить появление новой тенденции в импортной политике: Китай стал активнее закупать на мировом рынке товарную целлюлозу (то есть полуфабрикат) вместо необработанной древесины в форме балансов или технологической щепы.

В Китае в соответствии с общемировыми тенденциями продолжалась перестройка отрасли, сокращение потребления информационных сортов бумаги. В 2020 г. произошло замедление роста как производства до 0,2%, так и потребления бумаги и картона до 1,0%. В 2021 г. можно ожидать некоторого ускорения роста китайского рынка бумаги и картона до 0,8% по производству и 1,5% по потреблению. В Японии в целлюлозно-бумажном производстве в 2021 г. можно ожидать продолжения долговременного тренда снижения объемов производства на 0,7% и потребления продукции на 0,9%.

Динамика среднемировых цен на главных экспортных рынках лесобумажной продукции России в 2021 г. достаточно неопределенна и, видимо, будет следовать за динамикой спроса и предложения в условиях пандемии COVID-19. Следует ожидать некоторого роста экспортных цен на древесное сырье и продукцию деревообработки (пиломатериалы, клееную фанеру) в 2021 г. Мировые цены на бумагу и картон в 2021 г. также могут несколько возрасти. По нашему прогнозу, среднемировые экспортные цены (в скобках российские) на рынке деловой древесины хвойных пород в 2021 г. составят 100,00 долл. США за куб. м. (85,00) против 92,00 (74,00) в 2019 г., на рынке бумаги и картона – 950,00 долл. за т. (650,00) против 863,00 (627,00) в 2019 г.

В России государственная политика по сдерживанию экспорта необработанной древесины и развитию лесобрабатывающих производств на своей территории дала за последние годы свои результаты. Более чем двукратное сокращение экспорта хвойной древесины

сопровождалось активизацией строительства деревообрабатывающих предприятий на территории России. В этом принял активное участие иностранный капитал, заинтересованный в использовании российских лесных ресурсов (Финляндия и Китай). Были построены мощности по производству пиломатериалов, клееной фанеры, древесных плит и др., в том числе у границы России с Китаем. Одновременно Россия сохраняет серьезные позиции на мировом рынке хвойного древесного сырья (третье место в мире по экспорту этой продукции после Новой Зеландии и Чехии).

На рынках пиломатериалов возможности конкурирования для России существенно осложнены (стандарты, ввозные пошлины, нетарифные ограничения и др.), что требует создания экспортной лесообрабатывающей промышленности, конкурентной на внешних рынках.

Принятие правительством РФ в 2018 г. стратегии развития лесопромышленного комплекса до 2030 г. предусматривает развитие ориентированного на экспорт производства целлюлозы, рост выпуска тарного картона и санитарно-гигиенических изделий для внутреннего рынка, развитие в равной мере ориентированного на внутренний рынок и на экспорт производства пиломатериалов, фанеры и других листовых материалов, мебели, а также деревянного домостроения.

Таблица 16. Мировая заготовка и потребление деловой древесины хвойных пород, млн куб. м.

	Производство			Потребление		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Мир	1154,3	1136,5	1115,3	1151,9	1134,7	1126,7
Азия	79,9	78,6	78,2	133,5	136,4	141,3
Китай	29,5	29,0	28,8	75,0	76,5	80,3
Япония	20,6	20,3	20,4	22,1	22,0	22,1
Европа	500,4	491,6	495,4	482,5	474,6	483,4
Великобритания	8,2	7,1	8,6	8,9	7,8	9,3
Германия	46,8	49,7	47,3	46,5	47,4	48,0
Россия	162,0	156,6	159,0	152,9	149,3	153,5
Финляндия	46,4	42,7	43,4	47,0	43,2	44,2
Франция	17,0	17,0	17,0	16,3	16,4	16,3
Швеция	63,1	60,7	60,3	68,2	65,3	64,9
Северная Америка	410,1	407,1	396,3	401,8	399,6	389,4
Канада	116,5	116,5	116,5	112,8	114,7	114,7
США	293,6	290,6	279,8	289,0	284,9	273,7

Таблица 17. Мировое производство и потребление бумаги и картона, млн. т

	Производство			Потребление		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Мир	404,1	400,5	395,8	404,5	400,7	397,4
Азия	194,3	194,3	194,7	202,4	203,8	202,5
Китай	111,7	111,9	112,8	112,8	113,9	115,6
Япония	25,4	25,2	25,0	24,5	24,3	24,1
Европа	102,8	98,7	99,1	89,6	88,7	90,1
Великобритания	3,9	3,9	3,9	8,2	7,7	7,9
Германия	22,1	21,5	21,9	18,2	17,8	18,1
Россия	9,1	9,2	9,3	7,2	7,2	7,4
Финляндия	9,7	8,2	7,9	0,7	0,7	0,7
Франция	7,3	6,9	7,0	8,5	8,0	8,1
Швеция	9,6	9,5	9,0	1,2	1,1	1,2
Северная Америка	77,6	76,7	73,4	71,8	73,3	71,0
Канада	9,5	8,4	8,4	5,2	4,5	4,5
США	68,1	68,3	65,0	66,6	68,8	66,5

6. СОСТОЯНИЕ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ОСНОВНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Европа

Уходящий год стал самым тяжелым в истории Европейского Союза с момента его создания. Состоявшийся в начале 2020 г. Брексит (официально Великобритания покинула ЕС 31 января в 23:00 по Гринвичу, хотя переговоры о будущем формате торгово-экономических отношений двух сторон продолжаются), пандемия коронавируса, беспрецедентная по своей глубине рецессия – все эти события уже оказали существенное влияние на социально-экономические процессы в объединенной Европе. И хотя нынешний привнесенный кризис будет преодолен достаточно быстро – совокупный ВВП ЕС-27, скорее всего, восстановится не позднее середины 2022 г., – связанные с ним структурные сдвиги в экономике, а также изменения в экономической политике, проводимой как в отдельных странах, так и на наднациональном уровне, будут носить долгосрочный характер.

По оценкам осеннего прогноза Евростата, в 2020 г. спад в экономике ЕС-27 составит 7,3%, в еврозоне – 7,8%, в Великобритании – 10,3%. На наш взгляд, такие оценки представляются излишне пессимистическими. Однако то, что ЕС в целом оказался хуже готов к новому кризису, чем его главные конкуренты – США и Китай, – не вызывает сомнений. Тренд на затухание экономического роста обозначился еще в 2018 г., а в 2019 г. некоторые страны объединения, в том числе Германия, до недавнего времени бывшая локомотивом европейской экономики, оказались на грани рецессии. Причины утраты Евросоюзом хозяйственного динамизма разнообразны – это стагнация в мировой торговле, больно ударившая по странам, ориентированным на экспорт, не всегда благоприятные изменения на отраслевом уровне (например, спад в ключевой для ЕС отрасли автомобилестроения), сохранявшаяся в течение нескольких лет неопределенность с Брекситом. Негативную роль сыграли также традиционные противоречия между развитым Севером и отстающей южноевропейской периферией, которые не удавалось решить в рамках проводимого в ЕС неолиберального курса.

С началом пандемии COVID-19 все перечисленные выше эффекты были усилены режимом самоизоляции, который привел к «выключению» из экономики целых секторов и дальнейшему сворачиванию внешнеэкономических связей, нарушил производственные связи между странами ЕС, ограничил трансграничную мобильность. Самыми тяжелыми для Европы стали весенние месяцы 2020 г., на протяжении которых карантинный режим был наиболее жестким. В первом квартале экономика ЕС-27 упала на 3,3%, еврозоны – на 3,7%. Во втором квартале спад ускорился соответственно до 11,3 и 11,7%. После снятия части ограничений в третьем квартале последовал закономерный отскок (на 11,5% в ЕС и на 12,5% в еврозоне), однако в последнем квартале экономическое восстановление было прервано «второй волной» коронавируса и новыми локдаунами.

Прогнозные оценки на 2021 г. (см. табл.) содержат большую долю определенности. Решающее значение для экономики ЕС будут иметь дальнейшая динамика пандемии и успехи в области массового вакцинирования (нельзя исключать, что этот процесс займет большую часть следующего года). Главными рисками в 2021 г. будут: со стороны предложения – плохая конъюнктура в наиболее пострадавших отраслях и трудности с налаживанием цепочек поставок, со стороны спроса – торможение инвестиций и низкий уровень доверия потребителей. Для части малых и средних предприятий, которые во многих европейских странах служат опорной базой производственной структуры, сохраняется риск банкротства. Международный контекст также чреват неожиданностями (движение процентных ставок; цена нефти; вероятность, хотя и снизившаяся после избрания президентом Дж. Байдена, возобновления «торговых войн» между США и Китаем). Тем не менее мы ожидаем, что тренд на экономическое восстановление продолжится и в течение

2021 г. страны ЕС и Великобритания «отыграют» большую часть экономических потерь, понесенных в результате «коронакризиса».

Таблица 18. Прогноз динамики ВВП и безработицы по странам ЕС

	Доля в ВВП ЕС, %	Динамика ВВП, %			Безработица, % экономически активного населения		
		2019	2019	2020	2021	2019	2020
Германия	24,7	0,6	-5,6	4,4	3,2	4,0	4,1
Франция	17,4	1,5	-9,4	6,0	8,5	8,5	9,9
Италия	12,8	0,3	-9,9	5,1	10,0	9,9	11,4
Испания	8,9	2,0	-12,4	7,3	13,9	16,7	17,7
Нидерланды	5,8	1,7	-5,3	4,1	3,5	4,4	6,0
Бельгия	3,4	1,7	-8,4	5,5	5,5	5,9	6,8
Австрия	2,8	1,4	-7,1	4,4	4,6	5,5	5,6
Ирландия	2,5	5,6	-2,3	4,3	5,2	5,3	8,5
Финляндия	1,7	1,1	-4,3	3,7	6,7	7,9	8,0
Португалия	1,5	2,2	-9,3	6,3	6,3	8,0	8,1
Греция	1,3	1,9	-9,0	4,6	17,3	18,0	17,3
Зона евро – 19	85,5	1,3	-7,8	5,2	7,6	8,3	9,5
Польша	3,8	4,5	-3,6	4,6	3,5	4,0	5,8
Швеция	3,4	1,3	-3,4	3,0	6,8	8,8	9,1
Дания	2,2	2,8	-3,9	3,3	4,9	6,1	6,1
Чехия	1,6	2,3	-6,9	4,9	2,1	2,7	3,5
Румыния	1,6	4,2	-5,2	4,7	3,9	5,9	6,4
ЕС-27	100	1,6	-7,3	5,0	6,8	7,7	8,8
<i>Великобритания</i>	-	<i>1,3</i>	<i>-10,3</i>	<i>6,0</i>	<i>3,8</i>	<i>5,0</i>	<i>7,0</i>

Источник: данные за 2019 и 2020 гг. (предварительная оценка) — Евростат, прогноз на 2021 г. — ИМЭМО РАН.

Развитие кризиса в разных странах и регионах Европы имеет свою специфику. Самый сильный удар пришелся на южные страны – Испанию, Италию, Португалию и Грецию, а также Великобританию, Францию и Бельгию. Меньше всего им были затронуты страны Северной Европы (Финляндия, Швеция, Дания), Ирландия и Польша. Согласно некоторым

исследованиям, эти различия на 60% объясняются строгостью ограничительных мер, вводимых государствами, ролью туризма в экономике и качеством управления⁴².

Показательно, что из стран материковой Европы наименьший спад показала Швеция, которая сделала выбор в пользу «мягкой стратегии» борьбы с коронавирусом, отказавшись от запретов и предоставив предприятиям возможность самим определять формат работы в условиях пандемии. Следует, однако, отметить, что такой подход во многом был связан с тем, что Швеция изначально была неплохо подготовлена к эпидемиологическому вызову: здравоохранение здесь лучше, чем в большинстве стран ЕС, а плотность населения (а соответственно и скорость распространения инфекции) – одна из самых низких в Европе⁴³. На другом полюсе находятся южноевропейские страны, где максимально жесткий карантин был введен в первую очередь для того, чтобы выиграть время для развертывания больничной инфраструктуры, закупки необходимого оборудования и медикаментов.

Гипертрофированная роль туризма – отрасли, в наибольшей степени пострадавшей от локдауна – характерна, прежде всего, для стран, ориентированных на массовый пляжный отдых. Так, среди стран Центральной и Восточной Европы худшая динамика была зафиксирована в Хорватии, где доля туризма в ВВП достигает 20%, лучшая – в Польше, которая благодаря относительной закрытости своей экономики (низкая экспортная и импортная квоты, большой внутренний рынок) избежала сильного спада.

Что касается третьего фактора – качества управления, то его влияние особенно заметно на примере трех крупнейших экономик ЕС. Лучше всего с экономическими последствиями пандемии справляется Германия, которая, по оценкам Всемирного банка, стабильно лидирует по таким индикаторам, как учет мнения населения и подотчетность государственных органов, эффективность работы правительства, верховенство закона и сдерживание коррупции. Аутсайдер – Италия, никогда не отличавшаяся высоким качеством государственного управления. Однако абсолютизировать этот фактор не следует. В случае с рядом стран (самый яркий пример – покинувшая Евросоюз Великобритания) ситуативные просчеты, допущенные правительствами на начальном этапе борьбы с пандемией, привели к драматическим последствиям для экономики, которых можно было избежать.

На угрозу обвального падения ВВП европейские страны ответили масштабными программами стимулирования, включающими бюджетные выплаты и налоговые вычеты, отсрочки по платежам, обеспечение ликвидности и финансовые гарантии. При всем различии мер, реализуемых на национальном уровне⁴⁴, общей их чертой стал акцент на поддержании занятости через недопущение массового банкротства компаний (так, в Германии по аналогии борьбы с последствиями кризиса 2008 г. правительство стало выплачивать 67% зарплаты работникам временно простаивающих предприятий).

⁴² Sapir A. Why has Covid-19 hit different European Union economies so differently? // Policy Contribution. 2020. No. 18. – P. 6.

⁴³ Волков А.М. Стратегия борьбы с коронавирусом в Швеции. Актуальный комментарий ИМЭМО РАН. 20.04.2020. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/strategiya-borybi-s-koronavirusom-v-shvetsii>.

⁴⁴ Анализ восстановительных программ ведущих европейских стран (Германии, Франции, Италии и Испании), проведенный итальянским либеральным фондом Res Publica, показывает, что все они концентрируются на двух ключевых направлениях – экологическом переходе и цифровых инновациях. Каждая страна рассматривает исследования и разработки, а также внедрение инноваций как драйвер своего экономического развития. Наибольшие различия наблюдаются в приоритетах фискальной политики. Задача повышения конкурентоспособности будет решаться во Франции, прежде всего, путем снижения налогообложения предприятий (в Германии акцент делается на сокращение НДС). Италия и Испания намерены воспользоваться ситуацией для изменения структуры налогообложения доходов и пересмотра всех остальных налогов (на имущество, корпорации, потребление). Италия, Испания и в меньшей степени Франция делают ставку на государственные вложения в экономику и стимулирование совокупного спроса. У Франции и Италии имеются планы прямой государственной поддержки стратегических предприятий.

Такая политика позволила большинству европейских стран сдерживать рост безработицы: по оценкам Евростата, в 2020 г. доля безработных среди экономически активного населения в ЕС-27 возрастет на 0,9 п.п., а в еврозоне – всего на 0,7 п.п. Однако этот успех был достигнут ценой перенапряжения государственных финансов и стремительного роста задолженности. Средневзвешенный дефицит бюджетов в 2020 г. в ЕС-27 составит 8,4% к уровню ВВП, в еврозоне – 8,8% (вместо предусмотренных Маастрихтскими критериями 3%). Уровень государственного долга по итогам года в ЕС-27 достигнет 94%, в еврозоне – 102%, и в среднесрочной перспективе продолжит расти. Другое негативное последствие – сохранение на рынке большого числа убыточных предприятий («компаний-зомби»), консервация неустойчивой докороновирусной структуры экономики ради сохранения занятости. По мере выхода стран ЕС из рецессии, однако, меры поддержки бизнеса будут ослабевать и такие компании, не выдержав конкуренции, уйдут с рынка, что с большой вероятностью приведет к росту безработицы в следующем году, по нашим оценкам – до 8,8% в ЕС-27 и 9,5% в еврозоне.

Как и все пережитые ЕС потрясения, «коронакризис» привел к усилению европейской интеграции и появлению новых механизмов поддержки экономики на наднациональном уровне. В условиях экономического спада Европейский ЦБ вновь расширил программу покупки активов на сумму, эквивалентную 12,3% ВВП еврозоны в ценах 2019 г. Основную ее часть составила новая временная Программа чрезвычайных закупок, призванная защитить экономику еврозоны от связанных с пандемией коронавируса опасностей.

Ключевая роль в оживлении спроса, однако, в объединенной Европе отводится налогово-бюджетной политике, которая должна быть направлена на увеличение государственных инвестиций и модернизацию экономической инфраструктуры, а также на снижение ставок налогообложения корпораций и физических лиц, повышение пособий по безработице. На этом настаивают, прежде всего, страны Южной Европы, сильно пострадавшие от пандемии, для которых возвращение к докризисному уровню экономического развития потребует времени и может оказаться проблематичным с точки зрения величины необходимых затрат. Южноевропейский регион вместе с Францией, которая нередко выступает в роли его неформального лидера и своего рода лоббиста во взаимоотношениях с Брюсселем, демонстрирует усиливающуюся тенденцию к применению кейнсианских методов регулирования, в противоречии с принятым за основу и доминирующим в ЕС неолиберальным курсом. Это расхождение, которое на докризисном этапе акцентировало присущую Евросоюзу неоднородность и служило постоянным источником внутренних конфликтов, в условиях пандемии превратилось в мобилизующий фактор, заставив страны-члены ЕС во главе с франко-германским тандемом выработать компромиссный вариант бюджетной политики.

В апреле 2020 г. министры финансов ЕС согласовали три программы на общую сумму 540 млрд евро для смягчения экономических последствий пандемии, снижения рисков безработицы и поддержания бизнеса. В июле лидерами Евросоюза был утвержден план восстановления экономики, представляющий собой широкий набор мер в рамках создания будущей многонациональной финансовой инфраструктуры, а также специального пакета стимулов, который получил название «Следующее поколение ЕС» (Next Generation EU). Содержание соглашения определено чрезвычайными обстоятельствами, вызванными пандемией коронавируса. В его тексте говорится, что «план [восстановления] в Европе призван инициировать масштабные государственные и частные инвестиции, которые создадут рабочие места и компенсируют непосредственный урон, нанесенный пандемией».

Серьезность ситуации предопределила внушительный совокупный размер грантов и кредитов. Объем средств семилетнего бюджета и пакета восстановления экономики составляет 4,7% его суммарного ВВП. Бюджет на 2021–2027 гг. составит 1 трлн 74 млрд евро, а фонд восстановления — 750 млрд (фактически включает в себя набор из семи фондов

и программ), в том числе 390 млрд грантов и 360 млрд кредитов. Общий объем утвержденного на саммите семилетнего бюджетного плана ЕС и фонда восстановления его экономики составит 1,8 трлн евро. Евросоюз фактически удваивает свои расходы на следующие семь лет по сравнению с предыдущим семилетним периодом 2014–2020 гг. Фонд восстановления – фискальный инструмент борьбы с рецессией, который дополняет инструменты денежно-кредитной политики ЕЦБ. Он призван также заполнить вакуум, образовавшийся в бюджете ЕС в результате выхода из объединения Великобритании. Значение формирования нового фонда возрастает в условиях низких, приближающихся к нулю процентных ставок, которые способствуют перемещению центра тяжести в экономической политике с денежно-кредитной к фискальной.

Создание фонда будет профинансировано за счет размещения займов от лица ЕС до 2026 г., погашение которых растянется до конца 2058 г. Выпуск общих долговых обязательств осуществляется впервые в истории этого интеграционного объединения. Эксперты называют эмиссию коллективных суверенных облигаций историческим достижением для Европейского союза. Фактически Европа начнет выпускать новый безрисковый актив, способный составить конкуренцию казначейским облигациям США.

При выделении финансов новый фонд будет руководствоваться такими критериями, как уровень безработицы и доход на душу населения. Большую часть средств получат наиболее пострадавшие страны, такие как Испания и Италия, а также Франция. Предоставление Еврокомиссией грантов и дешевых кредитов может оказаться полезным для обремененных большими долгами периферийных стран ЕС с ограниченными бюджетными возможностями.

Для южноевропейских стран и Франции это достижение является критически важным. Оно открывает обновленную средне- и долгосрочную перспективу, создавая финансово обеспеченную возможность (и одновременно необходимость) проведения углубленных структурных преобразований, без которых повышение конкурентоспособности и переход на траекторию устойчивого роста представлялись маловероятными. Но успешное применение новой стратегии зависит от множества факторов внутреннего и внешнего порядка, включая, и не в последнюю очередь, преодоление характерной для всего южного фланга ЕС (включая Францию) политической неустойчивости.

Согласно принятому саммитом ЕС итоговому документу, проекты для финансирования в рамках фонда восстановления должны предоставляться правительствами государств Евросоюза на утверждение Еврокомиссии и Совета ЕС. Получение средств будет зависеть от выполнения планов по восстановлению экономики – они должны учитывать рекомендации Еврокомиссии по проведению реформ, направленных на ускорение роста и появление новых рабочих мест. При этом не менее 30% от предоставленных каждой из стран грантов и кредитов должны идти на «позитивные климатические проекты», то есть нацеленные на внедрение зеленых технологий, альтернативной энергетики, энергосбережения. Их реализация будет способствовать выполнению задачи Еврокомиссии по переходу к 2050 г. экономики ЕС на нулевой уровень углеродных выбросов.

Несомненно, новый план восстановления европейской экономики – важный шаг в направлении дальнейшего развития интеграционных процессов в регионе. Как считает профессор Йельского университета С. Роуч, его реализация помогает решить задачу частичного отказа от национального суверенитета ради общеевропейского механизма бюджетных трансфертов. В результате «у треножной конструкции Европейского валютного союза наконец-то, появились все три опоры: единая валюта, единый центральный банк, приверженность единой бюджетной политике»⁴⁵.

⁴⁵ Roach S. From American to European Exceptionalism // Project Syndicate. 22.07.2020. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/european-rescue-fund-weakens-dollar-hegemony-by-stephen-s-roach-2020-07?barrier=accesspaylog>.

Однако было бы неверным переоценивать значение июльских решений Евросоюза. Создание фонда восстановления экономики вряд ли представляет собой прецедент для формирования в будущем постоянного механизма межбюджетных трансфертов, фискальной стабилизации. Фонд создан в связи с чрезвычайными обстоятельствами – пандемией. Положения, положенные в его основу, носят временный характер, а ресурсов недостаточно для осуществления инновационной повестки дня Евросоюза. Более того, компромисс, в значительной мере, достигнут за счет перераспределения секторальных приоритетов Европейской комиссии (например, сокращены субсидии на реализацию приоритетных программ ЕС в области зеленой экономики и новых исследований). Не предполагается перевода суверенных долгов, даже новых, в фонд, который будет гарантирован всеми членами еврозоны. Таким образом, вопрос о пределах и перспективах фискальной интеграции в ЕС и преобразовании чрезвычайных мер в более устойчивую политику остается открытым.

Соединенные Штаты Америки

В начале 2020 г. года экономическая ситуация в США не вызывала беспокойства. Продолжался рекордный по срокам экономический подъем, преодолевший летом 2019 г. 10-летнюю отметку, ВВП в 2019 г. вырос на 2,2%, безработица находилась на рекордно низком уровне за 50 лет – около 3,5%. В 2019 г. медианные доходы домохозяйств достигли очередного исторического максимума – 68,7 тыс. долл., а доля находящихся ниже черты бедности (10,5%) стала минимальной за историю публикации этого показателя⁴⁶. Ожидания потребителей, владельцев и менеджеров компаний и участников фондового рынка находились в позитивной зоне. Основными негативными факторами в экономике США были стагнация в промышленности, снижение роста частных инвестиций и торговая война с Китаем. Однако подписание первой фазы торгового соглашения между США и КНР внушало определенный оптимизм в плане стабилизации внешнеторговой повестки. Некоторую озабоченность вызывали косвенные индикаторы возможного начала рецессии, такие как инверсия доходности казначейских обязательств США (которая наблюдалась с марта по ноябрь 2019 г.) или обострение осенью 2019 г. проблем с банковской ликвидностью. Несмотря на отсутствие явных признаков приближающейся рецессии, ФРС в 2019 г. поменяла направление своей монетарной политики: целевой уровень ставки по федеральным фондам был три раза понижен и закончена нормализация баланса ФРС. Проблемы перебоев с банковской ликвидностью в сентябре 2019 г. были оперативно решены ФРС за счет возобновления «технических» закупок ценных бумаг на рынке репо. Таким образом, серьезные предпосылки для рецессии отсутствовали, а если бы она и началась, то имела шансы оказаться обычной циклической рецессией без признаков глубокого кризиса.

Эпидемия COVID-19, начавшаяся в США в феврале-марте 2020 г., привела к быстрому и кардинальному изменению ситуации в экономике. Резко изменившиеся в результате пандемии поведение и образ жизни американцев, а также карантинные и ограничительные меры привели к тому, что экономика США подверглась сразу двум внешним шокам – со стороны спроса и со стороны предложения. Спрос сократился как в результате более осторожного поведения потребителей, которые из-за опасности заражения уменьшили потребление, особенно в сфере услуг, где предполагается минимальная социальная дистанция, так и в результате введения карантинных ограничений во многих штатах. Снижение предложения было вызвано введением в большинстве штатов полных или частичных локдаунов, в результате которых многие компании были вынуждены сократить свою деятельность или полностью закрыться, что, в свою очередь, привело к дальнейшему сокращению предложения. Одновременное резкое снижение спроса и предложения привели к стремительному сокращению производства и рецессии в экономике США. Необычность этого кризиса заключается в том, что он вызван не объективными закономерностями развития экономического цикла, а внешним по отношению к экономике фактором – пандемией и реакцией на нее. С этой спецификой связаны особенности и перспективы протекания кризиса.

Рецессия⁴⁷ в США началась с марта 2020 г., о чем было официально объявлено в начале июня Национальным бюро экономического анализа США (*NBER*)⁴⁸. Последним месяцем

⁴⁶ Semega J., Kollar M., Shrider E.A., Creamer J.F. Income and Poverty in the United States: 2019. U.S. Department of Commerce. U.S. Census Bureau. September 2020.

⁴⁷ Согласно определению Национального бюро экономических исследований, рецессия – это значительный спад экономической активности, распространившийся на всю экономику, который обычно отражается в изменении объема производства, уровне занятости и других показателей. Рецессия начинается, когда экономика достигает пика экономической активности и заканчивается, когда она достигает нижней точки падения. Между нижней точкой и пиком экономика находится в стадии роста.

⁴⁸ Business Cycle Dating Committee Announcement June 8, 2020. National Bureau of Economic Research. <https://www.nber.org/news/business-cycle-dating-committee-announcement-june-8-2020>

самого длительного в истории периода роста в США, продолжавшегося с июня 2009 года (128 месяцев), стал февраль 2020 года. Предыдущий рекордный по продолжительности период экономического роста длился 120 месяцев с марта 1991 по март 2001 года.

Несмотря на отсутствие жесткого правила, обычно о наступлении рецессии объявляют, если спад экономической активности продолжается более двух кварталов подряд (в официальных правилах заложено более мягкое определение «если спад продолжается более нескольких месяцев»).

Пик падения в экономике США пришелся на 2 квартал 2020 г., после чего последовал такой же резкий скачок роста в 3 квартале. В поквартальном выражении пик кризиса пришелся на апрель 2020 г. (см. таблицу 1). Сокращение ВВП в 1 квартале составило 5%, во втором – 31,4%, а в 3 квартале ВВП вырос на 33,1%. По отношению к тому же кварталу 2019 г. в 1 квартале 2020 г. ВВП увеличился на 0,3%, во 2 квартале – упал на 9%, в 3 квартале падение составило 2,9%. Во 2 квартале резко сократились все компоненты ВВП (потребительские расходы, все виды инвестиций, экспорт, расходы штатов и муниципалитетов) кроме федеральных расходов. Потребительские расходы упали во 2 квартале на 33,2%, при этом максимально сократилось потребление услуг – на 41,8%. Из товаров больше всего упали расходы на одежду и обувь, бензин, жилые фургоны и товары для активного отдыха. Среди услуг парадоксальным образом больше всего уменьшились расходы на здравоохранение, что было связано с частичным закрытием медицинских учреждений и приостановкой предоставления плановой медицинской помощи. Частные инвестиции сократились на 46,6%, инвестиции в жилье – на 35,6%. При этом государственные расходы во 2 квартале возросли на 2,5%, а невоенные федеральные расходы – на 37,6%, в связи с финансированием огромного пакета федеральной антикризисной помощи. Еще одним признаком кризиса стало сокращение потребительских цен – индекс PCE во 2 квартале уменьшился на 1,6%.

В 3 квартале 2020 г. произошел рост ВВП, сравнимый по величине с падением во 2 квартале. Увеличились все основные компоненты ВВП, кроме государственных расходов, которые сократились на 4,9%, при этом федеральные расходы на невоенные цели сократились на 18,1%, хотя все еще сильно превышали докризисный уровень. Потребительские расходы в 3 квартале выросли на 40,6%, в том числе на товары длительного пользования – на 82,9%, а на услуги – на 37,6%. Больше всего выросли расходы на одежду и обувь, а также на медицинские услуги, ресторанные и гостиничные услуги, то есть на те товары и услуги, расходы на которые больше всего упали во 2 квартале. Частные инвестиции возросли на 84,9%, в том числе инвестиции в оборудование – на 66,6%, а жилищные инвестиции – на 62,3%. Индекс потребительских цен PCE вырос на 3,7%.

Объем промышленного производства сократился на 6,8% в 1 квартале 2020 г. и на 42,8% во 2 квартале, а в 3 квартале резко вырос на 41,4% в годовом выражении. Пик падения промышленного производства пришелся на апрель 2020 г., далее началось восстановление (см. таблицу 1). В октябре уровень промышленного производства все еще был на 5,6% ниже февральского. Объем производства в обрабатывающей промышленности сократился в 1 квартале 2020 г. на 5,5%, во 2 квартале – на 46,7%, а в 3 квартале вырос на 55,3% в годовом выражении. Коэффициент использования производственных мощностей резко упал с 73,6% в марте до 64,2% в апреле, после чего начал постепенно расти, и составил в октябре 72,8%, что на 7 п.п. меньше, чем среднее долгосрочное значение этого показателя за 1972-2019 годы⁴⁹.

Ситуация на рынке труда также стремительно ухудшилась в марте-апреле, после чего началось улучшение, но гораздо более медленное, чем рост ВВП и промышленного производства. Как видно из динамики основных экономических показателей (см. таблицу 1),

⁴⁹ Industrial Production and Capacity Utilization - G.17. November 17, 2020. Board of Governors of the Federal Reserve System. Available at: <https://www.federalreserve.gov/releases/g17/current/>

пик падения пришелся на апрель, после чего началось восстановление. Уровень безработицы резко вырос с 4,4% в марте до 14,7% в апреле, что стало самым высоким значением в истории этого показателя (с 1948 г.), а также его максимальным изменением за месяц. В абсолютном выражении число безработных выросло с 7,1 млн человек в марте до 23,1 млн в апреле, т.е. на 16 миллионов. Безработица меньше затронула людей с более высоким уровнем образования, в том числе потому, что они в большей степени обладают навыками, необходимыми для дистанционной работы. Доля занятого населения снизилась до 51,3% (что также является самым низким значением за историю сбора соответствующих данных), доля экономически активного населения – до 60,2% .

Число рабочих мест в экономике в апреле 2020 г. сократилось на 20,5 миллионов. Больше всего пострадал гостиничный и досуговый бизнес где число рабочих мест сократилось на 47% (7,7 млн). Почти три четверти сокращения пришлось на рестораны и бары (5,5 млн), сильно пострадали культура, развлечения и отдых (1,3 млн) и гостиничный бизнес (839 тыс.). В здравоохранении количество рабочих мест с марта по апрель сократилось на 1,4 млн, причем основной удар пришелся на оказание амбулаторных услуг, где было сокращено около 1,2 млн рабочих мест. На занятости отразилось массовое закрытие школ: число рабочих мест в частных образовательных организациях сократилось на 457 тыс., а из 980 тыс. сокращенных рабочих мест в государственном секторе 176 тыс. пришлось на образовательные учреждения, подконтрольные штатам, и 469 тыс. – на муниципальные образовательные учреждения. В сфере предоставления профессиональных и бизнес-услуг, обычно довольно устойчивой к кризисам, с марта по апрель 2020 г. было потеряно 2,2 млн рабочих мест, в обрабатывающей промышленности сократилось – 1.3 миллиона. В автомобилестроении потери составили 382 тыс. рабочих мест.

С мая 2020 г., с началом снятия ограничений на работы компаний и учреждений, ситуация на рынке труда стала улучшаться. К ноябрю уровень безработицы снизился до 6,7%, а число безработных сократилось до 10,7 млн человек , что, однако, все еще на 4,9 млн выше, чем в феврале. Основные характеристики рынка труда еще далеки от докризисных уровней (см. таблицу 1), и улучшение показателей, происходившее быстро в летние месяцы, к ноябрю стало тормозиться, частично отражая сезонность эпидемии. В ноябре около 3,9 млн человек даже не пытались искать работу из-за пандемии (в октябре таких было 3,6 млн человек), а значит, не входили в состав экономически активного населения и не могли получать пособие по безработице, которое положено только в случае активного поиска работы. Даже при благоприятном развитии ситуации рынок труда уже не сможет вернуться к докризисному состоянию, поскольку карантинные меры и новый образ жизни привели к полной реорганизации деятельности большого числа оставшихся на рынке компаний, разрушению устоявшихся партнерских связей и изменению структуры спроса. Из этих изменений неизбежно следует необходимость кардинальных сдвигов в структуре и характере занятости и обновления требований к уровню квалификации персонала. Например, в ноябре 2020 г. 21,8% занятых в американской экономике работали дистанционно, и их доля увеличилась по сравнению с октябрём (21,2%). Большинству компаний приходится полностью пересматривать организацию рабочего процесса, менять пропорции офисного и дистанционного персонала, и это потребует от многих работников переквалификации и дополнительного обучения.

Таблица 19. Динамика некоторых экономических показателей США, 2020 г.

	янв	фев	мар	апр	май	июн	июл	авг	сен	окт	ноя
Реальные потребительские расходы населения, % к предыдущему месяцу, в том числе	0,4	-0,1	-6,5	-12,3	8,5	5,9	1,2	0,9	1,1	0,5	н.д.
Реальные располагаемые доходы , % к предыдущему месяцу	0,7	0,6	-1,4	15,6	-4,8	-1,8	0,6	-3,3	0,6	-0,8	н.д.
Реальные располагаемые доходы без учета трансфертных платежей , % к предыдущему месяцу	0,6	0,8	-2,5	-5,8	1,7	1,6	1,5	1,2	1,0	0,8	н.д.
Норма сбережений (доля сбережений в располагаемом доходе)	7,6	8,3	12,9	33,7	24,7	19,0	18,6	15,1	14,6	13,6	н.д.
Уровень безработицы , %	3,6	3,5	4,4	14,7	13,3	11,1	10,2	8,4	7,9	6,9	6,7
Число безработных , млн человек	5,9	5,8	7,1	23,1	21,0	17,8	16,3	13,6	12,6	11,1	10,7
Доля занятого населения	61,2	61,1	60,0	51,3	52,8	54,6	55,1	56,5	56,6	57,4	57,3
Доля экономически активного населения	63,4	63,4	62,7	60,2	60,8	61,5	61,4	61,7	61,4	61,7	61,5
Объем промышленного производства , % к предыдущему месяцу	-0,4	0,1	-4,4	-12,7	0,9	6,0	4,2	0,7	-0,4	1,1	н.д.
Индекс инфляции PCE, % к предыдущему месяцу	0,2	0,1	-0,3	-0,5	0,2	0,5	0,3	0,3	0,2	0,0	н.д.

Источники: U.S. Bureau of Economic Analysis, U.S. Bureau of Labor Statistics, The Federal Reserve Board

Жилищный рынок США в 2020 г. переживал настоящий бум, и стал одним из драйверов восстановления американской экономики. Произошло резкое увеличение доли владельцев собственного жилья: если в 4 квартале 2019 г. она составляла 65,1%, то в 3 квартале 2020 г. – уже 67,4%. На рынке жилья наблюдался взрывной рост спроса и огромный дефицит предложения. Превышение спроса над предложением наблюдается уже несколько лет, но в период пандемии спрос усилился из-за желания иметь собственное жилье в условиях тотальной неопределенности и рекордно низких ставок по ипотечному кредиту. По данным Ассоциации ипотечных банков США, число обращений за ипотечными кредитами на покупку жилья на первичном рынке выросло в октябре 2020 г. на 33% по сравнению с годом ранее. В результате выросли цены: общенациональный индекс цен на жилье (*FHFA House Price Index*) увеличился в 3 квартале 2020 г. по сравнению с 3 кварталом 2019 г. на 7,8%⁵⁰, причем рост наблюдался во всех штатах и крупных городах. Высокий спрос стимулирует рост объемов жилищного строительства. Ключевой показатель жилищного рынка – объем запуска строительства новых домов – в октябре 2020 г. достиг 1,53 млн, что на 4,9% выше, чем в сентябре 2020 г. и на 14,2% превышает уровень октября 2019 года. После резкого падения до 934 тыс. в апреле этот показатель начал расти и уже почти достиг февральского уровня (1,57 млн). Количество выданных разрешений на строительство в октябре 2020 г. составило 1,545 млн, что на 2,8% больше, чем в октябре 2019 года⁵¹. Продажи новых домов для одной семьи в октябре составили 990 тыс., это на 41,5% выше, чем годом ранее. Ограничительными факторами для нового строительства остаются дефицит земельных участков и нестабильность цен и поставок стройматериалов. По данным Национальной ассоциации риелторов США, с мая 2020 г. возобновился рост продаж и на вторичном рынке жилья. В октябре 2020 г. объем продаж на вторичном рынке составил 6,85 млн в годовом выражении, что на 26,6% больше, чем годом ранее. Медианная цена дома на вторичном рынке составила в октябре 2020 г. 313 тыс. долл. (на 16% выше, чем в октябре 2019 г.), а 72% домов, проданных в октябре 2020 г., экспонировались на рынке менее одного месяца⁵². В следующем году спрос на жилищном рынке по-прежнему будет оставаться высоким, опережая предложение, однако если число заболевших COVID-19 будет возрастать, возможны некоторые периоды уменьшения активности, как это наблюдалось весной 2020 года.

Ситуация на рынке автомобильных продаж в 2020 г. также развивалась под воздействием кризиса. В 2019 г., как и ожидалось, благодаря стабильному спросу было продано около 17 млн легковых автомобилей и легких грузовиков. В январе и феврале 2020 г. продажи несколько снизились до уровня 16,8 млн в годовом выражении, в марте, с началом эпидемии, упали до 11,4 млн, а в апреле в результате карантина и локдаунов – до 8,6 миллионов. С мая начался постепенный рост продаж, которые составили в сентябре 16,3 млн, в октябре – 16,2 млн, а в ноябре незначительно снизились – до 15,6 млн в годовом выражении. За 11 месяцев 2020 г. объем продаж новых легковых автомобилей и легких грузовиков уменьшился на 16,7% по сравнению с тем же периодом 2019 года. После частичного открытия экономики весной-летом 2020 г. спрос на автомобили значительно вырос из-за увеличения доходов в результате выплат государственной помощи и большей склонности к использованию личного транспорта в период пандемии. Однако в этот же период произошло сокращение производства автомобилей, что привело к рекордному росту цен на новые автомобили.

⁵⁰ U.S. House Price Index Report - 2020 Q3. Federal Housing Finance Agency. November 24, 2020. Available at: https://www.fhfa.gov/AboutUs/Reports/ReportDocuments/2020Q3_HPI.pdf

⁵¹ Monthly New Residential Construction, October 2020. Release Number: CB20-173. U.S. Census Bureau. November 2020.

⁵² Existing-Home Sales Jump 4.3% to 6.85 Million in October. National Association of Realtors. November 19, 2020. Available at: <https://www.nar.realtor/newsroom/existing-home-sales-jump-4-3-to-6-85-million-in-october>

Продажи по итогам 2020 г. составят около 14,1-14,2 миллионов автомобилей и легких грузовиков, в 2021 г. ожидается восстановление уровня продаж до 16,3-16,6 миллионов.

Кризис отразился на размерах корпоративных прибылей в 2020 г., хотя они по-прежнему остаются высокими. Размер корпоративных прибылей до налогообложения в 1 квартале 2020 г. составил 2 трлн долл., во 2 квартале – 1,8 трлн долл., в 3 квартале – 2,3 трлн долларов. Достигнутый уровень прибылей в 3 квартале на 3,3% превышает значение 3 квартала 2019 года. В ответ на кризис компании увеличили запасы наличности: в июне 2020 г. они достигли 2,12 трлн долл., что на 30% выше, чем в конце 2019 г., и на 6% превышает рекордный уровень запасов корпоративной наличности (1,99 трлн) в конце 2017 года. В условиях кризиса также резко возрос уровень корпоративной задолженности⁵³.

Беспрецедентная ситуация в экономике и на рынке труда США в связи с эпидемией COVID-19 потребовала принятия столь же беспрецедентных мер государственного вмешательства. Было принято четыре закона, регламентирующих порядок государственной помощи, с общим объемом государственных вливаний в экономику около 2,7 трлн долл. (13% ВВП США), и размеры помощи кратно увеличивались по мере осознания серьезности ситуации. Самый масштабный закон – *Coronavirus Aid, Relief, and Economic Security (CARES) Act*, предусматривающий выплаты в размере 2,1 трлн долл., был принят 27 марта 2020 года. Закон предусматривает оказание финансовой помощи пострадавшим от пандемии работающим американцам и их семьям, частным компаниям, оказавшимся в тяжелой ситуации, а также содержит комплекс мер по поддержке занятости и помощи безработным. Принятые меры включают финансовую поддержку критически важных для национальной безопасности компаний и наиболее пострадавших отраслей, штатов и городов (для чего был создан целевой стабилизационный фонд), поддержку малого бизнеса (через специально учрежденную программу *Paycheck Protection Program*), прямые стимулирующие выплаты американским работающим семьям, существенное увеличение размера пособий по безработице и расширение критериев для получения права на пособие. Закон предусматривает налоговые льготы, списание и отсрочку уплаты некоторых налогов, двухлетнюю отсрочку отчислений в фонд социального страхования, а также частичное возмещение затрат работодателя при оплате им больничного. Также в рамках закона финансируется комплекс мероприятий по борьбе с пандемией: финансирование разработки тестов и проведения тестирования на COVID-19, проведение биомедицинских исследований, разработка вакцин, обеспечение средствами индивидуальной защиты, финансовая помощь медицинским учреждениям.

Государственная поддержка малого бизнеса имеет важнейшую социальную составляющую, поскольку на него приходится примерно половина занятости в частном секторе США. В рамках Программы поддержки занятости в малом бизнесе (*Paycheck Protection Program*) через существующую систему кредитования малого бизнеса на базе Ассоциации малого бизнеса было распределено два транша федеральной помощи размером 350 и 321 млрд долларов. Эти средства выдавались в виде целевых кредитов для выплаты заработной платы, которые можно было списать при условии сохранения занятости и выплаты заработной платы всем сотрудникам в течение 8 недель. В рамках помощи американским семьям все работающие американцы с годовым доходом менее 75 тыс. долл. получили единовременные федеральные выплаты в размере 1200 долл., и по 500 долл. на каждого ребенка. Размер пособий по безработице был увеличен во всех штатах на 600 долл. в неделю сроком до июля 2020 г., а срок выплаты пособий был увеличен до декабря 2020 года, также были расширены критерии для получения статуса безработного. На поддержку работающих семей было

⁵³ Moody's: US companies' cash holdings hit record high amid pandemic. Moody's Investors Service. November 23, 2020. Available at: https://www.moody's.com/research/Moodys-US-companies-cash-holdings-hit-record-high-amid-pandemic--PBC_1254533

выделено 290 млрд долл., а на дополнительную помощь безработным – 270 млрд долларов. В конце июля, по истечению срока действия дополнительных выплат к пособию по безработице, Д.Трамп подписал президентское распоряжение о продлении выплат еще на несколько недель, при этом размер выплат был уменьшен, и они частично должны были финансироваться из бюджета штатов, что сделало выплату этой части дополнительного пособия сомнительной. Новый законопроект о стимулирующих пандемических выплатах, аналогичный принятому в марте, с планируемым объемом помощи 1,8-2 трлн долл. обсуждался в Конгрессе с лета, но так и не был принят из-за существенных разногласий между партиями. Возможно, до конца года будет принят усеченный компромиссный вариант закона, при условии достижения договоренности между сторонами.

Таким образом, основная часть федеральных выплат населению пришлось на апрель-июль, после чего потоки помощи снизились. Масштабы денежной помощи были настолько велики, что парадоксальным образом доходы населения в самый разгар кризиса существенно возросли (см. таблицу 1). В апреле 2020 г. реальные располагаемые доходы населения увеличились на 15,6% по сравнению с мартом, при этом реальные располагаемые доходы без учета трансфертных платежей снизились на 5,8%. Во втором квартале 2020 г. реальные располагаемые доходы населения увеличились на 48,6% , а реальные доходы населения без учета трансфертных платежей уменьшились на 20,5%. В 3 квартале 2020 г., несмотря на падение на 16%, реальные располагаемые доходы все еще превышали докризисный уровень. Также в апреле норма сбережений выросла до рекордного уровня 33,7%, что является характерным признаком кризисного поведения и связано с неопределенностью будущей ситуации, а потребительские расходы снизились на 12,7%.

Крупные экстренные расходы федерального бюджета предсказуемо привели к существенному росту его дефицита. В 2020 г. дефицит бюджета достиг рекордного уровня 3,1 трлн долл. (14,9% ВВП), что более чем в три раза больше дефицита 2019 г. (984 млрд долл., 4,6% ВВП) и более чем в два раза превышает предыдущий максимум 1,416 трлн долл., зафиксированный в 2009 г., во время финансово-экономического кризиса. Размер бюджетного дефицита 2020 года превысил прогнозируемый до пандемии уровень более чем на 2 трлн долларов. По прогнозу Бюджетного управления Конгресса США, в 2021 г. дефицит должен понизиться до 8,6% ВВП. Государственный долг США, который в конце 2019 г. составлял 79% ВВП, в 2020 г. превысил ВВП США, достигнув уровня 100,1% ВВП. По прогнозу Бюджетного управления Конгресса, превышение долга над уровнем ВВП должно было произойти позже, в 2021 году.

Мощнейшую поддержку экономики по отработанной во время кризиса 2008-09 гг. схеме осуществляет ФРС. Центробанк вернулся к сверхмягкой монетарной политике с использованием нетрадиционных методов монетарного воздействия. После двух экстренных снижений, произведенных 3 и 15 марта, целевой уровень ставки по федеральным фондам находится в минимальном диапазоне 0-0,25%. С целью поддержания низких ставок и ликвидности было возобновлено количественное смягчение (масштабная покупка центробанком активов), которое ФРС впервые использовала для борьбы с последствиями кризиса 2008-09 годов. Масштабные покупки ценных бумаг были возобновлены с середины марта, и возможные срок их окончания ФРС не объявляет. В результате резко возрос баланс ФРС. В начале сентября 2019 г. его размер составлял примерно 3,7 трлн долл. (минимальное значение после кризиса 2008-09 гг.), к декабрю 2019 г., после интервенций на рынке репо еще до начала коронакризиса, он увеличился до 4,1 трлн долл., а с началом количественного смягчения в марте 2020 г. начался резкий рост, и по состоянию на ноябрь 2020 г. величина

баланса ФРС превышает 7 трлн долл., что является его максимальным значением⁵⁴. Никогда в истории не было и такого резкого увеличения баланса ФРС (более чем на 60% за семь недель)⁵⁵.

Смена президента обычно существенно не сказывается на экономике США, однако специфика настоящего момента может несколько изменить это правило. Д.Трамп заложил долгосрочный фундамент для успешного функционирования экономики в виде дерегулирования и налоговой реформы. Политика Д.Байдена обещает быть гораздо менее бизнес-ориентированной, и предполагает больший сдвиг в сторону государственного вмешательства в экономику и социальных программ, что может негативно отразиться на экономическом росте. Среди предлагаемых будущей администрацией направлений экономической политики – поддержка среднего класса, борьба с неравенством, повышение федерального минимума заработной платы, возвращение к многосторонним торговым соглашениям, развитие «новой энергетики», введение частично бесплатного образования и списание студенческих долгов. Д.Байден собирается продолжить начатую Б.Обамой реформу здравоохранения, что особенно актуально в условиях пандемии, когда явно выявились все недостатки существующей системы. Также Д.Байден, как и Д.Трамп, собирается развивать производство на территории США и инвестировать в американскую инфраструктуру. Будет несколько смягчена риторика в торговых отношениях с Китаем, однако вряд ли последует отмена пошлин или условий договоров, заключенных предыдущей администрацией. Пока трудно оценить реалистичность повестки Д.Байдена, предполагающей большие бюджетные затраты, которые будет проблематично согласовать в условиях разделенного Конгресса и увеличивающегося бюджетного дефицита. Намерения Д.Байдена финансировать планируемые изменения за счет увеличения ставки корпоративного налога до 28% и налогов на наиболее обеспеченных американцев также могут натолкнуться на трудности с проведением через Конгресс. И главное – приступать к полномасштабным стратегическим действиям можно будет только после решения наиболее актуального вопроса текущего момента – окончания пандемии.

Рецессия 2020 года имеет специфическую природу, обусловленную ее внешними, внеэкономическими причинами. Этим обуславливается теоретическая возможность быстрого восстановления экономики в случае нормализации эпидемической ситуации и отмены ограничений. Однако с ростом продолжительности кризиса накапливается все больше факторов, препятствующих легкому возвращению к исходной ситуации. Карантинные меры будут отменяться постепенно, а вызванные пандемией изменения образа жизни и структуры потребления будут сохраняться в течение долгого времени. В случае затяжного течения пандемии накапливающаяся фрустрация от отсутствия заметных улучшений будут вести к возрастающему давлению на власти штатов и городов, которые должны будут принимать сложные решения о сроках снятия локдаунов, то есть о балансе между мерами, сдерживающими развитие эпидемии, и тяжелым экономическим положением, в котором оказались миллионы американцев. После отмены локдаунов экономика не вернется к докризисному состоянию из-за изменения структуры спроса, изменения потребительского поведения, уменьшения спроса на многие товары и услуги из-за сохраняющейся необходимости соблюдения физической дистанции, разрыва старых партнерских связей. Многие компании закроются навсегда, а их владельцы и сотрудники будут вынуждены начинать новый бизнес или искать другую работу.

⁵⁴ Предыдущий максимум (4,5 трлн долл.) был зафиксирован после завершения третьего раунда количественного смягчения в октябре 2014 г., после чего размер баланса оставался на этом уровне до осени 2017 г., когда началось его постепенное снижение.

⁵⁵ Credit and Liquidity Programs and the Balance Sheet. Recent balance sheet trends. Board of Governors of the Federal Reserve System. Available at: https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/bst_recenttrends.htm

Несмотря на экзогенный характер экономического кризиса, он обострил многие проблемы, назревшие в американской экономике, особенно в части, касающейся структурных изменений. После постепенного снятия карантинных ограничений не произойдет автоматического возвращения функционирования экономики в докризисный режим. Многие изменения, вызванные кризисом (такие как реструктуризация партнерских связей, внедрение дистанционных технологий, сокращение числа офисных работников, изменения в работе туристических и досуговых компаний, реорганизация деятельности учреждений образования и культуры) станут отправной точкой долгосрочных структурных преобразований. Ключевым фактором, определяющим перспективы восстановления экономики, будет эпидемиологическая ситуация.

Таблица 20. Основные показатели экономики США, % прироста

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
ВВП	-0,1	-2,5	2,6	1,6	2,2	1,8	2,5	3,1	1,7	2,3	3,0	2,2	-2,9	4,5
Промышленное производство	-3,5	-11,5	5,5	3,1	3,0	2,0	3,1	-1,0	-2,0	2,3	3,9	0,8	-5,0	2,0
Потребительские расходы	-0,2	-1,3	1,7	1,9	1,5	1,5	3,0	3,8	2,8	2,6	2,7	2,4	-2,0	5,0
Частные производственные капиталовложения	-8,2	-21,2	14,1	6,6	11,0	6,9	5,6	5,5	-1,5	3,5	6,3	1,7	-7,0	3,0
Инвестиции в жилье	-24,2	-21,7	-3,1	-0,1	13,0	12,4	3,8	10,2	6,6	4,0	-0,6	-1,7	4,0	6,0
Государственные расходы и инвестиции	2,5	3,5	0,0	-3,1	-2,1	-2,4	-0,9	1,8	1,8	0,9	1,8	2,3	1,5	2,0
Потребительские цены (индекс РСЕ)*	3,0	-0,1	1,7	2,5	1,9	1,3	1,5	0,2	1,0	1,8	2,1	1,5	1,3	1,7
Потребительские цены (базовый индекс РСЕ)**	2,0	1,2	1,4	1,6	1,9	1,5	1,6	1,2	1,6	1,7	2,0	1,7	1,4	1,7
Уровень безработицы***	7,3	9,9	9,3	8,5	7,9	6,7	5,6	5,0	4,7	4,1	3,9	3,5	6,5	5,8

* Индекс, включающий расходы на энергоресурсы и продовольствие.

** Индекс, не включающий расходы на энергоресурсы и продовольствие.

** Доля в экономически активном населении, на конец года.

Япония

Экономическая динамика Японии в 2020 г. была подавлена пандемией, вызвавшей глубокую рецессию. Согласно прогнозу МВФ, опубликованному в октябре 2020 г., годовое снижение ВВП в сопоставимых ценах составит 5,3%.

За три квартала 2020 г. снижение ВВП составило 6,0%, причём распространение COVID-19 нанесло особенно большой ущерб отраслям с трудоёмкой продукцией и низким уровнем зарплат.

На протяжении последнего десятилетия экономическая политика кабинета Синдзо Абэ решала задачи ускорения экономического роста, снижения оттока капитала из страны и сокращения дефицита государственного бюджета. Пандемия коронавируса резко изменила направления государственной политики. Премьер-министр Ёсихидэ Суга, сменивший Абэ в сентябре 2020 г., поставлен перед необходимостью отказаться от сокращения дефицита госбюджета в пользу адаптации отраслевой структуры экономики к условиям пандемии, сроки окончания которой остаются неопределёнными.

Таблица 21. Основные экономические показатели за фин. годы (апрель 2020 – март 2021), трлн иен и %

	2017	2018	2019	2020
ВВП в текущих ценах	543,6	548,4	558,3	570,2
Прирост ВВП в постоянных ценах	1,7	0,9	0,3	1,4
Индекс розничных цен	0,7	0,7	0,6	2,0
Уровень безработицы	2,7	2,4	2,4	2,0

Источник: министерство финансов Японии. URL: [www//mof. go.jp](http://www.mof.go.jp).

В бюджете на 2020 фин. год (апрель 2020 – март 2021) предусмотрено сократить расходы на обслуживание гос. долга на 156,7 трлн иен и ассигновать 1,750 трлн иен на социальные расходы, в том числе на субсидирование цен на лекарства.

Распространение COVID-19 необходимо остановить в условиях, когда население страны сокращается и стареет. Старшая возрастная группа (старше 65 лет) увеличилась до 28% в 2019 г. В составе японских предприятий 77,3% занимают заведения с числом занятых до 10 чел. В последние несколько лет появился целый слой «выморочных» малых предприятий, наследники которых отсутствуют либо отказываются от родительского бизнеса. В этих условиях укрупнение предприятий и повышение производительности труда становится первостепенной задачей. В противном случае отрицательный демографический тренд надолго задержит выход из пандемии. Тем более, что многим предприятиям приходится работать в дистанционном режиме, когда использование инновационных цифровых технологий настоятельно необходимо.

По оценке Министерства экономики и промышленности, производительность труда находится в прямой зависимости от размера предприятия, от числа работающих на полной ставке и от использования цифровых технологий. Ряд исследований, проведенных экспертами Министерства финансов Японии в 2020 г., показал, что низкая по сравнению с другими странами производительность и оплата труда в Японии определяется именно численностью мелких предприятий, причём не столько в обрабатывающей промышленности, сколько в сфере услуг.

Министерство промышленности и торговли ещё при премьерке Абэ начало сбор и анализ информации по отраслям. Позитивная корреляция между размерами предприятий и производительностью труда обнаружена в отрасли связи и информации, где примерно половина работников занята в фирмах, с числом работающих в 500 чел. Эксперты настаивают на необходимости укрупнять фирмы, так как в среднем они мельче, чем в развитых странах.

По мере распространения COVID-19 персональные контакты в обществе будут сокращаться. Один из путей избежать потерь от этого состоит в капиталовложениях в цифровые технологии.

В принципе, речь идёт о долгосрочной структурной программе, разработка которой уже началась. Правительство подготовило правила запросов предприятий о субсидиях и принимает запросы медицинских учреждений о снабжении больниц и передвижных клиник медикаментами. Принята программа субсидий предприятиям, не прекращающим работу, и меры поддержки предприятий, возобновляющих работу после закрытия.

Это лишь часть мероприятий, которые составят полную программу промышленной политики на ближайший год.

Расчёт субсидий, порядок принятия запросов, оценка численности мелких предприятий, которым предназначаются субсидии – всё это уже определено.

Эксперты МВТП установили, что фирмы хорошо представляют субъективность своих представлений о дальнейших возможностях роста, найма персонала и капиталовложений. Они ориентируются больше всего на макроэкономические показатели – варианты прогнозов роста ВВП и валютных курсов. Поэтому информационная составляющая промышленной политики имеет первостепенное значение для делового сообщества.

Резкое усиление пандемии в январе 2020 г. только добавило неопределённости ожиданий, особенно у компаний, сильно зависящих от импортных поставок, в особенности от китайского рынка, и от прямых зарубежных инвестиций. У 11 344 крупных промышленных компаний сеть зарубежных филиалов выпускает 25,1% продукции, и эта сеть не может не пострадать от сокращения связей в условиях пандемии, особенно в Индии и Таиланде.

Подписанное в ноябре 2020 г. соглашение о создании зоны свободной торговли в составе 15 стран АТР ещё далеко от реализации. По условиям этого соглашения в ближайшие 20 лет между его участниками будут отменены импортные пошлины на многие промышленные товары, однако открытия рынков сельского хозяйства не ожидается. В торговле товарами в соглашении появляется такое важное новшество, как единые для всех правила происхождения. Значимость нововведения можно проиллюстрировать на простом примере. Если прежде велосипед, произведенный в Индонезии, можно было беспрепятственно продать в Японию, но затруднительно в Южную Корею в силу различий в требованиях к происхождению комплектующих, то теперь подобные препятствия ликвидируются. Это, несомненно, увеличит объемы торговли.

На торговлю некоторых чувствительных для стран региона товаров сохраняются тарифы, защищающие национальных производителей. Кроме того, остается вопрос относительно нетарифных ограничений импорта, достаточно широко применяемых странами АТР. Требуется также анализ уже согласованных правил регулирования интеллектуальной собственности, электронной торговли. Возможности иностранного участия в сфере услуг, включая телекоммуникации и финансы, и соблюдения прав наемного персонала остались не урегулированными.

Очевидно, пятнадцати государствам АТР (без США) удалось договориться о масштабном Соглашении о свободной торговле, способном придать заметный импульс региональным

экономическим обменам. Между тем степень проработки вопросов экономической интеграции, достигнутая в рамках Всеобъемлющего и прогрессивного Транстихоокеанского партнерства, на данный момент представляется более важной, чем заявленные в Ханое параметры Соглашения.

Денежно-кредитная политика Банка Японии придерживается принятого ещё в 2016 г. курса на количественное смягчение при отрицательной ставке на межбанковском рынке, поставив цель добиться годового прироста розничных цен в 2,8%.

Ситуация на финансовых рынках Японии весной нынешнего года дестабилизировалась из-за распространения пандемии COVID-19, снижения спроса на зарубежных рынках и замедления экспорта промышленной продукции, особенно в Китай. Замедление инвестиционного спроса внутри страны стало заметным весной нынешнего года. На внутреннем рынке потребительский спрос сильно сократился в сфере услуг (ресторанном и гостиничном бизнесе). Поэтому цены на потребительском рынке начали расти темпом в 0,5-1,0% год. Это показатель инфляционных ожиданий, которые могут наступить.

На мировых финансовых рынках появились признаки удорожания рискованных активов, но они отражают политическую неопределённость последствий американо-китайских торговых переговоров и динамики спроса на доллары на мировых рынках. В этих условиях центральные банки ведущих стран, включая Японию, провели снижение процентных ставок и массовую покупку активов.

Банк Японии, как сообщил член его правления Сэйдзи Адати, полагает, что мировая экономика достигла низшей точки. Прогнозы Мирового Банка и Международного Валютного Фонда на 2020 г., опубликованные в октябре, пересмотрены в сторону улучшения. Низшей точки, по мнению Адати, японская экономика прошла во втором квартале одновременно с США и Европой. Это заметно по росту выпуска продукции обрабатывающей промышленности, в особенности автомобилей, и ее продажам в Европе, США и Китае. В сфере услуг условия благоприятны для фирм, связанных с технологиями информации и связи. В розничной торговле благоприятные условия имеются только для фирм, торгующих товарами длительного пользования.

На рынке труда из-за пандемии сокращается численность занятых по непостоянным контрактам, особенно в туристических компаниях, гостиницах, кафе и ресторанах – там, где нужен личный контакт с клиентом. Но уровень безработицы остаётся низким – 3%.

Правительство и Банк Японии реагирует на распространение COVID-19 так же, как и другие правительства и центральные банки. Шесть центральных банков, в том числе ФРС США и Банк Японии, активно покупают государственные и частные облигации и коммерческие векселя и тем самым предотвращают резкое падение курсов акций и наступление мирового финансового кризиса. Банк Японии реализует специальную программу финансирования частных корпораций путём покупки их векселей и облигаций на сумму в 230 трлн иен. Кроме того, Банк переводит 120 трлн иен на счета частных финансовых учреждений для беспроцентного и необеспеченного кредитования мелких и средних компаний.

Об эффективности политики правительства и Банка Японии можно судить по тому, что, несмотря на глубокую рецессию, безработица не растёт, а количество банкротств не увеличивается. Удаётся избежать социальных последствий, таких, как вспышка тяжёлых заболеваний и повышенной смертности.

Страна ищет возможность продолжать экономически активную жизнь, не дожидаясь окончания пандемии.

По краткосрочному прогнозу Японского центра экономических исследований, в 2020 фин. году экономика Японии сократится на 7%, несмотря на постепенное возобновление хозяйственной активности.

Несмотря на государственную поддержку бизнеса, норма безработицы поднимется до 4%. А уровень зарплат снизится на 4,5%. Но государство располагает такими финансовыми ресурсами, что катастрофического развития пандемии удастся избежать.

К факторам риска относится экономическая ситуация в Китае – крупнейшем экспортным рынкам Японии, а также продолжение пандемии за пределы 2021 г. – это нанесло бы удар по ожиданиям японского общества, по качеству национального человеческого капитала.

Китай

Экономика Китая в 2021 г. при средневысоких темпах прироста будет испытывать противоречивое влияние ряда как негативных, так и позитивных факторов.

Вместе с тем, в среднесрочной и долгосрочной перспективе неопределенность экономического развития Китая будет нарастать из-за постепенно накапливающихся структурных проблем, смены модели экономического развития, а также усиления конкуренции с развитыми странами, прежде всего США и ЕС.

К основным факторам, которые окажут негативное влияние на экономику Китая в 2021 г., можно отнести последствия пандемии коронавируса и противопандемических мер, предпринятых как в самом Китае, так и странах-основных импортерах китайской продукции – США, ЕС.

Итоги первого квартала 2020 г., в течение которого китайские власти, хотя и с некоторым запозданием, активно и достаточно жестко боролись с коронавирусом, показали, что все социально-экономические показатели КНР оказались в отрицательном поле: ВВП впервые с 1992 г. сократился на 6,8% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.; прибыль промышленных предприятий – на 36,7%; объем розничных продаж – на 19%; объем инвестиций в основные фонды – на 16,1%; объем внешней торговли товарами – на 6,4%⁵⁶.

Располагаемые доходы населения сократились на относительно незначительные 3,9%, а расходы – на целых 12,5%. Это привело к торможению государственной политики по стимулированию потребления и расширению спроса на внутреннем рынке.

В целом, к концу 2020 г. большая часть социально-экономических показателей восстановилась, однако, падение внутреннего и внешнего спроса на китайские товары будут оказывать негативное влияние на экономику Китая и в 2021 году.

В 2021 г. одним из серьезных, однако, не критичным последствием пандемии и последовавшего за ней карантина станет вероятная ограниченная турбулентность на китайском финансовом рынке, спровоцированная дефолтами ряда предприятий.

Объем просроченных долговых обязательств в 2020 г. уже достиг почти 24 млрд долларов. Из них более 40% пришлось всего на три компании: Yongcheng Coal & Electricity Holding Group (добыча и переработка угля, электроэнергетика, железнодорожная отрасль), Tsinghua Unigroup (электронная промышленность) и Huachen Automotive Group Holdings (автомобильная промышленность)⁵⁷.

В связи с этим существует вероятность, хотя и достаточно низкая, что увеличение дефолтов компаний, которые полностью или частично принадлежат региональным властям, может спровоцировать финансовые кризисы в отдельных китайских провинциях.

Провинциальные власти также имеют долговые обязательства, их доходы от коммерческой деятельности и налоговые поступления существенно сократились из-за последствий пандемии, а объем задолженности, напротив, вырос в связи с необходимостью реализовывать новые инфраструктурные проекты для поддержки экономического роста.

Для преодоления последствий коронакризиса власти Китая увеличили квоты на выпуск целевых облигаций местными органами власти с 320 млрд долл. в 2019 г. до более 550 млрд долл. в 2020 г. Это привело к дополнительному росту провинциального долга, общий объем которого на конец ноября 2020 г. оценивался в 4,5 трлн долларов⁵⁸.

⁵⁶ http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202004/t20200417_1739339.html.

⁵⁷ <https://asia.nikkei.com/Politics/China-vows-to-guard-financial-stability-after-big-name-defaults>.

⁵⁸ <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3084979/china-debt-how-big-it-who-owns-it-and-what-next>.

Кроме того, по итогам первого квартала 2020 г. доходы центрального бюджета сократились на 14,3%. Пекин запустил антикризисную программу, включающую монетарные и фискальные меры общим объемом примерно в 6% ВВП⁵⁹. Налоговые поступления за первые 9 месяцев 2020 г. сократились на 6,4%⁶⁰. В целом, запланированный на 2020 г. бюджетный дефицит может существенно превысить как первоначально запланированные 3%, так и пересмотренные после пандемии 3,6%, несмотря на вынужденное сокращение расходов госбюджета на 1,9% за первые три квартала 2020 г.⁶¹

Исходя из этого, можно предположить, что возможности Пекина по выкупу необслуживаемых государственными компаниями или провинциями долгов не безграничны. Косвенно нежелание Пекина брать на себя все финансовые риски подтвердил Председатель Народного банка КНР И Ган, который заявил о том, что Банк не будет спасать проблемные компании, поддерживаемые местными органами власти⁶².

Дополнительным фактором нестабильности в китайской финансовой сфере в 2021 г. станет вероятная нехватка собственного капитала у малых региональных банков из-за возможных дефолтов китайских компаний.

Высокая вероятность негативной ситуации подтверждается увеличением стоимости межбанковских кредитов, процентная ставка по которым на 30 ноября 2020 г. выросла в два раза по сравнению с апрелем того же года и составила 3,34%. Разница между ставкой Народного банка КНР и ставкой на межбанковском рынке достигла 39 базисных пунктов. Однако малые банки не имеют прямого доступа к более дешевым средствам Народного банка⁶³.

Правительство Китая пока справляется с проблемами малых банков, осуществляя их слияния. В 2020 г. регулятором было одобрено создание более 40 новых малых и средних банков, большая часть из которых были сформированы за счет объединения ранее существующих банков⁶⁴.

В декабре 2020 г. Народный банк и Китайская комиссия по регулированию банковской и страховой деятельности опубликовали критерии, которые фактически позволят определять, какие из банков являются системно значимыми и не могут быть обанкрочены. Правила вступят в действие с 1 января 2021 года.

Достаточно значимой, но пока не критичной проблемой экономического развития КНР в 2021 г. может стать и растущая долговая нагрузка на население, которая не позволит значительно повысить его покупательную способность. За последнее пять лет долг китайских домохозяйств увеличился в четыре раза и достиг почти 9,5 трлн долларов⁶⁵.

В 2021 г. внешнеэкономические и внешнеполитические факторы продолжают оказывать негативное влияние на экономику Китая: продолжающаяся, несмотря на смену администрации Вашингтона, американо-китайская торгово-экономическая война и, соответственно, действующие и с высокой вероятностью новые санкции со стороны США, а также усиление конкуренции ЕС. В краткосрочной перспективе Китаю не удастся

⁵⁹http://www.xinhuanet.com/politics/2020lh/2020-05/22/c_1126018545.htm?baike.

⁶⁰Там же.

⁶¹<http://finance.china.com.cn/news/20201022/5401743.shtml>.

⁶²<https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3112404/chinas-central-bank-governor-tells-local-governments-lenders>.

⁶³https://www.bloomberg.com/amp/news/articles/2020-12-01/china-funding-squeeze-at-small-banks-is-warning-sign-for-market?__twitter_impression=true.

⁶⁴<https://www.chinabankingnews.com/2020/10/13/over-40-small-and-medium-sized-chinese-banks-obtain-approval-for-establishment-in-2020>.

⁶⁵<https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3111911/how-property-hungry-chinese-millennials-and-shadow-banking-could>.

сбалансировать ухудшение отношений с США и ЕС расширением сотрудничества с другими регионами.

К позитивным факторам, которые поддержат экономику Китая в 2021 г., следует отнести, прежде всего, меры по стимулированию экономического роста, которые были предприняты в начале 2020 г. Действие этих мер было продлено до конца года и расширено практически на весь Китай.

Основными налогово-бюджетными мерами поддержки китайских компаний пострадавших от карантина как внутри Китая, так и за его пределами стали: освобождение от уплаты НДС; подоходного налога; отдельных выплат в социальные фонды и увеличение размера возврата НДС для экспортеров.

Монетарные меры включили в себя: снижение коэффициента резервных требований; понижение ставки по кредитам для первоклассных заемщиков; расширение квот на целевые облигации для местных органов власти; рефинансирование задолженности и др.

Благодаря правительственным мерам поддержки основные социально-экономические показатели Китая продолжали восстанавливаться в течение всего 2020 г., хотя и с меньшими, чем хотелось бы Пекину темпами. В основном это связано с медленным восстановлением внутреннего спроса на китайские товары: за первые 10 месяцев 2020 г. розничный товарооборот сократился на 5,9%⁶⁶, а также низкими темпами восстановления сферы услуг: за первые 10 месяцев 2020 г. индекс производства в сфере услуг сократился на 1,6%⁶⁷.

Темпы прироста китайского ВВП в третьем квартале 2020 г. составили 4,9%⁶⁸, таким образом, Китаю удалось выйти в положительную зону по результатам первых трех кварталов и показать прирост ВВП в 0,7%. Внешнеторговый оборот увеличился на 0,7% в годовом исчислении и на 7,5% в квартальном. Экспорт увеличился на 1,8%, а импорт сократился на 0,6% в годовом исчислении.

Китаю удалось избежать драматичного роста безработицы и серьезного сокращения располагаемых доходов населения: за три квартала 2020 г. в городах было создано 8,98 млн новых рабочих мест – это почти 100% всех планируемых к созданию рабочих мест по итогам 2020 г. Рекордный 6,2% уровень безработицы, который был зафиксирован в Китае на пике пандемии в феврале 2020 г., не был превышен на протяжении всего года.

За этот же период средние располагаемые доходы на душу населения выросли на 3,9% в годовом исчислении (во втором квартале они сократились на 1,3%).

Основная проблема, вставшая перед Китаем после пандемии, заключается не в торможении экономического роста, а в необходимости ответа на среднесрочные и долгосрочные вызовы, обострившиеся после пандемии.

Во-первых, как повысить качество китайской экономики и решить структурные проблемы?

Например, первоначально власти не планировали на 2020 г. масштабных стимулирующих программ, чтобы не усугублять существующие дисбалансы в экономике (высокая долговая нагрузка, избыточные производственные мощности, проблемы в финансовой системе и т.д.), а предполагали сосредоточиться на повышении эффективности уже действующих программ.

Однако для преодоления негативных последствий пандемии масштабные программы стимулирования экономики все же были запущены, что на время отложило идею повышения её качества. Для Китая такая отсрочка достаточно опасна – окно возможностей для успешной конкуренции с США постепенно закрывается.

⁶⁶ http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202011/t20201116_1803022.html.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202010/t20201020_1794939.html.

Во-вторых, можно ли, в принципе, повысить качество китайской экономики при действующей модели развития? Американо-китайская торговая война, санкции со стороны США и коронакризис продемонстрировали, что зависимость Китая от внешних рынков и, соответственно, от внешних шоков всё еще велика.

Ответить на эти вызовы призвана новая стратегия экономического развития Китая, получившая название «двойной циркуляции». Её реализация начнется со следующего года в рамках XIV социально-экономического плана развития КНР на 2021-2025 г., но не ограничится этим периодом.

Основные положения новой стратегии были представлены Председателем КНР Си Цзиньпином в мае 2020 г., а в августе рассмотрены и утверждены на заседании Политбюро.

«Двойная циркуляция» предполагает, с одной стороны, снижение барьеров для иностранных инвесторов в Китае, заключение и расширение региональных торгово-экономических договоров, с другой – стимулирование внутреннего спроса. Причем внутренний спрос должен играть доминирующую роль. Одна из важных составляющих «двойной циркуляции» – это формула «производить для Китая в Китае».

Необходимо отметить, что отдельные компоненты «новой» стратегии обсуждались и внедрялись на протяжении последних десяти-двадцати лет. Например, о необходимости расширения внутреннего спроса и о балансировке экспортоориентированной модели экономического развития в Китае начали активно говорить еще в начале 2000-х гг.

Азиатский финансовый кризис 1997-1998 гг. впервые показал вставшему на путь реформ Китаю, что экспортоориентированная модель может давать сбои в случае турбулентности на внешних рынках. Уже в X плане социально-экономического развития КНР на 2001-2005 гг. было заявлено, что рост Китая должен основываться на внутреннем спросе, который станет долгосрочной макроэкономической стратегией Пекина⁶⁹.

На протяжении 20 лет Китай формировал базу для развития внутреннего рынка: были повышены располагаемые доходы населения, нормировано рабочее время, увеличены возможности трудоустройства, был обеспечен более широкий охват населения социальным обеспечением, а также внедрен ряд инициатив, направленных на сглаживание социального неравенства.

Закономерным «финалом» стало заявление Си Цзиньпина в декабре 2020 г. о полной победе над бедностью в стране⁷⁰, что напомнило всему миру о том, что в Китае проживает 1,4 млрд платежеспособных потребителей, и китайский рынок готов абсорбировать огромные объемы как китайских, так и мировых товаров и услуг.

В 2021 г. стимулы экономического роста будут смещены с роста инвестиций и экспорта на сбалансированный рост потребления и инвестиций, а также внутреннего и внешнего спроса.

В целом, с высокой долей вероятности, можно утверждать, что экономика Китая в большей части успешно преодолела последствия коронакризиса. В 2021 г. она сохранит свою устойчивость и средневысокие темпы развития, что не исключает возникновения отдельных проблем, например, в финансовой сфере.

Вместе с тем, в среднесрочной и долгосрочной перспективе неопределенность китайского экономического развития возрастает в связи с накоплением структурных социально-экономических проблем, а также в связи с переходом к новой стратегии развития «двойной циркуляции».

⁶⁹ http://www.gov.cn/gongbao/content/2001/content_60699.htm.

⁷⁰ http://www.xinhuanet.com/politics/2020-12/05/c_1210915712.htm.

Индия

После пандемии коронавируса, выведшей Индию на второе место в мире в «печальном списке» инфицированных этой опасной болезнью стран, оказался серьезно ослабленным (возможно, подорванным) *политэкономический* потенциал этой страны. Внешние проявления данного явления выглядят впечатляюще. «Локдаун» пока снят лишь частично. В столице страны, Дели, метрополитен не функционировал более пяти месяцев. Интеллектуальная жизнь, традиционно выступавшая движущей силой развития страны, утратила привычный динамизм, хотя признаки ее «пробуждения», несомненно, просматриваются. В сложившейся ситуации всякие серьезные прогнозы экономического роста и социального прогресса, даже краткосрочного, явно затруднены. Психологическое состояние и общий жизненный тонус среднего класса далеки от оптимистических. Единственное, на что остается надеяться, это ожидание скорой и полной отмены карантинных ограничений.

Неопределенные перспективы развития общественно-политической ситуации отразились и на характере прогнозов социально-экономического развития Индии на ближайший период. Так, рейтинговое агентство Moody's полагает возможным в 2021 г. *восстановительный* рост экономики Индии в размере 8,6% (в 2020 г. -8,9%; в 2019 г. 4,8%). Показательно, что агентство снизило уровень отрицательных значений развития экономики в 2020 г. с -9,6 % до -8,9 %. Напомним, в апреле-июне 2020 г. «сжатие» экономики Индии вследствие «локдауна», продолжавшегося 69 дней (и пока полностью не отмененного), составило -24 %.

Восстановление экономики Индии, полагает агентство, будет, в конечном счете, зависеть от благоприятного воздействия *трех* факторов: массового применения антиковидной вакцины, эффективного государственного управления в экстремальных условиях пандемии, квалифицированной поддержки правительством пострадавшего от пандемии населения. В Moody's уверены, что пандемия будет иметь следующие долгосрочные последствия: рост влияния идей популизма и экономического национализма, усиление социально-имущественной дифференциации общества, перегруппировку геополитических сил в мире с пока неясными для Индии последствиями, технологическую трансформацию с высокой долей вероятности роста безработицы ввиду экономии на живом труде.

Согласно оценкам МВФ, «сжатие» народного хозяйства Индии в 2020 г. составит, ввиду последствий пандемии коронавируса, 10,3%; тогда как *восстановительный* рост в 2021 г. ожидается в пределах 8,8%.

Свою методику расчета динамики ВВП Индии предлагают авторы India Economic Outlook. По мнению экспертов, более энергичным будет восстановление аграрного сектора хозяйства, тогда как сферы услуг и промышленности будут «оживать» медленнее. С одной стороны, в октябре 2020 г. активизировалась динамика в секторе услуг; с другой стороны, расходы домохозяйств пока пребывают в *угнетенном* состоянии. В ноябре 2020 г. центральное правительство сосредоточило свое внимание на увеличении объемов кредитов, создании рабочих мест и инфраструктурных проектах.

Эксперты полагают, что до марта 2021 г. экономика Индии сохранит инерцию *нисходящего* движения, поскольку эффект «антиковидных» ограничений негативно скажется как на внутренней экономической активности, так и на динамике внешнего спроса на индийскую продукцию. Авторы не согласны с «оптимистическими» прогнозами международных финансовых институтов относительно ближайших перспектив индийской экономики, поскольку начинается новая волна пандемии коронавируса, и Индия прочно удерживает «непечетное» второе место в мире по распространению ковидной инфекции. Тем не менее *восстановительный* рост на 2021 г. прогнозируется авторами в пределах 9,2% в годовом исчислении.

Специалисты МВФ напоминают: «сжатие» экономики Индии под воздействием пандемии коронавируса стало наиболее значительным среди крупных государств, включаемых в категорию т.н. «развивающихся рынков». Специалисты добавляют: властям в центре и в штатах не удалось взять под контроль распространение вируса, что «потянуло» за собой за собой цепь экономических неурядиц и неудач. Положение в Индии коренным образом отличается от ситуации в Китае, где жесткий контроль политических институтов над поведением населения позволил ускорить *восстановительный* рост, оцениваемый специалистами МВФ в 1,9% (против 1%, согласно июньскому прогнозу). За исключением Китая, полагают эксперты данной организации, перспективы большинства «развивающихся рынков» выглядят неопределенными, особенно для Индии и Индонезии, где задача «ликвидации вируса» остается проблемой. Специалисты МВФ обращают внимание на то, что финансовым властям Индии придется действовать с удвоенной энергией, поскольку предыдущий пакет мер на сумму 21 трлн рупий (286 млрд долларов) оказался не в состоянии оперативно восстановить потребительский спрос и экономический рост.

В обзоре, посвященном Индии, рейтинговое агентство Moody's, в частности, отмечает: «Доверие индийских потребителей к национальной экономике остается на низком уровне ввиду значительного количества новых случаев заражения коронавирусной инфекцией, несмотря на то что индийское общества, как утверждают медики, прошло «пик» заболеваний, который пришелся на сентябрь 2020 г. Агентство ссылается на мнение экспертов Centre for Monitoring Indian Economy, отмечающих стабильно высокий уровень безработицы (как в городах, так и в сельской местности), хотя максимальные значения безработицы среди населения приходились на апрель и май 2020 г. и стали следствием общенационального «локдауна». Новый пакет мер центрального правительства объемом около 36 млрд долларов, обнародованный 12 ноября 2020 г., способен, по представлениям аналитиков, хотя бы частично приостановить неблагоприятные тренды в экономике страны.

Предполагается, что стимулирующую для народного хозяйства роль может сыграть «чрезвычайный кредит» (“emergency credit”), который должен своим влиянием охватить сектора экономики, в наибольшей степени пострадавшие от пандемии коронавируса. По оценкам специалистов агентства, кредиты могут увеличить государственный долг страны до 89,3% ВВП (2019 г. – 72,2%). Снижение доли госдолга в ВВП до 87,5% предполагается в 2021 г. Далее, в 2021 г. бюджетный дефицит может составить 12% ВВП Индии. В *среднесрочной* перспективе этот показатель может снизиться до 7% ВВП. Авторы обзора напоминают: в 2019-20 ф.г. бюджетный дефицит не превышал 6,5% ВВП Индии.

Целесообразно отметить: среди специалистов отсутствуют ясность и единодушие в оценке масштабов *восстановительного* роста индийской экономики даже на 2020-21 финансовый год. Так, аналитики рейтингового агентства Bernstein утверждают, что в 2021 г. экономический спад в Индии не прекратится и что «сжатие» экономики может составить около 7%. Напротив, их оппоненты из Азиатского банка развития прогнозируют для Индии *восстановительный* рост в пределах 4%.

Внутренне противоречивым выглядит прогноз социально- экономического развития Индии на 2021 г. от Morgan Stanley. С одной стороны, аналитики данного агентства предсказывают возвращение индийской экономики к «докарантинным» значениям уже в конце четвертого квартала 2020 г. С другой стороны, успехи оживления народного хозяйства ставятся в прямую зависимость от «подавления» коронавирусной инфекции и увеличения доступности для массовых слоев населения антиковидной вакцины. Важное место в прогнозах агентства отводится фактору *внешних рисков*: возможному замедлению развития мировой экономики, географическому изменению направления инвестиционных потоков, росту цен на товары и услуги.

Оценивая перспективы устойчивого развития Индии на ближайшие годы, специалисты предупреждают власти страны: достигнутые в борьбе с бедностью успехи могут быть купированы потерями от ограничения территориальной мобильности населения, особенно для численно значительной в Индии категории *внутренних мигрантов*. Со своей стороны аналитики Deloitte обращают внимание на недопустимость игнорирования значимости группы *политических* факторов для посткарантинного выздоровления экономики. Среди таковых выделяются: систематическое и «правдивое» информирование властью населения о текущем состоянии коронавирусной инфекции в данном штате и о предпринимаемых против ее распространения мерах; тесное и доверительное взаимодействие между властями штатов и местными бизнес-сообществами с целью защиты пространства деловой активности от инфекции и ее последствий и предупреждения ее новых возможных вспышек; *адресная* финансовая поддержка властями штатов бизнеса, в первую очередь мелкого и среднего.

В последнее время все больше экономистов склоняются к предположению, что оживление индийского народного хозяйства после «ковидной рецессии», хотя и умеренное и постепенное, должно материализоваться в начале 2021 г. и будет напрямую зависеть от оперативного распространения антивирусной вакцины (вакцин). Именно так считают 2/3 опрошенных изданием Business Today предпринимателей. Бизнесмены (опрос проводился 18-25 ноября 2020 г.) полагают, что *восстановительный* рост начнется в первом квартале 2021 г. Представители деловых кругов также считают, что возвращение экономических показателей к «доковидным» значениям возможно не ранее конца 2022-начала 2023 гг. Устойчивому восстановлению индийской экономики, по их мнению, угрожают несколько факторов, главный среди которых – неспособность федеральной власти и правительств штатов оперативно обеспечить доступ к вакцине каждому члену индийского общества, численность которого уже превысила 1,3 млрд человек. Еще одна угроза таится в новых вспышках пандемии в различных штатах из-за неравномерности уровней развития системы здравоохранения в стране.

Сопоставление различных точек зрения на перспективы развития индийской экономики в 2021 г. показывает: перезапуск народного хозяйства страны, в конечном счете, зависит от оперативной и эффективной нейтрализации коронавирусной инфекции.

7. АНАЛИЗ ДОСТОВЕРНОСТИ ПРОГНОЗА НА 2019 ГОД

Анализ достоверности прогноза МВФ и ИМЭМО на 2019 год показывает, что на этот раз точность обоих прогнозов примерно одинакова.

Таблица 22. Сопоставление прогнозов темпов прироста ВВП с фактическими данными на 2019 г.

	оценка МВФ	оценка ИМЭМО	фактические данные
Мир	3,7	3,8	2,8
Развитые страны	2,1	2,3	1,7
США	2,5	3,0	2,2
Япония	0,9	1,0	0,7
Зона евро	1,9	1,9	1,3
ЕС	2,0	1,9	1,7
Германия	1,9	1,8	0,6
Франция	1,6	1,6	1,5
Италия	1,0	1,2	0,3
Великобритания	1,5	1,0	1,5
Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой	4,7	5,0	3,7
Китай	6,2	6,2	6,1
Индия	7,4	7,6	4,2
Бразилия	2,4	2,5	1,1
Россия	1,8	1,8	1,3

Отклонения прогнозных оценок от фактических данных хорошо видны на гистограммах, на которых эти отклонения в ту или другую сторону указаны на оси абсцисс, а доля оценок в процентах, попавших в соответствующий интервал – на оси ординат (диаграммы 1, 2).

Диаграмма 2. Интервалы ошибок прогноза МВФ на 2019 г., %

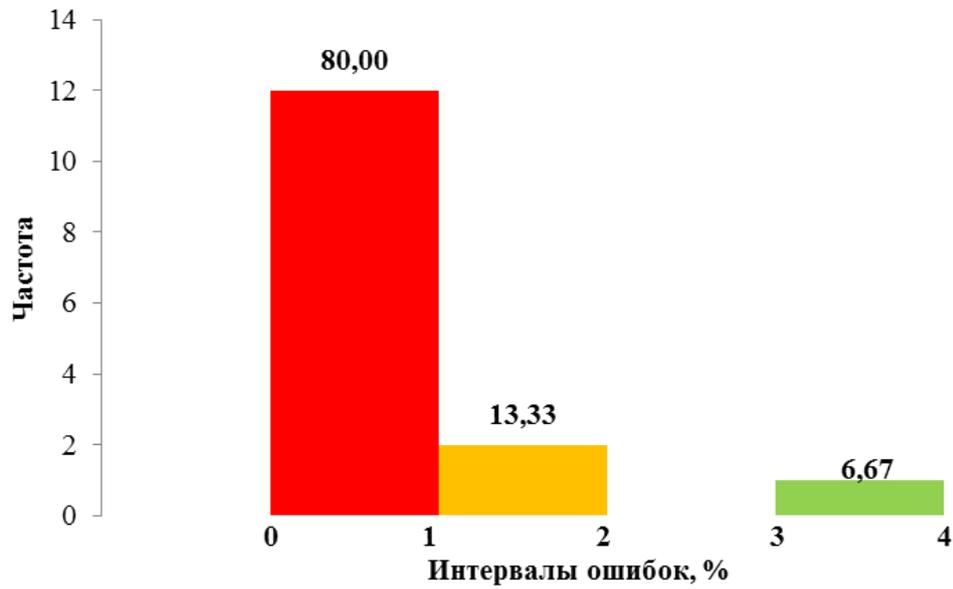
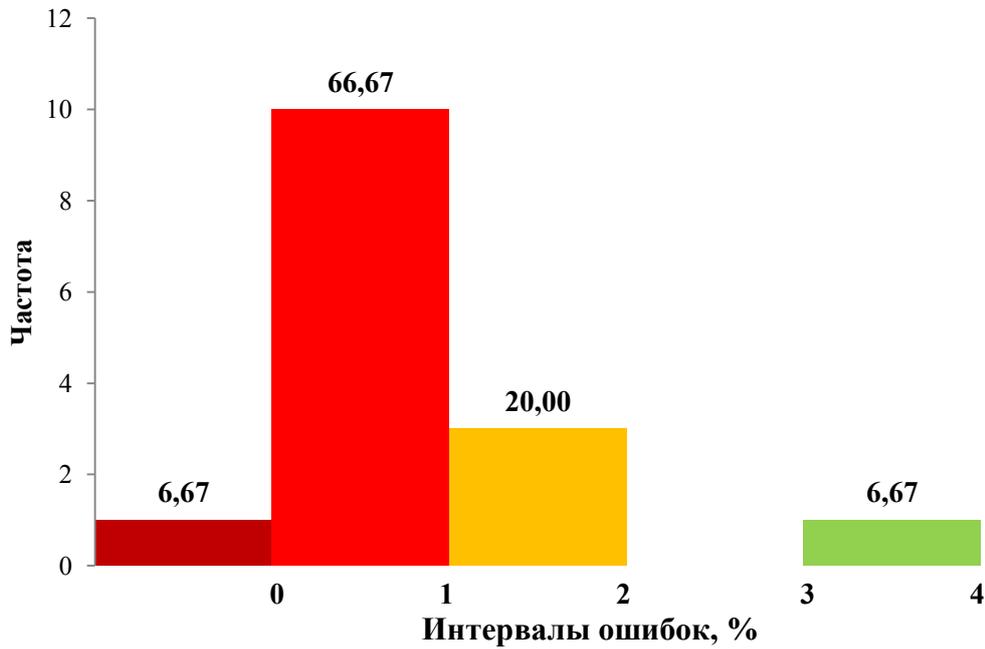

Диаграмма 3. Интервалы ошибок прогноза ИМЭМО на 2019 г., %

Анализ показывает, что многие оценки и ИМЭМО и МВФ оказались завышенными по сравнению с фактическими данными. Например, по прогнозу МВФ, мировая экономика должна была возрасти на 3,7%, а по прогнозу ИМЭМО – на 3,8%, фактически она возросла всего на 2,8%. ВВП развитых стран должен был увеличиться, по прогнозу МВФ, на 2,1% и на 2,3%, по прогнозу ИМЭМО, а фактически он возрос всего на 1,7%. То же самое можно сказать о прогнозе развития США, Японии, ЕС и зоны евро.

Точным оказался прогноз экономики Китая: в обоих прогнозах рост оценивался в 6,2%, фактически он оказался равен 6,1%. Прогноз развития экономики Индии оказался завышенным: по прогнозу МВФ, экономика Индии должна была возрасти на 7,4%, по прогнозу ИМЭМО – 7,6%, реальный рост составил 4,2%.

Прогнозы развития экономики России совпали – 1,8%, фактически экономика возросла на 1,3%. Прогноз экономики Бразилии, согласно МВФ, – 2,4%; по прогнозу ИМЭМО – 2,5%, а на самом деле экономика выросла всего на 1,1%.

В обоих прогнозах очень близки минимальные и максимальные величины ошибок. Максимальное отклонение прогноза ИМЭМО – 3,4 п.п., МВФ – 3,2 п.п. Минимальное отклонение прогноза ИМЭМО – -0,5 п.п., прогноза МВФ – 0.

На диаграммах видно, что в интервал ошибок ИМЭМО 0+2% попало 13 оценок, а в такой же интервал (0+2%) МВФ – 14 оценок. Статистический анализ показывает, что стандартная ошибка прогноза ИМЭМО составила 1,16, а прогноза МВФ – 1,06. Средний квадрат ошибки прогноза ИМЭМО оказался равен 1,36, а прогноза МВФ 1,13.

Средняя ошибка ИМЭМО – 0,86, а МВФ – 0,73.

ЧАСТЬ II

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

РОССИЯ

Каждый ежегодный прогноз требует сверки с предыдущим. Прогноз ИМЭМО на 2020 год, хотя и указывал на вероятность появления «черных лебедей», но не предполагал кризиса таких глубины и масштаба, какой вызвала пандемия COVID19. Однако мы не ошиблись в главном – в тезисе о формировании *негативной определенности* на среднесрочном горизонте 2024-2025 гг. Отмечалось, что ее специфика – в *глобальной и объективно негативной сути, «в экзистенциальном характере новых вызовов и угроз, требующих консолидированных долгосрочных ответственных и, в определенном смысле, альтруистских решений, ответственного самоограничения населения, бизнеса, правительств – от местного самоуправления до глобальных ТНК и руководства ведущих мировых держав, к чему мировое сообщество очевидно не готово»*. Там же мы писали, что «на фоне и при сохранении традиционных геополитических противоречий и конфликтов *на первый план международной повестки выходит комплекс проблем, связанных с изменениями климата, технологического уклада и социальной нестабильностью*».

Коронакризис подтвердил наш прогноз. Он вызвал, по выражению Дж. Сакса, бывшего главного раввина Великобритании, философа и члена Палаты лордов Великобритании, «библейское чувство шока», осознание хрупкости и уязвимости человеческого существования. Кризис разделил время на «до К» и «после К».

На фоне кризиса, который многие сравнивают с Великой депрессией, «идеального шторма», охватившего все без исключения регионы мира и все сферы человеческой жизнедеятельности, эксперты пытаются найти решения, обращаясь к спорным теориям, например, «биополитике» М. Фуко. Появилось множество сценариев будущего, прогнозов и программ по преодолению кризиса – от национальных фискальных и отраслевых до глобальных. Мюнхенская конференция по безопасности (19-21 февраля 2021 г.) предложила к обсуждению концепцию «полипандемии». Фонд Карнеги ставит вопрос о «глобальном обновлении» (Global renewal). Уже в июне 2020 г. президент Давосского форума К. Шваб выступил с «инициативой Большой перезагрузки» (Great Reset). Повторяя превратившийся в 2020 г. в мантру тезис о том, что «кризис содержит в себе огромные возможности», инициатива Всемирного экономического форума вызвала в сетях всплеск спекуляций о новом мировом заговоре. Критики отмечали ее сходство с принятой в 2015 г. Программой ООН «Преобразование нашего мира. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш в середине декабря 2020 г. предупредил, что в 2021 г. мир ожидает сильнейший за 80 лет экономический спад. Тогда же МВФ активно рассылал свои оценки, анализ и рекомендации по строительству «Пост-пандемического Смелого Нового Мира» (The Post-Pandemic Brave New World).

К началу 2021 г. эти усилия мировой элиты не дали ощутимых результатов, но оживили поиски «виноватых», усилили недоверие к властям. Что отчасти усугубило проблемы с

соблюдением эпидемиологических мер в последовавшей осенью 2020 г. второй волной пандемии.

Тем временем, *никто не может достоверно прогнозировать ключевой для 2021 г. параметр – станет ли он пост-ковидным, или борьба с пандемией останется главным приоритетом. Это и есть главная неопределенность ближайшего будущего.* Удастся ли и когда обуздать пандемию? Начнется ли отсчет времени «после К»? Появятся ли «чемпионы»? Все это будет детерминировать не только экономическое развитие, но и динамику внутривластных и международных процессов и их балансы. В полной мере все эти вопросы будут также определять внутривластную, экономическую и внешнеполитическую повестку России на 2021 год.

Изменился ли мир?

Действительно, бывают периоды, события, меняющие мир. В 21 столетии пандемия – второе, после теракта 9.11.2001 (которому в 2021 г. исполняется двадцать лет, что вызывает у некоторых экспертов опасения попыток реванша со стороны террористов) событие планетарного масштаба.

Уже 3 апреля 2020 г. в «Уолл-стрит джорнэл» Генри Киссинджер опубликовал статью «Пандемия коронавируса изменит мировой порядок навсегда»⁷¹. Однако эмпирика 2020 г. свидетельствует, скорее, не об изменении мирового порядка, но пока о качественном ускорении и синергетическом взаимоусилении наметившихся в 2010-х годах процессов, что подчеркивалось в прогнозе ИМЭМО-2020. Большинство экспертов отмечают в качестве набравших к 2021 году значительное ускорение, причем именно под влиянием коронакризиса, трех мировых явлений/процессов:

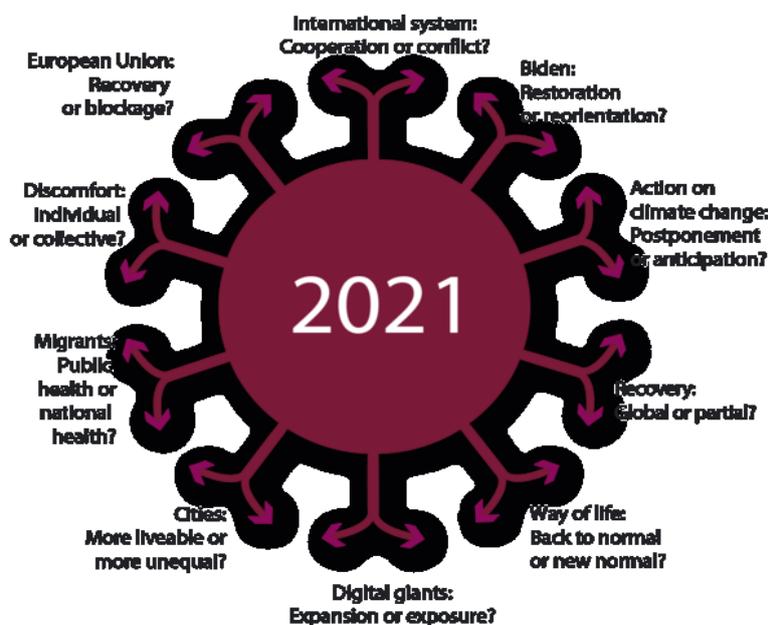
- деглобализации;
- ре-национализации, роста национализма и роли национальных государств, вынесших на себе основную тяжесть борьбы с пандемией;
- усиления позиций Китая.

К процессам того же порядка относятся геополитизация и геоэкономизация международных отношений. Последняя особенно отчетливо прослеживается в подходах к России Германии. В их отношениях, окончательно перешедших на более низкий уровень на фоне инцидента с А. Навальным, разделились два параллельных курса – один, связанный с политикой, другой – с «Северным потоком-2», который Германия продолжает отстаивать, несмотря на давление и санкции США. Как проявление геоэкономизации можно рассматривать и появившуюся к началу 2021 г. политику отдельных государств, включая Россию, по взаимодействию/конкуренции и продвижению вакцин против COVID19.

Новыми, прогнозируемыми, но ожидавшимися значительно позднее, оказались сдвиги, которые принесла с собой в жизнь планеты *принудительная* ускоренная цифровизация, изменившая социальную и экономическую ткань человеческого бытия.

⁷¹ <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005>

Однако при этом, все эти явления и процессы, которые можно условно обозначить как «новую нормальность», ускоренно развиваются в мировом контексте, где вовсе не теряют своих позиций факторы традиционного, часто фундаменталистского характера, то есть в мире «старой нормальности» или реальности. «Новый мировой порядок или нет, но некоторые вещи просто не меняются» (Иан Бреммер, президент и основатель Eurasia Group). Часть экспертов (CIDOB, Испания) ставят вопрос по-иному. Является ли возврат к (старой «до К») нормальности возможным или даже желательным? И называют 2021 «годом выбора» (2021: A Year of Choices)

https://www.cidob.org/en/publications/publication_series/notes_internacionales/243/the_world_in_2021_ten_issues_that_will_shape_the_international_agenda

Возникающая *дихотомия*, длительность которой прогнозировать сложно, в ближайшей перспективе, т.е. в 2021 г., но, если пандемия затянется, то и в более отдаленном горизонте, *будет составлять суть и одновременно вызов и угрозу мировой политике.*

Наиболее очевидным примером такой двойственной реальности в 2021 г., с высокой вероятностью, будет регион Ближнего Востока и Северной Африки. Наметившиеся к концу 2020 г. неординарные, ранее немислимые, обусловленные соображениями национальной безопасности и регионального баланса прагматические подвижки (в отношениях Израиля с арабскими государствами, даже с Саудовской Аравии), то есть «новая нормальность» с высокой вероятностью может столкнуться с препятствиями в виде традиционных этно-конфессиональных конфликтов и противоречий. Новая, порожденная борьбой с пандемией нормальность в Европейском Союзе, предпринимающем, хоть и запаздывая, беспрецедентные консолидированные действия по спасению стран-членов и помощи им в преодолении кризиса, сталкивается с партикулярными интересами властей Польши и Венгрии. Что грозит единству европейской интеграции и ее базовым ценностям и принципам. Значительно сложнее конфигурации амбиций и интересов, соответствующих

вызовам будущего мирового порядка, и существующих базовых интересов разного порядка, как национальных, так и субрегиональных в Тихоокеанской Азии.

И все это – не упоминая столкновения между новыми вызовами глобального порядка и политикой экстремального национального эгоизма Соединенных Штатов при Д. Трампе. И хотя пик болезненного раздвоения, как надеются мировые элиты и большинство аналитиков, пройден, и при администрации Дж. Байдена дихотомия интересов и видений США и их ключевых партнеров (ЕС, Япония) почти исчезнет, внутривнутриполитические дисбалансы в самой Америке, причем особенно в 2021 г., не дают безусловных оснований прогнозировать именно такой позитивный сценарий.

Также темой года-К, переходящей в 2021 г., стало столкновение, коснувшаяся каждого дихотомия обеспечения безопасности и прав человека. Возникавший в период обострения пандемии дисбаланс в сторону обеспечения безопасности (строгих карантинных норм) и контроля вызывал общественный протест, беспорядки, обвинения властей и опасения, что режим «большого брата» будет сохраняться и после кризиса. В той же парадигме пандемия, а точнее борьба с ней, актуализировала возникшую во второй половине 2010-х годов дискуссию о кризисе либеральной демократии. Потребуется исследование и глубокий объективный анализ, но к 2021 году складывается картина, свидетельствующая о большей эффективности управления в экстремальных условиях авторитарных режимов – прежде всего в Китае, в Сингапуре. Сам посыл в условиях транзита мироустройства на всех уровнях, от национального до глобального, содержит в себе серьезный вызов мировому демократическому сообществу. Так, 2020 год продемонстрировал сложности и высокие риски дестабилизации ситуации, возникающие при осуществлении в кризисной ситуации базовых демократических процедур – выборов. От Украины до Соединенных Штатов, не исключая и Россию.

Можно предположить, что протестные настроения в мире, сопровождающиеся ростом экстремизма, национализма, расизма, антисемитизма, что отмечалось нами в прогнозах, начиная со второй половины 2010-х гг., и проявилось в волнениях и инцидентах «года-К», в 2021 г. усилятся. Что обусловлено резким углублением неравенства, как социального внутри стран, так и между развитыми и развивающимися экономиками, ростом безработицы и числа прекариатов, усугубленными пандемией и мерами по борьбе с ней настроениями фрустрации, депрессии, страха и, в частности, психическими социально деструктивными осложнениями самой малоизученной болезни.

С высокой вероятностью, по мере преодоления коронакризиса или уже в ходе борьбы с ним на первый план мировой повестки дня вновь выйдут известные острые, но отложенные в связи с пандемией, проблемы:

- климатическая, экологическая и продовольственная, усиленные новыми неотложными задачами в области здравоохранения;
- урегулирование конфликтов, контроль над вооружениями, соглашение по ядерной программе Ирана;

- коррекция глобального управления в ключевых сферах взаимодействия – торгово-экономической, безопасности.

Наконец, ключевое место в повестке дня 2021 года будут занимать поиски *modus vivendi* в отношениях США-Китай, что будет непосредственно влиять на решение всех перечисленных выше проблем.

В 2021 г. сохранит актуальность тезис Прогноза-2020 о том, что на глобальном уровне у России, как страны с положительным экологическим рейтингом, есть серьезный потенциал выступить в качестве *одного из лидеров решения климатических проблем* и предпринять усилия к консолидации ответственных сил на экологической платформе. Помимо Франции, Германии, Китая активно заниматься этой повесткой при новой администрации, вероятно, начнут Соединенные Штаты.

В 2021 г. получают некоторое развитие сдвиги, причем долгосрочного характера, в энергетической сфере, особенно остро проявившиеся в период кризиса. Что имеет критически важное значение для российской экономики, внешней и внешнеэкономической политики. Однако фаза роста на выходе мировой экономики из кризиса дает России некоторый временной лаг.

Можно также предположить, что в 2021 г. на фоне кризиса системы контроля над вооружениями, снижения уровня стратегической стабильности и роста конфликтности большую роль в международных отношениях, прежде всего на локальном, региональном, но также глобальном уровне, будет играть *фактор силы*. Весьма вероятно, особенно учитывая более кооперативистский подход новой администрации США, некоторое укрепление роли НАТО, что может стать серьезным дополнительным раздражителем в отношениях России с Западом. В опубликованном в конце 2020 г. докладе «НАТО 2030: единство в новой эре», являющемся частью инициативы Генсека альянса Й. Столтенберга «НАТО 2030», среди угроз и приоритетов НАТО в первую очередь упоминается агрессивная политика России. Альянсу рекомендуется продолжать придерживаться формулы «предметный диалог, сильное сдерживание».

На этом фоне глобальном фоне в 2021 г. с высокой вероятностью можно предполагать обострение региональных и субрегиональных конфликтов, их частичный или эпизодический переход из замороженной стадии в горячую – на Ближнем Востоке, в Закавказье, на Юго-Востоке Украины.

Таков будет международный контекст российской внешней политики в 2021 году.

Региональные вызовы, угрозы и возможности

Оценивая отношения России с Западом, приходится констатировать их дальнейшее ухудшение, что касается даже кооперативно настроенных к Москве Берлина и Парижа. Вероятно, снизится значение важного в условиях напряженности личностного фактора в контактах на самом высоком уровне. Его характер и так должен был измениться в российско-германских отношениях из-за ухода со своего поста в 2021 г. А. Меркель. Трудно

строить иллюзии и в отношении возможных контактов с Дж. Байденом. Известно, что в 2001 г. после первой встречи в Любляне Дж. Буш-старший сказал, что «заглянул в глаза» российскому президенту, «ощутил его душу» и увидел в нем «прямого и достойного доверия человека». В.В. Путин назвал коллегу «приятным собеседником» и «нормальным абсолютно человеком, реально воспринимающим вещи». По уверениям 76-летнего Джо Байдена, он, глядя в лицо сказал Путину, что смотрит ему в глаза, но не видит там души. На что Путин ответил: «мы понимаем друг друга».

Высока вероятность, что в 2021 г., в связи с приходом новой администрации в США и качественным улучшением отношений в «западном мире», появятся контуры, а не исключено, и стратегии общих подходов. Однако нельзя не учитывать и осадок, «послевкусие», настороженность, которые оставили годы правления Д. Трампа в мировой политике в целом и в западных столицах.

Они явно прослеживаются и в выступлениях лидеров Евросоюза уже после победы Дж. Байдена. Откровенно приветствуя «появление друга в Белом доме», они подчеркивают, что ЕС, преодолевая политические трудности последних лет и, безусловно, под влиянием пандемии, борьба с которой привнесла *большую* сплоченность в его ряды, взял курс на укрепление своего статуса как регионального и глобального игрока. В сотрудничестве с новой администрацией в Вашингтоне Евросоюз будет пытаться позиционировать себя как равноправный партнер и отстаивать собственные позиции и интересы, в том числе интересы европейского бизнеса. Это касается и ядерной программы Ирана и санкций против него, и проблем ближневосточного урегулирования, и санкций против «СП-2», по которому в ЕС, впрочем, также нет единства.

Стратегическим, ключевым элементом глобального взаимодействия США и ЕС уже в 2021 г. могло бы стать достижение общих позиций по Китаю. Что оказало бы значимое воздействие на развитие глобальных процессов в среднесрочной перспективе, как в сфере политической, так и в торгово-экономической, безопасности, а также по вопросам инноваций и технологий, где между США и Китаем идет жесткое соперничество за мировое лидерство.

В этой связи показательно, что, стремясь к заявленной им цели «стратегической автономии», в телекоммуникационной сфере Евросоюз к концу 2020 года принял решение о запуске проекта Неха-X. Возглавит группу корпораций и университетов, которые будут разрабатывать технологии нового поколения мобильной связи 6G финская телекоммуникационная компания Nokia. В группу войдут телекоммуникационная компания Ericsson, технологические корпорации Intel и Siemens, мобильные операторы Orange и Telefonica, а также некоторые другие компании. Среди сотрудничающих с ним университетов — Дрезденский технический университет, Университет Оулу и Туринский политехнический университет. При этом проект будет финансироваться властями ЕС.

В целом, можно предположить, что в международных отношениях в 2021 г. с высокой вероятностью начнут/продолжат формироваться взаимосвязи, более *нюансированные* и адаптивные к новым вызовам и угрозам и нацеленные на установление более устойчивых и одновременно гибких балансов, способных обеспечить стабильность в переходный период, в том числе в условиях кризисов.

Такая нюансировка на общем негативном фоне отношений России с Западом содержит некий потенциал взаимодействия. Это касается, в первую очередь вопросов глобальной повестки дня – контроля над вооружениями, стратегической стабильности, климата и экологии, продовольственной безопасности, ядерной программы Ирана, по которой у России больше взаимопонимания с ЕС, чем с США. В этот же ряд становятся проблемы здравоохранения, предупреждения и борьбы с эпидемиями и подобные.

Но ряд опций возникает также на региональном и локальном уровнях, где инициатива может исходить снизу, от малого и среднего бизнеса, культурных, образовательных, научных, медицинских учреждений. Что требует кропотливой работы, но является эффективным инструментом поддержания диалога в общеполитических условиях «около нуля».

Инструментом диалога останется и взаимодействие на «втором треке». Основания для такого прогноза дают опубликованные «программные статьи» и заявления известных западных экспертов и политиков, в частности подписанная ведущими американскими политологами и бывшими официальными лицами высокого ранга статья «It's Time to Rethink Our Russia Policy». Ее основной смысл – реалистический призыв к Белому дому вести дела с Россией «такой, какая она есть».

Вероятно, самой сложной проблемой российской внешнеполитической стратегии в краткосрочной перспективе будет выстраивание близких, партнерских, но сбалансированных отношений со стремительно укрепляющим свои позиции в мире Китаем. Учитывая растущую напряженность отношений Пекина с Западом, равно как и плохое взаимопонимание между Западом и Россией, возможности поддержания баланса для Москвы открыты в основном за счет расширения партнерских связей с государствами и их различными объединениями в Тихоокеанской Азии.

Вторым таким же сложным партнером России в 2021 г. будет Турция, открыто заявившая в 2020 г. о своих основанных на нео-пантюркизме претензиях на лидерство в постсоветском пространстве. Учитывая российско-турецкие разногласия по Сирии, теперь уже по Закавказью, а также борьбу Турции за лидирующие позиции в регионе Ближнего Востока, где баланс сил крайне подвижен, Москве придется прилагать огромные усилия, чтобы поддержать свой статус медиатора, посредника в урегулировании конфликтов, сохраняющего рабочие отношения со всеми государствами региона. Что дает России не только возможность сохранять и расширять присутствие в регионе, но также равноправно участвовать в переговорных процессах более высокого уровня.

Наиболее трудные проблемы в 2021 г. Москве придется решать на постсоветском пространстве, где в 2020 г. ситуация существенно ухудшилась, число конфликтов возросло.

Возникшие в конце 2019 г. слабые проблески надежды на начало урегулирования конфликта на Донбассе погасли. Крайне тяжелая социально-экономическая и финансовая ситуация, усугубленная пандемией, возобновление открытой борьбы между олигархическими кланами привели к относительному ослаблению позиций В. Зеленского и управленческому пату на Украине. Трудно предвидеть значительные подвижки к урегулированию и в 2021 г. Нельзя исключать, что на общем негативном фоне проблемой может стать и ухудшение

экологической ситуации в Донбассе, последствия чего скажутся не только на Украине, но и на России.

Вероятным после прошедших президентских выборов является обострение ситуации в Молдове, что также может касаться и замороженного конфликта в Приднестровье, откуда вновь избранный президент требует вывести российских миротворцев. Непродуманные популистские заявления в стране с крайне слабой экономикой и расколотой политически могут быть использованы националистическими антироссийскими силами как в ближайших государствах, прежде всего на Украине и в Румынии, так и политиками на Западе.

В Белоруссии, где протестное движение против результатов президентских выборов, прошедших в августе 2020 г., не идет на спад и встречает жесткую силовую реакцию власти, в 2021 г. развитие событий может пойти по нескольким сценариям, и ставит властные структуры России перед непростым выбором. Открытое гражданское противостояние представляется маловероятным, равно как и добровольная передача власти со стороны А. Лукашенко. Однако затягивание противостояния на фоне тяжелой социально-экономической ситуации, усугубленной пандемией, и отсутствие активных шагов и даже риторики со стороны России сказывается на общественных настроениях белорусов. Традиционно пророссийский настрой масс и лояльность к России значительной части элиты, отдающей себе отчет в финансово-экономической зависимости Белоруссии, не получая подпитки со стороны Москвы, по данным социологов, незначительно, но слабеют. Сохранение нынешнего положения на протяжении значительной части 2021 г. может лишь усугубить наметившиеся тенденции, особенно в молодежной среде. Одновременно в 2021 г. может активизироваться и реакция на события в Белоруссии Запада, до этого сфокусированного на борьбе с пандемией, а также ожидавшего исхода американских выборов. Нельзя исключать, что по мере нормализации эпидемиологической обстановки и активного восстановления трансатлантических связей при отсутствии рабочего диалога с Россией, в 2021 г. Запад, но прежде всего страны-соседи Белоруссии, займет более жесткую позицию в отношении Лукашенко, который, со своей стороны, будет, как всегда в таких случаях, традиционно апеллировать к Москве. Что будет дополнительным триггером к обострению напряженности в отношениях России и Запада.

Несмотря на достигнутое 10 ноября под эгидой России соглашение между Арменией и Азербайджаном и ввод в регион российских миротворцев, боестолкновения в Нагорном Карабахе продолжали вспыхивать и сопровождалась потерями. Нестабильность и возникший дисбаланс в регионе, в том числе и военный, особенно учитывая поддержку Баку со стороны Анкары, в 2021 г. с высокой вероятностью сохранятся. Это обусловлено, во-первых, возникшей в Баку на фоне достигнутого продвижения вглубь НК национальной и националистической эйфорией и намерениями, причем не только в риторике, продолжить это движение. Во-вторых, эти настроения совпадают с позицией открыто озвучивающей свои цели в регионе Анкары. В-третьих, внутривнутриполитическая нестабильность в Армении также с высокой вероятностью будет искать выход в попытках если не восстановить статус-кво ante, то, по крайней мере, вернуть часть территории. Присутствие российских миротворцев, с одной стороны, будет сдерживать стороны от активных действий. Но, с другой стороны, инциденты с их участием могут усиливать напряженность в отношениях между Россией и государствами-сторонами конфликта. Наконец, по состоянию на начало 2021 г. не видно

предпосылок к более активному взаимодействию по урегулированию конфликта со стороны стран-участников Минской группы, особенно учитывая обострение их отношений не только с Россией, но и Турцией. Более же заметное участие в урегулировании Соединенных Штатов может создать дополнительные трения в отношениях Вашингтона и Москвы. Впрочем, маловероятен, но не исключен сценарий, при котором урегулирование конфликта оживит диалог между Россией и Западом. В этом случае, однако, возникнет ось напряжения между участниками Минской группы и Турцией. Сложное переплетение в Закавказье интересов ближневосточных государств – от Ирана до Израиля – делает задачу урегулирования конфликта и укрепления стабильности в регионе еще более сложной для России.

Эмпирика 2020 г. не дает оснований для оптимистических прогнозов и по взаимодействию в форматах постсоветских институтов и организаций – ЕАЭС и особенно, по опыту конфликта в Закавказье, ОДКБ. Отсутствие, с одной стороны, единой, объединяющей интересы государств-членов повестки, а с другой стороны, недостаточная социально-экономическая и финансово-инвестиционная привлекательность России как объединяющего центра и лидера, особенно на фоне активности Китая, в первую очередь в Центральной Азии, ведут к постепенному «расползанию» ткани постсоветской общности. Не произошло позитивных подвижек и прорывов во взаимодействии постсоветских государств и в период борьбы с COVID19.

Для России, впрочем, как и для всех государств, 2021 год в мировой политике будет безусловно сложным. Основное внимание, прежде всего на национальном уровне, будет сосредоточено на борьбе с пандемией и ее социально-экономическими последствиями. Коронакризис принудительно ускорил переход мировой экономики, а с ней и политики, к новому укладу. Постковидной повестке будет подчинена политическая, финансово-инвестиционная, социально-экономическая логика «новой нормальности». И уже в контексте опыта 2020 г. мир вернется к решению неотложных, в прямом смысле горящих, проблем изменения климата, экологии, безопасности. Посткризисный 2021 г. будет первым на новом этапе мирового транзита. Длительность этого этапа во многом будет зависеть от обстоятельств неизбежного столкновения новой постковидной нормальности с логикой и «нормальностью «до К»». Перед Россией с новой остротой возникает вопрос об определении своих интересов, возможностей, ориентиров. Правильный выбор стратегии определит место России в мировой политике на десятилетия.

КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

Решения, которые предстоит принять в России и США в 2021 г., во многом определяют,

- будет ли приостановлен процесс распада режимов контроля над вооружениями (промежуточный сценарий),
- смогут ли Россия, США и страны НАТО договориться о новых соглашениях по ограничению и сокращению вооружений (оптимистический сценарий), или
- дальнейшая эрозия контроля над вооружениями приведет к его окончательному развалу (пессимистический сценарий) и гонке вооружений (наиболее пессимистический сценарий).

Результаты президентских выборов в США повысили вероятность развития событий по промежуточному сценарию в краткосрочной перспективе, однако в дальнейшем возрождение контроля над вооружениями будут зависеть от многих обстоятельств, в том числе от общего состояния российско-американских отношений. Хотя в 2021 г. развитие ситуации по пессимистическому сценарию представляется наименее вероятным, в отсутствие прогресса в согласовании новых договоренностей – прежде всего между Россией и США по ядерному оружию – в среднесрочной и особенно долгосрочной (5 лет) перспективе будет возрастать вероятность отката к пессимистическому или даже наиболее пессимистическому сценарию.

1. Новому президенту США сразу после вступления в должность предстоит принять решение о судьбе российско-американского Договора о мерах по ограничению и сокращению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ), действие которого истекает 5 февраля 2021 г. *Избрание Дж. Байдена президентом США позволяет рассчитывать на продление ДСНВ до 2026 г. без предварительных условий.*

2. *Высока также вероятность того, что уже в краткосрочной перспективе могут начаться российско-американские консультации по новому договору, который должен прийти на смену ДСНВ.* Однако реальные переговоры смогут начаться не раньше, чем новая администрация США определится с основными параметрами своей ядерной политики и с позицией в отношении контроля над ядерным оружием. Скорее всего для окончательного согласования параметров будущего договора потребуется личная встреча президентов двух стран. Только после этого переговоры смогут приобрести целенаправленный характер.

Хотя возобновление российско-американских консультаций, а затем и переговоров по вопросам стратегической стабильности весьма вероятно, они не будут простыми. Содержательный подход новой администрации США к будущему контролю над ядерными вооружениями вряд ли будет принципиально отличаться от того, который был предложен прежней администрацией: охват всех видов, а не только стратегического ядерного оружия и согласовании адекватных, более сложных мер проверки. На этот счет в США сформировался широкий экспертно-политический консенсус⁷².

⁷² См.: NATO Nuclear Policy in a Post-INF World. Speech by NATO Deputy Secretary General Rose Gottemoeller at the University of Oslo, 9 September 2019 // NATO. 2019. 10 September. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_168602.htm.

В последнее десятилетие и демократическая, и республиканская администрации США последовательно исходили из нецелесообразности договорного ограничения систем противоракетной обороны, на котором настаивает Россия. Однако в случае согласия России на охват новым договором всех видов ядерного оружия нельзя исключать вариант, при котором будут согласованы и определенные взаимные ограничения на развертывание систем противоракетной обороны.

Достижение взаимопонимания относительно новых подходов к ограничению и сокращению ядерных вооружений потребует времени. С учетом вероятного усложнения предмета, даже после согласования общих параметров будущего договора переговоры о его конкретных положениях займут больше года, поэтому вряд ли следует рассчитывать на достижение такой договоренности уже в 2021 году.

Если новый договор по ограничению и сокращению ядерных вооружений не будет готов до 2024 г., шансы на его подписание в период избирательной кампании в США и в течение года после президентских выборов (до истечения срока действия ДСНВ в феврале 2026 г.) будут стремительно уменьшаться независимо от исхода выборов. Возможность же договориться о продолжении соблюдения сторонами их обязательств по ДСНВ после истечения срока его действия до подписания и ратификации нового договора будет зависеть от результатов президентских выборов 2024 г. в США и России. При этом нельзя исключать возможность развития ситуации по наиболее пессимистическому сценарию, предполагающему втягивание России в изматывающую гонку вооружений.

Шансы на достижение новой договоренности с США до 2024 г. возрастут, если в России еще до начала переговоров будет разработана отвечающая ее интересам концепция комплексного соглашения, которое охватывало бы все виды ядерного оружия, а не только стратегические вооружения.

3. Новая администрация США, возможно, не будет ставить подготовку нового договора в зависимость от участия в нем Китая. Однако *тема подключения КНР к договоренностям о контроле над ядерными вооружениями скорее всего не уйдет с повестки дня.* В этой связи возможно обсуждение трех гипотетических вариантов.

Первый: предоставление Китаю таких же предельных уровней по ядерным вооружениям, которые будут установлены для России и США. Такой вариант благословил бы Китай на продолжение наращивания его нынешнего ядерного арсенала, что вряд ли отвечает интересам России и США.

Второй: многосторонний договор устанавливал бы для Китая количественные ограничения на более низком уровне, чем для России и США, фактически замораживая его нынешнее отставание. Такое решение отвечало бы интересам России и США, но оно явно не отвечает интересам КНР, которая исходит из необходимости паритетных отношений с США.

Третий: отрицательное отношение Китая к участию в переговорах по контролю над ядерными вооружениями, возможно, изменится при условии сокращения ядерных арсеналов

России и США до уровней, сопоставимых с китайскими⁷³. Но для этого *следующее соглашение по ограничению и сокращению ядерных вооружений должно быть двусторонним российско-американским.*

Очередной шаг в этом направлении Россия и США могли бы сделать, не дожидаясь согласования нового комплексного договора, согласившись сократить стратегические наступательные вооружения до уровня в 1 000 развернутых боеголовок. До 2026 г. проверка выполнения сторонами такой договоренности была бы обеспечена на основе ДСНВ⁷⁴.

Если на каком-то этапе Китай пересмотрит свою нынешнюю отрицательную позицию, то он скорее всего отдаст предпочтение двусторонним (а не многосторонним) переговорам с США, целью которых будет фиксация примерного паритета двух стран в ядерной области. Такое развитие событий лишило бы Россию ее сегодняшней центральной роли в переговорах по стратегической стабильности. Хотя реализация данного варианта развития событий лежит далеко за горизонтом настоящего прогноза, учитывать возможность такого развития событий важно уже сейчас, начиная консультации с США.

4. После выхода США из Договора по ракетам средней и меньшей дальности (ДРСМД) в США и России ведется разработка запрещавшихся договором ракет. Ее завершение возможно только в относительно долгосрочной перспективе (5 лет). И хотя в краткосрочной перспективе речь уже идет об оценке возможных вариантов размещения новых ракет средней дальности в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и соответствующих рисков⁷⁵, данный вопрос может встать в практическом плане только в долгосрочной перспективе.

Это оставляет некоторое время для достижения договоренностей, которые позволили бы *предотвратить размещение американских ракет с ядерными зарядами* (в настоящее время разрабатываются и испытываются только неядерные ракеты). Решение данной задачи возможно в случае *достижения Россией и США соглашения о полном запрете ядерного оснащения любых нестратегических ракет наземного базирования*, включая те, которые запрещались ДРСМД. Конвенциональные же ракетные системы могли бы стать предметом возможных в будущем переговоров о контроле над обычными вооружениями в Европе.

Такое решение было бы совместимо с взаимными обязательствами России и США начала 1990-х гг. о ликвидации всех видов тактического ядерного оружия наземного базирования и с логикой ДРСМД, основная цель которого заключалась в ликвидации *ядерных ракет средней дальности*. В случае договоренности России и США об охвате будущим договором всех видов ядерных вооружений, а не только стратегических, запрет ядерного оснащения ракет наземного базирования органично вписался бы в его положения.

⁷³ Diakov A.S., Neunck G., Rusten L. New START: Extension under what Circumstances? – Deep Cuts Issue Brief No. 14, October 2020. P.5. URL: https://deepcuts.org/files/pdf/Deep_Cuts_Issue_Brief_14-New_START_Extension_Under_What_Circumstances.pdf.

⁷⁴ Gottemoeller R. Rethinking Nuclear Arms Control // The Washington Quarterly. Vol. 43 (2020). No 3. P. 146. (DOI: 10.1080/0163660X.2020.1813382).

⁷⁵ Reif K., Bugos S. U.S. Tests Second Medium-Range Missile // Arms Control Today. 2020. January-February. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2020-01/news/us-tests-second-medium-range-missile>.

5. Продление ДСНВ, начало переговоров о новом договоре способствовали бы укреплению режима *ядерного нераспространения* и ослаблению политических споров, обострившихся в ходе подготовки к обзорной конференции по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), проведение которой из-за пандемии было перенесено с 2020 г. сначала на январь, а затем – на август 2021 г.

В этих условиях недвусмысленная демонстрация Россией и США намерения вернуться к договорному ограничению и сокращению ядерного оружия и тем более – начало переговоров по новому договору до августа 2021 года позволило бы смягчить размежевание участников ДНЯО не только на самой обзорной конференции, но и вокруг Договора о запрещении ядерного оружия, вступающего в силу в январе 2021 г.

6. В 2021 г. *крайне маловероятно возобновление диалога о возрождении контроля над обычными вооружениями в Европе* (КОВЕ). Перелом в этом вопросе мог бы быть достигнут в случае существенного прогресса в преодолении споров между Россией и странами Запада и в особенности – в урегулировании украинского конфликта. Однако шансы на достижение прорыва на этом направлении невелики.

7. Крайне маловероятно и возобновление в 2021 г. участия США в *Договоре по открытому небу*, из которого они вышли 22 ноября 2020 г. Данная тема не только не является приоритетной для команды Байдена на фоне других вызовов. Неясна и необходимая для этого процедура. Для возвращения США в договор потребовалось бы согласие Сената, добиться которого администрации Байдена было бы крайне сложно независимо от окончательного исхода довыборов в Сенат.

Состоявшееся в октябре 2020 г. в рамках четвертой обзорной конференции участников Договора обсуждение не дает оснований рассчитывать на согласование в ближайшей перспективе решений, которые позволили бы России остаться в Договоре после выхода США⁷⁶. На этом фоне крайне вероятным является фактический развал установленного Договором по открытому небу режима даже если формально он будет сохранен.

⁷⁶ Reif K., Bugos S. Russia Highlights Unresolved Open Skies Issues // Arms Control Today. 2020. November. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2020-11/news/russia-highlights-unresolved-open-skies-issues>.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Внутренние приоритеты и риски

Социально-политические процессы в США в 2021 году будут определяться окончательным раскладом сил в новом Конгрессе. Финальный аккорд будет поставлен 5 января, когда пройдет второй раунд выборов обоих сенаторов от Джорджии. В зависимости от результатов контроль над Сенатом могут закрепить республиканцы, в случае же победы обоих демократических сенаторов, Демократическая партия получит хрупкое большинство за счет голоса вице-президента при голосовании, но Сенат фактически будет расколот пополам.

Позиции двух партий по ключевым социальным темам настолько различны, что договориться им будет почти нереально. Поляризация, усиленная расширением левого крыла Демократической партии, практически полностью разрушает пространство для межпартийного компромисса, на котором традиционно строился политический процесс в США. В этих условиях будет доминировать электоральная логика (обе партии начнут работать на промежуточные выборы 2022 года), которая не предполагает достижение общего результата, поскольку победа уже давно достигается по формуле «чем хуже моему противнику, тем лучше мне».

Формулой успеха республиканцев с ориентиром на следующие выборы станет «слабый Байден и радикальные либералы». Та часть партии, которая ориентируется на электорат Трампа, будет активно искать поддержку в обществе, продолжая тему о социалистической угрозе, запущенную Трампом в ходе кампании 2020 г., тем самым уводя всю партию вправо и еще больше поляризуя политический процесс. Это неизбежно будет подогревать недовольство республиканского консервативного электората, особенно тех, кто уверен, что выборы были фальсифицированы демократами. Страх и агрессия перед либеральной Америкой будет выплескиваться в массовые протесты различных правоконсервативных групп и их сторонников. Раскол страны станет еще более очевидным.

В электоральной логике, партия, контролирующая Белый дом, находится в более уязвимой позиции – для победы ей надо предоставить какие-то результаты, которые положительно оценит электорат. К тому же сами демократы тоже не отличаются единством: набирающие силу прогрессисты, сдерживаемые руководством партии, будут голосовать в соответствии с повесткой президента, однако неизбежно будут тянуть ее влево. В результате Байдену, для реализации своих задач, придется искать компромисс между ними и республиканцами. Понимая эту уязвимость, республиканцы будут максимально препятствовать любым начинаниям президента-демократа.

Основным *приоритетом* демократической администрации станет «успеть как можно больше» до следующих промежуточных выборов. Социально-политическая повестка у Байдена очень широкая:

- борьба с пандемией и восстановление экономики;
- миграционная реформа;

- реформа полиции;
- реформа пенитенциарной системы;
- дальнейшее реформирование системы здравоохранения;
- борьба с экономическим неравенством;
- реформа системы образования;
- климатическая повестка.

В условиях острой партийной поляризации не исключено, что администрация президента будет вынуждена, подобно предшественникам, активно использовать механизм исполнительных указов для проведения критически важных решений. И если борьба с пандемией и восстановление экономики, которые очевидно будут первыми приоритетами демократической администрации, может заставить часть республиканцев пойти на компромисс с демократическим большинством, то многие вопросы из предполагаемой повестки президента вряд ли найдут у них поддержку.

Несмотря на это с большой вероятностью в фокусе первого года президентства помимо борьбы с пандемией и разработки мер по стимулированию экономики может оказаться миграционная реформа. Это направление наиболее амбициозное для демократического президента, строящего и свою команду и свою программу на наследии Обамы. В случае успеха она может стать логичным продолжением реализации единой повестки Демократической партии, прерванной неожиданной победой Трампа в 2016 г. К созданию именно такого образа будет стремиться администрация Байдена: преемственность и восстановление нормальности.

Миграционная реформа – твердый орешек для любой администрации. За последние почти 30 лет за нее брались и демократы, и республиканцы. Однако в отсутствии согласия между партиями провести ее никому пока не удалось, хотя реформа уже давно назрела и латать старое законодательство исполнительными указами президентов становится все менее и менее эффективно.

Если Байден успеет оперативно воспользоваться краткосрочным большинством в Конгрессе и изменит миграционное законодательство, это останется в копилке Демократической партии, наряду с реформой здравоохранения, и обеспечит ему место среди национальных лидеров-реформаторов. Фактически – это его билет в историю, шанс не стать «проходным» президентом, каким его пытаются представить республиканцы.

Однако такая масштабная реформа потребует полного единства среди демократов – в партии, в которой 40% мест в Палату представителей получили новые прогрессисты, во многом не согласные с умеренными и традиционными взглядами руководства. Учитывая, что республиканцы расширили свое представительство в нижней палате и составят половину верхней палаты, провести реформу можно будет только общими усилиями всей Демократической партии. Такая задача – серьезный вызов и для партии, и для законодателей в целом, их способности разработать компромиссный проект реформы в условиях поляризации и радикализации.

Основным *вызовом* для администрации Байдена при таком сценарии будет избежать пути Трампа, став президентом только одной Америки – той, которая за него голосовала.

Насколько лозунг его компании о единой Америке может быть реализован в реальности растущего раскола и радикализации настроений в обществе – это основной вопрос к новой демократической администрации и к американскому политическому процессу в целом.

В этих условиях внешняя политика может стать единственным полем для межпартийного компромисса. Борьба с внешними врагами, четко обозначенными предыдущей администрацией – Китаем и Россией – станет фокусом двухпартийных усилий по восстановлению лидерства США на международной арене. Вместе с тем подходы и инструменты администрации Байдена будут отличаться от внешнеполитической практики Республиканской партии и Дональда Трампа.

Внешняя политика

Вне зависимости от развития международной обстановки, с учетом продолжающейся пандемии коронавирусной инфекции или же из-за ряда вероятных кризисов, американскую внешнюю политику в значительной степени будет определять смена президентских администраций. Подходы Джозефа Байдена и его команды в целом будут исходить из традиционных для Демократической партии аспектов. Среди них: поддержка принципов коллективной безопасности и институтов глобального регулирования; привнесение в повестку ценностных элементов и проблем прав человека; стремление к улучшению союзных отношений после односторонней политики Д. Трампа; акцент на климатических и других глобальных угрозах; стремление к укреплению лидерских позиций США.

Однако не все инициативы предыдущей администрации будут отменены, а возвращение внешнеполитических и внешнеэкономических подходов администрации Обамы в реальную практику маловероятно. В 2021 г. команде Байдена придется определять свой, альтернативный курс, в котором цели и идеалы Демократической партии нужно будет реализовывать в условиях, сильно изменившихся за последние четыре года.

Внеэкономическая деятельность администрации Байдена

Проведение самостоятельного торгово-экономического курса новой администрации будет тормозить противодействие республиканской оппозиции в Конгрессе, настроенной жестко контролировать инициативы президента в этой сфере. Установки же на отстаивание экономических интересов США сохранятся. Торгово-экономический курс будет формироваться вокруг следующих приоритетов: повышение конкурентоспособности американской продукции; импортозамещение по стратегическим товарам; снижение зависимости от поставок из Китая (критические и нарождающиеся технологии, редкоземельные металлы). Торговая политика продолжит смещаться в сторону экономического национализма под прикрытием лозунгов восстановления глобального лидерства США и борьбы с изменением климата.

Отмена или снижение тарифов, введенных администрацией Трампа, не входят в число главных приоритетов новой администрации. Вместе с тем, можно ожидать падения активности Вашингтона в применении пошлин и других агрессивных односторонних защитных мер в интересах национальной безопасности, особенно в сфере экспортного контроля и инвестиционного регулирования. В русле климатической политики Байдена

(*Climate-First Foreign Policy*) дебатруется правомерность использования санкций и других ограничений против импорта товаров и услуг из стран, углеродный след которых значительно превышает показатели для сопоставимых изделий американского производства. Вашингтон намерен также активно вмешиваться в оборот товаров, считающихся критически важными для здравоохранения, технологического лидерства и охраны окружающей среды.

Курс на форсирование инвестиций в «зеленую» энергетику в интересах «декарбонизации» будет реализовываться преимущественно за счет создания преференций для национальных производителей (налоговые льготы, субсидии, риджинг, политика «покупай американское», запрет компаниям ряда стран на участие в госзакупках). Введение жестких ограничений в отношении нефтегазового сектора в течение первого года пребывания у власти администрации Байдена маловероятно, в том числе из-за ожидаемого противодействия оппозиции в Конгрессе. В интересах сохранения лидерства на рынках энергоресурсов государство не будет препятствовать развитию сланцевой индустрии, которая сейчас испытывает трудности в связи с падением спроса.

Байден настроен добиваться более позитивного взаимодействия с международными институтами. В частности, Вашингтон готовится участвовать совместно с союзниками в реформировании механизма ВТО по разрешению торговых споров, парализованного действиями Трампа. При этом имеется в виду, что при решении спорных вопросов будет соблюдаться приоритет внутреннего законодательства США. Будет возобновлен диалог с союзниками с целью разработать комплексную стратегию обеспечения соблюдения Китаем правил глобальной торговли с тем, чтобы противостоять его растущему влиянию. Принцип координации подходов в торговой политике может применяться также в отношении Украины и Республики Беларусь.

В торговых переговорах предпочтение будет отдаваться многосторонним договорам. По убеждению Байдена, все заключаемые соглашения должны стимулировать приток иностранных инвестиций в США и содержать более жесткие, чем при администрации Трампа, правила происхождения товаров, охраны интеллектуальной собственности, окружающей среды и условий труда, а также применения госсубсидий. Вашингтон предлагает усилить международный контроль за манипуляциями с валютой с целью получения торговых преимуществ и готовится распространить свой опыт регулирования потоков иностранных инвестиций с КНР на более широкий круг стран.

Не исключено что администрация Байдена рассмотрит возможность взаимодействия США со Всеобъемлющим региональным экономическим партнерством (ВРЭП). Его подписание в ноябре 2020 г. во многом отразило стремление экономик АТР снизить уровень неопределенности и ущерб от торговой войны между США и Китаем. На ВРЭП приходится 26% мировой торговли товарами и услугами.

Также не исключены и попытки Вашингтона зондировать условия возобновления его членства в Транс-Тихоокеанском партнерстве. Однако на данный момент интерес к ТТП в большей степени выражает КНР, нежели США. Если же Соединенные Штаты не будут предпринимать попыток участия в формировании зоны свободной торговли в АТР и в выработке правил ее осуществления, то существует риск, что они останутся в стороне от

процессов региональной экономической интеграции. Это сократит возможности для американского бизнеса, ухудшит его конкурентоспособность.

В интересах восстановления трансатлантического сотрудничества Вашингтон может пойти на отдельные уступки в торговых спорах с ЕС. Нормализация же торговых отношений с РФ не входит в число приоритетов, тем более с учетом низкого уровня развития двусторонних связей. Вопросы введения, продления или отмены торговых ограничений будут увязываться с «поведением» России.

КНР и Азиатско-тихоокеанский регион

В течение первого года пребывания у власти администрация Байдена сохранит жесткий курс в отношении Китая, объявленного главным торговым конкурентом и угрозой экономическому и технологическому лидерству США. Не менее серьезным вызовом считается возможность сближения КНР с Россией. Байден, придерживаясь курса на снижение экономической взаимозависимости с КНР, не будет исключать и преимуществ взаимосвязи, стремясь смягчить риски для национальной и экономической безопасности там, где они существуют, не нагнетать напряженность до состояния новой торговой войны, которую он признал «самоубийственной». С учетом продолжительности конфликта, глубины противоречий, а также сложностей во взаимоотношениях с Конгрессом, обещания Байдена «вернуться к объективности и рациональности» в отношении с КНР имеют мало шансов для реализации. Более того, по ряду вопросов (национальные интересы США, права человека, экология) Вашингтон может действовать в отношении Пекина даже более жестко, чем при Трампе.

Однако уже имеющийся опыт давления на Китай в переговорном процессе выявил пределы и возможности США в одностороннем порядке принудить КНР к серьезным структурным изменениям во внутренней политике, а также к сворачиванию его глобальных амбиций. Ориентируясь на опыт Евросоюза, Вашингтон будет стремиться разграничить области, где Китай выступает партнером (изменение климата, борьба с пиратством, здравоохранение), конкурентом (государственные предприятия, принудительная передача технологий), и те, где его можно назвать системным соперником (высокие технологии). Одновременно Байден в союзе с ЕС будет стремиться к выстраиванию объединенного фронта против КНР в таких вопросах, как глобальное регулирование торговли и режима для прямых иностранных инвестиций.

Байден критически относится к итогам переговоров по первой фазе торгового соглашения с Китаем и может настаивать на корректировке некоторых договоренностей, которые он считает нереалистичными (например, количественные параметры закупок). Дефицит торгового баланса с Китаем, вопросы хищения интеллектуальной собственности и взаимного доступа на рынки останутся предметом особой озабоченности для новой администрации. Реальными являются и опасения ответных мер – Пекин готовит черный список сторонников тайваньского сепаратизма, санкции против *Lockheed Martin*, хочет диверсифицировать цепочки поставок, углубить «военно-гражданское слияние». Так что в случае возобновления переговоров в текущем году, США по-видимому сконцентрируются не столько на торговле, сколько на продавливании структурных реформ и могут настаивать на обсуждении вопросов,

выходящих за рамки стандартных торговых договоров (нарушения прав человека, экология, поддержка госпредприятий, субсидии, интеллектуальная собственность, кибербезопасность, промышленные избыточные мощности).

Байден не станет спонтанно повышать экспортные тарифы для давления на КНР в ходе торговых переговоров. Но, скорее всего, он и не снизит в 2021 г. в полном объеме, введенные Трампом тарифы на китайские товары, потому что такую меру сложно провести из-за сопротивления республиканской оппозиции. Отмена или смягчение любых, введенных Трампом ограничений, ожидается постепенной и обусловленной встречными уступками со стороны КНР. При этом, в случае корректировки, в первую очередь будут затронуты ограничения, нарушающие нормы ВТО (тарифы на сталь и алюминий).

Американо-китайская конкуренция сохранится, преимущественно, в сфере технологий. Многие введенные ранее меры против высокотехнологичных компаний останутся в силе, чтобы не допустить укрепления позиций КНР в качестве соперника технологическому лидерству США. С большой вероятностью можно прогнозировать продолжение политики Трампа по ограничению продаж передовых технологий китайским структурам. Вероятно, будет жестко контролироваться и импорт высокотехнологичных товаров из Китая. Сохранится курс на импортзамещение в интересах снижения зависимости от поставляемых из КНР фармацевтических изделий, медицинской техники, а также критических технологий и материалов. Продолжится запретительная война против *Huawei* и других компаний из сектора высоких технологий.

Белый дом выражает свое недовольство и тем, что Китай «все активнее использует американский капитал для развития и модернизации своих военных, разведывательных и других средств безопасности». Администрация Трампа ввела ряд ограничений, пересмотреть которые Байдену будет достаточно сложно. Так, запрет для американских инвестиций в компании, контролируемые Коммунистической партией Китая или министерством обороны КНР, имел целью удержать американские компании от покупки акций предприятий, внесенных в черный список Пентагона, провести делистинг и обязать китайские компании, акции которых обращаются на биржах США, использовать исключительно американских аудиторов. При Байдене Вашингтон будет уделять еще больше внимания таким вопросам, как хищения интеллектуальной собственности, угрожая заблокировать уличенным в этом китайским фирмам доступ к рынку и финансовой системе США.

Помимо торгово-экономического и технологического противостояния, администрация Байдена будет стремиться вернуть американское лидерство в международных институтах и организациях, где большинство важных позиций начинает перехватывать Китай. Выход из них обеспечил Д. Трампу в краткосрочной перспективе определенную свободу действий в проведении политики, независимой от позиции других стран. Однако в понимании советников Байдена данный шаг позволил Пекину значительно расширить свое влияние в международных институтах.

Практическую реализацию может получить и ценностно-идеологическая сторона конфликта с Китаем. Так, Джозеф Байден выразил намерение в первый год своего президентства провести глобальный «Саммит Демократий», участниками которого станут государства,

«разделяющие ценности США». Высока вероятность акцентирования внимания Вашингтона на проблемах нарушения прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и протестах в Гонконге. Они будут использоваться в качестве инструмента давления на КПК и как средство для консолидации позиций американских союзников и партнёров.

Администрация Дж. Байдена продолжит реализацию стратегии свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, но с некоторыми изменениями. Курс на сдерживание КНР останется, но сферы соперничества и сотрудничества будут определены гораздо более четко, чем при администрации Д.Трампа. Основным приоритетом политики Байдена в регионе станет укрепление отношений с союзниками, в первую очередь с Японией, Австралией, Новой Зеландией, Индией, Республикой Корея, отдельными странами АСЕАН. Как и в Европе, США будут стремиться к созданию единой повестки по сдерживанию распространения китайского влияния.

Не менее важна она и для выхода из кризисной ситуации, связанной с ядерным потенциалом Северной Кореи. Сохраняется вероятность проведения новых ракетных испытаний КНДР. Вероятно, администрация Дж. Байдена будет проводить традиционную политику оказания давления на Пхеньян при содействии своих союзников в регионе и, в отличие от администрации Д. Трампа, начнет более твердо требовать от Северной Кореи идти на конкретные уступки. По данному вопросу не исключено и сотрудничество США с КНР.

С Японией США продолжают сотрудничество по таким вопросам, как противодействие экспансии КНР, борьба с изменением климата, проведение совместных НИОКР, в том числе, в сфере энергетики. Возможен пересмотр ряда тарифов, введенных администрацией Д. Трампа на импорт японской продукции.

В военно-политической сфере второе дыхание приобретет Четырёхсторонний диалог по вопросам безопасности (*QUAD*), членами которого являются США, Индия, Япония и Австралия. Помимо угрозы расширения политического и экономического влияния Пекина, для Нью-Дели и Токио важную роль играют территориальные споры и исторические противоречия.

Будут укрепляться отношения США с Тайванем не только как с форпостом американского влияния непосредственно у границ КНР, но и важнейшим звеном в попытке научно-технологического сдерживания Китая.

Европа, РФ и постсоветское пространство

Подходы Байдена и его внешнеполитической команды можно охарактеризовать как проатлантические. В этой связи будут предприняты попытки нивелирования противоречий, проявившихся в американо-европейских отношениях при Трампе в экономической и военно-политической сферах. Диалог между США и ЕС изначально будет отличаться большим оптимизмом. Вместе с тем союзники столкнутся с необходимостью решения накопленных проблем, желательно в краткосрочной перспективе. Однако сделать это будет крайне сложно ввиду ряда уже произошедших изменений. Среди них существующие торговые пошлины, выход США из ряда международных договоров, в частности ДРСМД и ДОН,

непосредственно затрагивающих европейскую безопасность, а также ЮНЕСКО и ВОЗ – причем в разгар пандемии *COVID-19*.

Пытаясь улучшить отношения с союзниками, США попытаются сформировать общую с ними политику в отношении КНР. Эта цель является гораздо более сложной, ввиду объективного роста значимости Китая в европейской экономике и торговле, инфраструктуре, а также отсутствия общих подходов даже среди членов ЕС. Вашингтон же все чаще будет рассматривать Старый свет в контексте своего противостояния с Пекином.

В данном случае администрация Байдена будет стремиться к выработке общих с ЕС принципов инвестирования в китайскую экономику и в первую очередь в высокотехнологичную сферу. Возможно, поддержку получат альтернативные Поясу и Пути региональные инфраструктурные проекты, в частности Инициатива трех морей. США продолжают оказывать давление на европейцев с целью побудить их к отказу от использования китайского оборудования для создания сетей связи *5G*. В первую очередь это будет связываться с рисками для национальной безопасности стран евроатлантического региона. В этой же связи нельзя исключать дальнейшую милитаризацию данной проблемы в рамках Организации североатлантического договора. Тем более такие перспективы косвенно отмечались в программном докладе «НАТО 2030», опубликованном в конце 2020 г. В краткосрочной перспективе отношения внутри этого военного блока, в первую очередь, могут быть связаны с переподтверждением союзнических обязательств США. В частности – их приверженности к ст. 5 Североатлантического договора.

Нельзя исключать и некоторых противоречий в американо-британских отношениях. Брексит и проблемы урегулирования торговых отношений Лондона не только с Европой, но и с США могут вызвать определенные трудности. Дж. Байден, в отличие от Трампа, выражает скептическое отношение к самой идее выхода Великобритании из состава ЕС, а его взаимоотношения с премьер-министром Б. Джонсоном скорее всего будут неоднозначны ввиду их сильных идеологических различий. Белый дом будет внимательно следить за формированием торговых отношений Соединенного Королевства и Европейского Союза, в частности проблем с обеспечением транзита грузов в Ирландию, которая является членом ЕС. Вместе с тем, по мере роста внешнеполитической активности и самостоятельности Лондона, у американо-британских отношений появляется ряд перспектив для сотрудничества. В частности, обе страны могут проводить активную, лидерскую политику в сфере борьбы за сохранение климата.

Даже с учетом существующих и вероятных в ближайший год противоречий, США и ЕС смогут нивелировать их за счет выражения общих идейно-ценностных подходов, что будет иметь определенный эффект после жесткой и односторонней политики администрации Д. Трампа. Оптимизма будет добавлять возвращение США в Парижское соглашение, а также вероятные попытки Вашингтона возобновить переговоры с Ираном по проблеме развития и контроля его ядерной программы.

В отношении проекта «Северный поток-2» Белому дому придется считаться с мнением импортеров газа в Евросоюзе. Новые ограничения против строительства газопровода вошли

в проект оборонного бюджета США на 2021 г, хотя Трамп угрожает наложить на него свое вето.

Российско-американские отношения останутся удобным консолидирующим вызовом для атлантического единства. С высокой вероятностью администрация Байдена будет стремиться к согласованию и координации действий по отношению к Москве с европейскими союзниками. В первую очередь, основными направлениями здесь станут проблемы вокруг Украины и конфликта на Донбассе, а также белорусского политического кризиса.

Перспективы для развития российско-американского диалога остаются крайне слабыми и затрагивают преимущественно военно-политическую сферу, в частности, вопросы контроля над вооружениями. После прихода администрации Байдена сохраняется высокая вероятность продления ДСНВ до 2026 г. Не исключено и рассмотрение перспектив для возвращения Соединенных Штатов в Договор по открытому небу. Вместе с тем высокой останется вероятность введения новых санкций в отношении российских физических и юридических лиц. В риторику Белого дома вернется акцент на пропаганду демократических и либеральных ценностей, проблем нарушения прав человека и дискриминации меньшинств. Для двустороннего диалога это будет выступать раздражителем, впрочем, и не имеющим серьезного значения с учетом современной деградации российско-американских отношений. Их дальнейшее развитие, с высокой вероятностью, будет носить лишь эпизодический характер, связанный с вопросами в сфере контроля над вооружениями и некоторыми другими проблемами международной безопасности. Рост двустороннего торгового оборота, обозначившийся в последние годы, по-прежнему незначителен для обеих стран. Данный фактор не сможет оказать какого-либо ощутимого воздействия. Российская доля экспорта и импорта во внешнеторговом обороте США составляет менее 1%. Впрочем, в случае попыток выстраивания с Москвой конструктивного диалога, администрация Байдена не будет сталкиваться с таким радикальным противодействием и критикой Конгресса, как это было в случае с Дональдом Трампом.

На постсоветском пространстве США традиционно будут поддерживать развитие демократических институтов. Высока вероятность увеличения помощи постсоветским государствам в рамках американских программ содействия мировому развитию. Идеологический фактор во внешней политике администрации демократов будет играть существенную роль. На контрасте с подходами Д. Трампа, придававшего инструментальное значение практикам «продвижения демократии», команда Дж. Байдена, вероятно, будет подчеркнута больше обращать внимание на проблемы демократии и прав человека в мире. Постсоветское пространство станет одним из ключевых направлений этой политики. Вашингтон будут оказывать поддержку Киеву в его политике по отношению к Москве, а также белорусской оппозиции в ее противостоянии правительству Лукашенко.

США сосредоточатся на размежевании между Россией с её соседями, прежде всего с союзниками по ОДКБ (Арменией, Белоруссией и Казахстаном). Обострение в Нагорном Карабахе также будет рассматриваться администрацией Байдена в русле стимулирования центробежных тенденций на постсоветском пространстве. Для этого будут использоваться преимущественно политические меры, включающие развитие партнерства с этими странами в структурах западо-центричных многосторонних институтов, идейно-символические жесты

(например, признания геноцида армян в США на государственном уровне). В логике этой же тенденции не исключается синхронизация стратегий Вашингтона и Анкары именно в отношении постсоветского пространства, и достижения за счет этого определенных компромиссов между ними в Европе и Средиземноморье.

Политика США на Ближнем Востоке и в регионе АфПак

Внешняя политика Соединенных Штатов в регионе Ближнего Востока в 2021 г. продолжит выстраиваться в рамках ранее утвержденной тенденции на «выход» из региона и будет проходить в русле внерегиональных стратегий и подхода ограниченного вовлечения. Командой Дж. Байдена может быть внесена существенная корректировка в ближневосточную стратегию администрации Д. Трампа.

Наибольший потенциал для пересмотра имеет *иранский вопрос*. За пять лет с момента подписания Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) Демократическая и Республиканская партии так и не сблизилась в ключевых подходах по отношению к Исламской Республике Иран. Шаги новой администрации станут решающими для выполнения СВПД, поскольку договор истекает 18 октября 2025 г. Сам Дж. Байден привержен идее сдерживания деструктивного воздействия Тегерана в регионе, но в то же время он является и сторонником возвращения Вашингтона в СВПД. Развитие ситуации будет зависеть от результатов переговорного процесса США с ИРИ, поскольку одномоментное возвращение без дополнительных уступок со стороны Тегерана и без изменения региональной стратегии в целом чревато обострением отношений с союзниками в регионе. Например, неясным остается вопрос: будет ли администрация Дж. Байдена в соответствии с законом *CAATSA* (ч. 107а, 2017) вводить вторичные санкции против поставщиков обычных вооружений Ирану или будет де-факто соблюдать правовой режим СВПД, положения которого прекращали действия оружейного эмбарго СБ ООН 15 августа 2020 г.

В условиях отсутствия доверия со стороны Тегерана, успех перестройки американо-иранских отношений будет зависеть от предоставления гарантий необратимого характера по выполнению договоренностей даже при последующих администрациях. Провал переговоров между Вашингтоном и Тегераном до иранских президентских выборов в июне 2021 г., а тем более использование военно-политического давления со стороны США, скорее всего, подтолкнут новое руководство ИРИ к более решительным, реакционным действиям.

Судьба СВПД будет тесно связана с политикой в отношении ключевых ближневосточных союзников: *Израиля* и *Саудовской Аравии*. На фоне обострения отношений администрации Б. Обамы с правительствами обеих стран, команде Д. Трампа удалось добиться ряда положительных и даже исключительных достижений. В отношении Государства Израиль: признание Вашингтоном Иерусалима столицей ГИ, суверенитета над Голанскими высотами, установление дипотношений ГИ с ОАЭ и Бахрейном. В отношении Саудовской Аравии: достижение рекордных объемов поставок вооружений (за первые три года администрации Д. Трампа США сделки суммарно достигли 11,3 млрд долл., что составило 77% от всех 8 лет работы Б. Обамы) и почти монопольного положения на этом рынке (в 2018 и 2019 гг. доля США в саудовском импорте вооружений удерживается на уровне 85%), поддержка

внутренних реформ в КСА и начало диалога о развитии отношений в мирной атомной энергетике. Более того, на фоне конфронтации с Ираном некогда враждовавшие правительства КСА и ГИ стали налаживать военно-техническое и разведывательное сотрудничество.

Вероятное возвращение к прежним подходам демократов при Дж. Байдене несет в себе потенциал к обострению отношений, чему есть существенные предпосылки. Если на израильском направлении, помимо обещанного возобновления финансирования ближневосточного агентства ООН БАПОР, работы представительства Организации освобождения Палестины в Вашингтоне, США вернутся к практике давления на ГИ (например, в виде критики строительства поселений, отказа от признания суверенитета ГИ на Голанские высоты и пр.), то разрешение иранской проблемы опять встретит существенные сложности: политико-дипломатическое взаимодействие США с Тегераном поддерживает скорее большинство американских, но не израильских евреев. В этом плане для достижения прорыва на иранском направлении демократам придется идти на уступки израильтянам.

Стоит отметить, что в демократах нельзя видеть однозначных сторонников Палестины. Ими, в частности, продвигаются инициативы полного прекращения помощи в случае ее признания в качестве страны-члена ООН вне рамок палестино-израильского соглашения и в случае начала судебных разбирательств по нарушениям ГИ прав человека в Международном уголовном суде.

Более критичную позицию демократы в Конгрессе и Дж. Байден занимают в отношении Эр-Рияда. В частности, из-за убийства журналиста Дж. Хашогги, войны в Йемене, нарушения прав человека в КСА. Парламентариями от Демпартии продвигается инициатива прекращения оказания военно-технической помощи и поставок боеприпасов Королевству чтобы прекратить войну в Йемене. Дополнительным фактором ухудшения отношения США к КСА может стать положение Эр-Рияда на первом месте среди поставщиков нефти в Китай.

Большую преемственность демонстрирует недовольство демократов и республиканцев относительно *Турции*. В США на базе межпартийного консенсуса существует серьезная обеспокоенность самостоятельным и конфронтационным внешнеполитическим курсом Анкары. Ее возросшее присутствие и в Сирии с Ираком, и в Ливии, и в Восточном Средиземноморье, и даже в Нагорном Карабахе зачастую не совпадает с американскими интересами. В Вашингтоне вызывает опасения вероятность потенциального международного кризиса, который затрагивал бы обязательства США перед Турцией в рамках НАТО.

В этом контексте ряд уже наблюдавшихся тенденций на турецком направлении продолжится и в 2021 г. Во-первых, маловероятен в 2021 г. полный вывод из Сирии и Ирака вооруженных сил США, сдерживающих рост турецкого и иранского влияния в этих странах. Во-вторых, военно-техническое сотрудничество с Турцией будет заморожено до момента вывода российских С-400 с ее территории.

При Дж. Байдене Соединенные Штаты с большей вероятностью будут оказывать опосредованную поддержку оппозиционным Р.Т. Эрдогану политическим движениям и силам в преддверии выборов в Турции в июне 2023 г. В частности, через программы

«продвижения демократии». Не исключена перспектива признания на уровне обеих палат Конгресса и Белого дома турецкого геноцида армян начала XX века.

Отдельно следует отметить, что технологическая конкуренция Соединенных Штатов и Китайской Народной Республики затронет и страны Ближнего Востока. Не исключено включение государств региона в программу США по телекоммуникационной безопасности «Чистая сеть» (*Clear network*), предполагающую запрет на использование китайских технологий 5G на национальных рынках. С высокой вероятностью, выделение гумпомощи для борьбы с пандемией *COVID-19* станет заметной частью политики Дж. Байдена на Ближнем Востоке, особенно в отношении Ирана.

Трансформация стратегии в субрегионе «АфПак» будет происходить преимущественно в логике американо-китайского противостояния. Афганская война де-факто находит консенсусные подходы между демократами и республиканцами, несмотря на возникающие взаимные публичные обвинения. Полный и односторонний вывод войск без закрепления союзных сил может привести к провалу самой затяжной зарубежной военной операции США. Белый дом продолжит усилия по политико-дипломатическому разрешению конфликта, которые со значительной вероятностью могут увенчаться успехом и заключением мирных договоренностей между официальным Кабулом и Движением «Талибан». Однако в краткосрочной перспективе Афганистан будет представлять второстепенную стратегическую значимость для Соединенных Штатов.

ЕВРОПА

В поисках утраченного оптимизма

Пандемия существенно скорректировала повестку Европейского союза в 2020 г. Брюссель неоднократно подвергался критике за неготовность вовремя поддержать страны-члены, хотя ввиду характера угрозы, значительную часть мер так или иначе было необходимо принимать на локальном уровне, с учетом местной эпидемиологической обстановки.

На долю наднациональных механизмов выпадает, прежде всего, аккумуляция ресурсов для противодействия экономическим последствиям пандемии. Страны ЕС, раз за разом вводящие жесткие ограничения на работу бизнеса, транспорта и передвижение людей, пытаются оценить, насколько быстрого восстановления можно будет ожидать по завершении карантинного кризиса. Разброс оценок здесь связан, в первую очередь, с тем, что к концу года осталось не вполне ясным, насколько быстро будет проведена массовая вакцинация, удастся ли предотвратить новые крупные волны распространения заболевания и дальнейшие мутации вируса. Если худших сценариев получится избежать, ведущие экономики ЕС рассчитывают отыграть пандемические потери в уровнях ВВП к 2022 г.

После длительных и непростых переговоров на саммите ЕС в декабре 2020 г. была достигнута договоренность о семилетнем рамочном бюджете ЕС в размере около 1,1 трлн. евро и специальном «фонде восстановления», добавляющем к этой сумме еще 750 млрд. евро. На последнем этапе основную сложность представляло достижение взаимопонимания с Венгрией и Польшей, которых органы ЕС обвиняют в отклонении от норм Евросоюза. Эти страны хотели избежать ситуации, когда претензии к ним могли бы сказаться на их возможностях использовать финансовые ресурсы Евросоюза. Компромиссное решение предполагает, что влияние на финансовые потоки может оказать только нарушения антикоррупционных и подобных норм, призванных обеспечить прозрачность и чистоплотность расходования государствами находящихся в их распоряжении ресурсов. Однако и этому механизму еще предстоит пройти проверку в Суде ЕС на соответствие основополагающим интеграционным договорам.

Пандемия притормозила, но не остановила международные контакты и дискуссии по внешнеполитическим вопросам. Большую часть 2020 г. в ЕС с пристальным вниманием и нескрываемым беспокойством следили за президентской кампанией в США. Победа Дж. Байдена была воспринята центристскими политическими силами подавляющего большинства стран ЕС с энтузиазмом. Разногласия с президентом Трампом у ведущих европейских лидеров оказались столь велики, что перспектива его второго срока вызывала содрогание, а после его поражения европейские элиты вместе со сторонниками Демократической партии США стали отсчитывать дни до окончания пребывания Трампа в Белом доме, опасаясь что и в этот краткий период их могут ждать новые шокирующие демарши уходящего американского лидера.

Изменение трансатлантических трендов происходит на фоне всё большего беспокойства по обе стороны Атлантики в связи с растущей глобальной ролью Китая. Место Китая как изначального очага пандемии, зависимость от производства там медицинских товаров, а

также более быстрое и успешное, чем в Европе, экономическое восстановление КНР, дополнительно подстегнули давно складывавшиеся на Западе озабоченности.

В санитарно-эпидемиологическом отношении, как минимум, значительная часть 2021 г. станет и в ЕС, и в других уголках планеты, продолжением 2020-го. Тем не менее, произошедшая адаптация к условиям пандемии дает себя знать – страны в большей степени готовы к уже известной и более понятной напасти, практические результаты дает работа над вакцинами. Пандемия становится постоянным негативным фоном, интенсивность которого по всем расчетам должна снижаться. Складывается впечатление, что при всех трудностях и потерях, общий масштабный вызов мобилизовал Евросоюз и заставляет его серьезнее отнестись к задачам сплочения и обеспечения стрессоустойчивости.

Зеленый рост

Европейская комиссия (ЕК) под руководством У. фон дер Ляйен в своей работе продолжает ориентироваться на поставленные ранее задачи повышения экологической чистоты экономики ЕС и цифровизации. В большинстве стран ЕС избиратели и основные политические партии поддерживают курс на экологизацию в целом, но по конкретным шагам неизбежно сохраняются расхождения, не меняющие общих тенденций. ЕК стремится обеспечить законодательное закрепление общих ориентиров, в первую очередь, в части снижения выбросов парниковых газов. Предполагается, что уже к 2030 г. ЕС должен снизить выбросы не менее чем на 55% к уровню 1990 г. (в 2020 г. достигнуто 25%), а к 2050 г. будет достигнута «климатическая нейтральность», т.е. ЕС перестанет быть источником увеличения выбросов.

В течение 2021 г. эти и другие экологические обязательства должны трансформироваться из общих положений в закреплённые законом установки, воплощаемые на уровне стран. Даже если по мере приближения к установленным рубежным датам ориентиры потребуют пересмотра, они стимулируют правительства к движению в заданном направлении. Проблемы в связи с определением климатических целей в ближайшее время можно ожидать не столько внутри ЕС, сколько между ЕС и его торговыми партнерами, которые могут столкнуться с растущей дискриминацией под предлогом несоответствия все более строгим экологическим стандартам.

Помимо прочего речь идет и об изменении целого ряда существующих в ЕС налоговых механизмов с тем, чтобы налогообложение стимулировало использование экологически чистых технологий. Новые обременения могут затронуть и поставляемые в Евросоюз энергоресурсы, которые всё более открыто рассматриваются в контексте «зеленого курса» как вынужденная связка с устаревшими технологиями, от которых следует избавляться по мере перехода на возобновляемые источники энергии. В случае расхождения амбиций ЕС с реальными возможностями экологизации, готовящиеся меры могут не столько снизить выбросы в глобальном масштабе, сколько продолжить происходивший и ранее процесс вытеснения грязных производств за границы Евросоюза. Детали законодательных изменений привлекают пристальное внимание лоббистов, которые постараются не допустить принятия не выгодных для себя решений, но могут и не добиться успеха – подходы к регулированию лоббистской деятельности в ЕС также ужесточаются.

Цифровизация также понимается в Евросоюзе не только как стимулирование развития новейших технологий, таких как «интернет вещей», автомобили без водителя и т.п., но и как более понятное и более жесткое регулирование поведения участников рынка. ЕС склоняется к введению налога на «цифровые услуги», т.е. фактически на крупнейшие, главным образом, американские, компании-гиганты – Google, Amazon, Facebook, Apple. Тема станет одним из предметов обсуждения с новым американским руководством, которое хотя и не отвергает категорически возможность диалога, столкнется с лоббизмом со стороны американских корпораций. Нельзя исключать, что даже в улучшившейся трансатлантической атмосфере ЕС придется смириться с неготовностью США поддержать в этой области становление глобальных правил и вводить новые сборы только на территории Евросоюза.

В технологической части вопросы цифровизации сильно пересекаются с проблемой китайского влияния. Вслед за США в ЕС всё более настороженно смотрят на почти любые китайские технологии, подозревая, что они могут использоваться китайским правительством для сбора информации и иных целей. Любой слух о неблагонадежности китайских производителей с готовностью подхватывается и распространяется антикитайскими голосами, широко представленными в европейской политике.

Германия: преемник Меркель

26 сентября 2021 г. в Германии должны пройти выборы в Бундестаг, по результатам которых впервые за полтора десятилетия в стране сменится федеральный канцлер. А. Меркель сохраняет неоспоримо высокий уровень популярности у избирателя, но однозначно заявила, что оставит пост. Ранее Меркель пыталась оказать поддержку в выдвижении на лидирующие позиции в партии ХДС нынешней министру обороны А. Крамп-Карренбауэр, но с учетом внутрипартийных настроений последняя решила уступить место другим кандидатам.

По опросам на конец 2020 г. альянс ХДС/ХСС мог бы получить 37% голосов, «зеленые» - 20%, СДПГ – 16%, АдГ – 10%, «Левые» - 8%. СвДП рискует не пройти в Бундестаг, как это уже случилось в 2013 г., или едва преодолет порог в 5%.

На лидерство в ХДС претендуют премьер-министр федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия Армин Лашет, юрист Фридрих Мерц и председатель комитета Бундестага по иностранным делам Норберт Рёттген. В одной команде с Лашетом выступает молодой популярный министр здравоохранения Йенс Шпан, ранее также заявлявший о своих лидерских амбициях. Обещания кандидатов в целом схожи – они намерены бороться за популярность ХДС в глазах избирателя, отказываясь до подведения итогов выборов обсуждать возможные коалиции с другими партиями.

А. Лашет – наиболее умеренный и политически опытный кандидат, более близкий избирателю и способный ужиться с другими политическими партиями (его земельное правительство сформировано с участием СвДП, традиционного партнера ХДС).

Ф. Мерц с его опытом работы в корпоративной среде может быть ближе крупному бизнесу и, как ожидается, готов придать партии правый уклон, который теоретически мог бы привлечь избирателей, ранее поддержавших АдГ. У Мерца немало принципиальных противников

внутри партии, и тем более в рядах других политических сил Германии. Его победа выглядела бы не столько продолжением, сколько ревизией наследия Меркель.

Рёттген известен своей внешнеполитической экспертизой, представляет ХДС в дискуссиях на международные темы на основных германских телеканалах. В то же время образ элитного интеллектуала может затруднять общение с простым избирателем. Начав как менее популярный, по сравнению с соперниками кандидат, он обладает потенциалом и мог бы если и не стать канцлером, то войти в правительство.

Во внешнеполитических вопросах Мерц и особенно Рёттген настроены на тесное взаимодействие с США. Лашет и в этом отношении выглядит более умеренным. При этом следует учитывать, что личность будущего канцлера – лишь одна из составляющих германского политического курса, в том числе внешнего – роль будут играть коалиционные переговоры, фигура министра иностранных дел, настроения в Бундестаге.

Интриги в вопрос о канцлере добавляет премьер-министр Баварии и глава бессменно правящей в этой федеральной земле партии ХСС Маркус Зёдер. Он может рассматриваться как еще один лидер объединенного предложения избирателю, которое делают ХДС/ХСС, и мог бы гипотетически претендовать на позицию канцлера, если кандидат от ХДС столкнется с какими-то проблемами, будь то внутри партии или в ходе коалиционных переговоров. Менее вероятно, но не исключено появление канцлера от партии «зеленых», которая все же скорее будет претендовать на роль младшего партнера в коалиции с ХДС/ХСС.

Выборы и коалиционные переговоры – повод обсудить широкий круг вопросов, волнующих избирателя. Как и в ЕС в целом, в центре внимания будут находиться вопросы борьбы с пандемией, экологическая повестка, цифровизация и отношения с Китаем. Критичными для итогов выборов могут оказаться именно экологические вопросы – профильная для «зеленых» тема теперь воспринята всеми центристскими партиями, каждая из которых будет пытаться доказать, что вернее других понимает, как именно реагировать на изменение климата и снижать загрязнение окружающей среды. При этом голоса скептиков, считающих значимость экологической тематики преувеличенной, вероятно оттянет на себя АдГ.

Заявленные в ходе кампании расхождения могут впоследствии помешать ХДС/ХСС войти в коалицию с «зелеными», если по принципиальным для последних пунктам не удастся договориться. В этом случае нельзя исключать формирования очередного издания т.н. «большой коалиции» с СДПГ, хотя последняя и опасается дальнейшей потери популярности, которую многие связывают как раз с ролью младшего партнера в правительстве. Сотрудничество с АдГ ведущие партии категорически отвергают, любые сомнения в этом отношении вызывают громкие политические скандалы.

Франция: шанс Макрона

Французский президент Э. Макрон стал лицом борьбы с пандемией во Франции и активно продвигает свои внешнеполитические инициативы на европейском и глобальном уровнях. Однако уровень его поддержки избирателями колеблется в районе 30%. Французы утомлены, а часто и разорены пандемическими ограничениями, больно ударившими по туристическому сектору, ресторанам и бизнесу в других отраслях экономики. Сохраняют

свою остроту вопросы терроризма и миграции. В середине 2020 г. Макрон произвел существенные перестановки в правительстве. Э. Филиппа на посту премьер-министра сменил Ж. Кастекс, но новой динамики, по крайней мере, в глазах избирателя, это не сформировало.

Цифры в опросах, тем не менее, могут быстро меняться, и этому могло бы способствовать ожидающееся экономическое восстановление. Прогресс заметен на контрасте с предыдущим положением и, если в течение 2021 г. исчезнет потребность в строгих ограничениях, а Франции удастся провести туристический сезон хотя бы для гостей из Евросоюза, то к президентским выборам 2022 г. страна могла бы подойти на волне оптимизма.

В международной политике, в том числе на уровне ЕС, Макрон производит впечатление чрезвычайно активного, но не слишком успешного лидера. Его рассуждения о «смерти мозга» НАТО и необходимости форсированного формирования «стратегической автономии» ЕС большинством союзников были встречены прохладно, а некоторыми и резко критически. Хотя французский президент и пытался переступить через предубеждения и наладить содержательный диалог с Д. Трампом, это не получилось. Можно предполагать, что с администрацией Дж. Байдена у Франции сложатся вполне рабочие отношения. Уже заявленный Байденом на позицию госсекретаря США Энтони Блинкен в детстве жил и учился в Париже и свободно говорит по-французски. При должном настрое сторон опасения, что Макрон расшатывает трансатлантическое единство, будет несложно купировать. Труднее будет найти общий язык в вопросах налогообложения американских интернет-гигантов, что традиционно является одной из заметных тем французской политической дискуссии. Однако решение этого вопроса скорее будет интегрировано в работу на уровне ЕС-США.

Многих критиков России в ЕС сильно смутило желание Макрона демонстративно восстанавливать диалог с Москвой. Проведенный несмотря на пандемию визит французского президента в Литву и Латвию в сентябре 2020 г., судя по всему, этого отношения не поменял. На двустороннем уровне франко-российские контакты продолжатся, но здесь сложно ожидать прорывов. Макрон, как участник «нормандской четверки», был бы рад записать на свой счет прогресс в урегулировании конфликта на востоке Украины, но шансы на это невысоки. С учетом напряжения между Азербайджаном и французскими парламентариями, проявившегося в финальной фазе войны в Нагорном Карабахе осенью 2020 г., остается открытым вопрос, удастся ли сохранить значение Минской группы ОБСЕ по карабахскому урегулированию, где Франция является сопредседателем.

Италия: оправляясь от удара

Север Италии, являющийся также и экономическим центром страны, одним из первых столкнулся с вызовом пандемии и понес существенные потери. Страна, получающая значительные доходы от туризма, была вынуждена вводить суровые ограничения. К реальным ограничениям добавились страхи, общее ощущение несвоевременности туризма. Итальянская экономика и до пандемического кризиса на протяжении многих лет испытывала существенные проблемы, неоднократно вызывавшие серьезное беспокойство на уровне ЕС. В итальянской политике прочно заняли место популистские партии. Экономические неурядицы нередко бывают подспорьем как раз для них.

Итальянские центристы с беспокойством воспринимали рост популярности М. Сальвини и возглавляемой им партии «Лига». На его фигуре были сосредоточены политические атаки, для которых он давал повод. И кампания против него дала результат. Его рейтинги снижаются, равно как и показатели входящего в правительство движения «Пять звезд». Однако предположение, что сама база популистов сокращается, не находит подтверждения.

В противовес бывшим лидерам растет популярность «Братьев Италии» - правоконсервативной, евроскептической партии во главе с 43-летней Дж. Мелони. Не исключено, что до выборов, которые ожидаются в 2023 г., но могут пройти и досрочно, на флангах, оппозирующих политическому центру, могут появиться и другие новые лица. Сохраняет лидерский потенциал и премьер-министр Дж. Конте, возглавивший правительство в 2018 г. как надпартийная компромиссная техническая фигура, но продемонстрировавший способность справляться с вызовами. Независимый статус дает ему возможность укрепить своим участием одну из партий или сформировать собственную политическую силу.

На выходе из пандемии правительство в еще более острой форме, чем раньше, может столкнуться с «ножницами» между популистскими обещаниями и ресурсами в стране, которая, находясь в еврозоне, не имеет возможности самостоятельно манипулировать валютой. Может быть предпринята очередная попытка перенаправить недовольство избирателя на Брюссель, представив правительство защитником итальянских интересов перед евробюрократией. В электоральном отношении это может сыграть на руку популистам.

Великобритания: экономическое обособление

Формально покинув Евросоюз в конце января 2020 г., Великобритания в течение следующих 11 месяцев оставалась в переходном состоянии, предполагавшем, что в экономике, торговле и разного рода регулировании к ней продолжали применяться те же правила, которые действуют для стран-членов. При этом Лондону и Брюсселю предстояло в форсированном режиме провести переговоры о создании режима свободной торговли, которые в других случаях занимают годы. Стороны стремились решить практически нерешаемую задачу – создать регулятивные и таможенные барьеры, которые позволили бы Великобритании самой определять свою торгово-экономическую политику, но избежать существенного негативного воздействия этих барьеров на взаимную торговлю.

Многочисленные экспертные оценки, указывавшие на неизбежные взаимные потери, не меняют общих тенденций британской политики. Консерваторы получили мандат от избирателя на осуществление Брексита и не собираются от него отказываться, как минимум до очередных выборов в 2024 г. Тема выхода из ЕС на протяжении многих лет остается предметом политических манипуляций в Великобритании. Нельзя исключать, что несмотря на объективные потери, результаты процесса можно будет представить избирателю как успешные – вопреки преувеличенным страхам таможенные процедуры со временем наладятся, в магазинах не исчезнут товары и т.п.

Часть политиков и интеллектуалов в ЕС, особенно на либеральном фланге, рассчитывает, что Великобритания со временем одумается и пересмотрит свое решение. Надежды в этом отношении возлагаются на молодое поколение британцев, многие из которых немало

путешествовали по Европе, изучали механизмы Евросоюза и не считают нужным обособление от континента. Проверить эту логику получится не скоро, но уже в ближайшее время возможно появление проектов, призванных вовлекать британскую молодежь в диалог со сверстниками и политическими деятелями из ЕС.

Достигнутая Лондоном и Брюсселем в самом конце 2020 г. договоренность о свободной торговле должна существенно смягчить негативные эффекты Брексита и добавить определенности для субъектов экономической деятельности. Тем не менее, «переходный период» действительно завершается, и характер взаимодействия Великобритании и ЕС в разных сферах изменится уже в 2021 г. Длительное (более 90 дней в полугодие) проживание британских граждан в ЕС и граждан ЕС в Великобритании потребует соответствующих государственных разрешений, они столкнутся с новыми ограничениями при трудоустройстве. Для Великобритании не будут действовать правила отмены роуминговых сборов операторов сотовой связи, согласованные внутри ЕС. Как и предполагает зона свободной торговли, стороны отказываются от введения сборов и квот на товарооборот между ними, однако появятся таможенные и фито-санитарные барьеры, будут постепенно меняться правила промышленной рыбной ловли. В авиационном и автомобильном сообщении, а также в сфере энергетики между сторонами также возникнут новые обстоятельства в связи с прекращением действия правил ЕС. С третьими странами Лондону предстоит самому договариваться о торговых отношениях – соглашения, заключенные Евросоюзом, не будут автоматически распространяться на Великобританию. Широкий резонанс вызвал отказ Великобритании от продолжения участия в программе университетских обменов ЕС «Эразмус» - хотя Лондон и обещает в этой области появление собственных инициатив, этот шаг воспринимается как усложняющий взаимодействие на уровне молодежи.

Брексит, хотя и считается формально почти завершенным, не исчезает из повестки дня ЕС – соглашению, которое с начала 2021 г. будет применяться на временной основе, еще только предстоит пройти ратификацию в парламентах сторон, где нельзя исключать эксцессов, способных вновь запутать едва прояснившееся положение. Продолжатся дискуссии о выгоды соглашения для сторон, соблюдении его положений и необходимых корректировках. Собственно, сами достигнутые договоренности предусматривают создание механизма урегулирования споров и систему мер, принимаемых в случае нарушений или если развитие торговых отношений Великобритании с третьими странами приведет к искажениям в торговле с ЕС.

Ввиду существенного веса Великобритании в вопросах европейской безопасности и обороны остается неясным, насколько тяжелые переговоры и противоречия в сфере торговли приведут к «разводу» Великобритании и ЕС и в этой области. С одной стороны, сохраняются объединяющие многие из стран ЕС с Великобританией механизмы НАТО. С другой, участие Лондона в каких-либо инициативах ЕС даже там, где эти инициативы допускают подключение третьих стран, пока оказывается политически неприемлемо. Правительство Б.Джонсона, несмотря на предложения со стороны Евросоюза, отказалось от обсуждения этой темы. Возможно, к решению этих вопросов активно подключится новое американское

руководство. Положение Великобритании может стать аргументом в пользу того, что правильное место для решения вопросов обороны и безопасности – именно в НАТО, а не в ЕС.

Центрально-восточноевропейские (ЦВЕ) страны – эпидемия вето

Страны ЦВЕ – члены ЕС перенесли обе волны пандемии и их негативное влияние на экономику относительно легче, чем Евросоюз в целом и его интеграционное ядро – зона евро. Ожидается, что успешнее пойдет и процесс их социально-экономического восстановления. По прогнозам Еврокомиссии, макроэкономические показатели стран ЦВЕ в целом и их наиболее сплоченной группы – Вишеградской четверки, в т.ч. входящих в нее «возмутителей спокойствия» в ЕС – Венгрии и Польши, в 2021- 2022 гг. будут лучше средних по ЕС и еврозоне (кроме уровня инфляции). Это во многом способствует повышению политической активности стран ЦВЕ по защите своих национальных интересов, в понимании нынешних (в основном консервативно-популистских) правящих элит. На неформальных закрытых обсуждениях новых «зеленой» и «цифровой» стратегий ЕС в рамках Евросовета страны ЦВЕ, как это бывало прежде, добились для себя заметных льгот по вопросам ядерной и газовой энергетики, продвижения к климатической нейтральности, финансирования из бюджета ЕС и Фонда восстановления и др. Однако в 2020 г. некоторые из них впервые открыто противопоставили себя большинству членов ЕС, угрожая вето на принятие экзистенциального для Евросоюза решения о финансировании «постковидного» восстановительного роста (Венгрия, Польша и поддержавшая их Словения), а также на принятие геополитически важного решения о начале переговоров по «модельному» присоединению к ЕС стран Западных Балкан – Северной Македонии и идущей с ней в одном «интеграционном пакете» Албании (Болгария). Компромиссы по этим решениям могут существенно повлиять на будущую конфигурацию системы принятия решений в ЕС.

В отношениях с Россией и Китаем страны ЦВЕ политически стали больше ориентироваться на Вашингтон и Брюссель, хотя пытаются сохранить экономически выгодные проекты сотрудничества. Несмотря на недовольство Еврокомиссии, с января 2020 г. Болгария и Сев. Македония получают российский газ по отводам от газопровода «Турецкий поток», минуя Украину-Молдову-Румынию, в декабре 2020 г. этот газ пошел транзитом через Болгарию в Сербию, а в 2022 г. – дойдет в Венгрию.

Демократический фронт

Элиты ЕС ждут от президентства Байдена восстановления прочного трансатлантического союза в разных сферах и, в целом, готовности США участвовать в деятельности многосторонних институтов. Возвращение Вашингтона в Парижское соглашение по климату и прекращение саботажа механизмов ВТО могут стать первыми шагами в этом направлении. Трансатлантическое единство предполагает и общность подходов к вопросам демократии и прав человека в глобальном масштабе. Байден настроен на формирование некоего «клуба демократий», в который очевидно должны в первую очередь войти страны ЕС, а возможно и представители руководящих органов Евросоюза.

Будет ли трансатлантическое взаимопонимание символическим или содержательным станет понятно уже в ближайшем будущем. Страны ЕС, судя по всему, готовы к компромиссам,

которые могут потребоваться, чтобы появление в Вашингтоне «договороспособного» президента не оказалось упущенным шансом.

Одной из наиболее сложных тем трансатлантического диалога останутся отношения с Китаем. В ЕС многие готовы солидаризироваться с жесткой критикой Китая по политическим вопросам, но хотели бы сохранить экономическое взаимодействие и именно на стыке этих областей подходы США и европейских столиц могут разойтись, причем часть стран ЕС, как это уже случалось, может оказаться ближе к Вашингтону, чем к Брюсселю.

Похожего эффекта можно ожидать и на российском направлении. Страны ЕС с готовностью солидаризируются с политической критикой России, сохраняют санкционное давление, но постараются не закрывать существующие возможности для экономического сотрудничества. Одним из самых деликатных вопросов здесь останется судьба газопровода «Северный поток-2». Проект находится под жестким американским давлением, определяемым не столько позицией администрации, сколько настроениями в Конгрессе. Действующее руководство Германии наверняка попытается использовать улучшение трансатлантической атмосферы чтобы поставить вопрос о необходимости смягчения американского подхода. Возможно, будут согласованы дополнительные меры давления на Россию, которые позволят не трактовать «Северный поток-2» как общее улучшение отношений с российским руководством и снятие многочисленных претензий к нему.

Обострения большей или меньшей интенсивности в отношениях ЕС и России можно ожидать в контексте проведения и подведения результатов выборов в Государственную Думу осенью 2021 г. Брюссель, как и Вашингтон, вероятно, критически оценит соответствие российского процесса демократическим нормам и будет приветствовать оппозиционную активность в контексте выборов. При недостаточной осмотрительности обмен политическими ударами может завести диалог России и Запада в очередной тупик.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

В обозримый период основным трендом Ближнего Востока становится все большая независимость региональных игроков различного уровня в проведении внешнеполитического курса и обеспечении своих интересов. На практике это ведет к принятию решений, способных изменить военно-политический баланс или нацеленных на изменение этого баланса. В новой ситуации региональные акторы все чаще склонны воспринимать отношения с глобальными державами в качестве ресурса для реализации собственных устремлений.

Нормализация как новый тренд

Процесс нормализации отношений Израиля с арабскими государствами, осуществляемый при поддержке США и в отсутствие переговоров по палестинской проблеме, свидетельствует о росте прагматизма среди арабских элит, об отходе от казавшихся незыблемыми принципов. Не исключено, что к ОАЭ, Бахрейну и Судану присоединятся в 2021 г. и некоторые другие государства.

К тренду на нормализацию можно отнести и переговоры между Ливаном и Израилем при посредничестве США о демаркации морской границы, а также о связанных с этим проблемах газовых месторождений в Средиземном море. Решение вопроса о границе может уже в ближайшей перспективе привлечь в Ливан инвестиции, столь необходимые стране на фоне экономического кризиса. Однако отсутствие согласия по этому и другим вопросам между ливанскими политическими силами рискует существенно осложнить переговорный процесс.

Ключевым моментом, который «легитимирует» Израиль в арабском мире, могла бы стать официальная нормализация его отношений с Саудовской Аравией. Однако Эр-Рияду приходится действовать с оглядкой на внутривосточные ограничители и возможную негативную реакцию в мусульманском мире. В этой связи в 2021 г. королевство может ограничиться негласной поддержкой государств, заключивших соглашения с Израилем.

Для арабских государств нормализация может диктоваться как задачей привлечения дополнительного внимания США, так и поисками нового внешнего провайдера безопасности в условиях активизации Турции и стремления Ирана не потерять приобретенные позиции. Для Израиля нормализация открыла возможности интеграции в пространство Ближнего Востока и преодоления изоляции без существенных уступок с его стороны.

Аннексия палестинских территорий в 2021 году маловероятна, поскольку идея распространения израильского суверенитета на часть Западного берега не встретила однозначной массовой поддержки в израильском обществе, а также потому, что администрация Дж. Байдена будет скорее всего более жестко подходить к действиям сторон, подрывающим возможности переговоров.

Основные проблемы Палестинской национальной администрации – недоверие электората, отсутствие конструктивной повестки, коррупция – очевидно, останутся и в 2021 г. В то же время борьба за лидерство среди местных политиков обострится, и могут четко обозначиться несколько претендующих на главные роли кандидатур.

Борьба за влияние: Турция и Иран

Турция и Иран стали главными бенефициарами ослабления ряда арабских государств в результате "арабской весны" и развернувшихся конфликтов. Активистский курс они проводят на протяжении нескольких лет, но в последнее время наметились новые акценты, которые, скорее всего, будут определять поведение, возможности и уровень соперничества или тактического сотрудничества обоих государств в 2021 году.

Турецкое руководство нацелено на проведение наступательного курса на различных направлениях. Опыт участия Анкары в вооруженных конфликтах в Сирии и Ливии повысил готовность турецкого руководства прибегать к военному решению кризисных ситуаций или угрожать применением силы. Активность Анкары на региональной арене мотивирована также внутривнутриполитическими соображениями – рост внешнеполитического влияния преподносится как свидетельство общей успешности.

В 2021 г. Турция продолжит активное участие в переделе сфер влияния. Ареной противостояния останется Восточное Средиземноморье, где Турция будет вести борьбу с ближневосточными и европейскими странами за углеводородные ресурсы, ситуация вокруг Кипра и вопрос разграничения морского шельфа. Не исключен рост напряженности между Анкарой и Тегераном по причине соперничества двух стран в Сирии, Ираке и Ливане.

Приоритетами Анкары в сирийском кризисе останутся противодействие сепаратистским или автономистским устремлениям курдов и обеспечение своего долгосрочного присутствия на территориях проведения турецких военных операций, в том числе в форме экономической привязки этих районов к Турции. Нерешенность проблемы Идлиба и противоречия между Анкарой и Дамаском будут осложнять взаимодействие между Россией и Турцией. Вопрос о возможном появлении на территории Турции еще нескольких миллионов сирийских беженцев останется в 2021 г. одним из приоритетных для турецких властей.

Продолжится участие Анкары в ливийском конфликте, позволяющее Турции обеспечить себе как военное присутствие в Северной Африке, так и влияние на ход переговорного процесса. Поддержка, которую Турция оказывает правительству Сарраджа, может облегчить Анкаре доступ к разработке природных ресурсов Ливии и решение вопроса о разделе шельфа в Средиземном море.

Турция является противницей нормализации отношений арабских государств с Израилем, которая может получить дополнительные импульсы в 2021 г. Соответственно, Анкара продолжит выступать в поддержку палестинцев и сохранит/обострит конфликтные отношения с Израилем, тем более, что администрация Р.Т. Эрдогана позиционирует Турцию в качестве защитницы мусульман во всем мире.

Иран в отличие от Турции сталкивается с серьезными ограничителями для проведения активистского курса. В 2021 г. вероятно ухудшение и без того неблагоприятной экономической и социально-политической обстановки.

По оценкам иранских экспертов, на борьбу с распространением коронавирусной инфекции и ликвидацию последствий эпидемии по всей стране потребуется не менее 2-3 лет. Бедность становится системным фактором, и рост безработицы неизбежно усугубит ее. По данным статистического центра ИРИ, в 2018 г. процент иранских семей, живущих ниже черты

бедности, составлял 18,4%, а в начале 2020 г. (до пандемии) - 35,4%. Увеличение числа бедных в совокупности с инфляцией и ростом цен, вероятно, спровоцирует новые волны протестных выступлений, криминализацию и дальнейшую маргинализацию общества. Руководство ИРИ, очевидно, продолжит тренд последних лет на жесткое подавление любых массовых антирежимных выступлений, инакомыслия и критики в адрес руководства.

Иран в 2021 г. постарается не потерять влияние в Сирии и сохранить тесные связи с ливанской «Хезболлой». В Ираке прежде сильное влияние ИРИ продолжит снижаться. Поддержка, оказываемая прокси, будет продолжена, но ее уровень будет зависеть от бюджетных возможностей.

В свете президентских выборов, запланированных на 18 июня 2021 г., в первой половине года в ИРИ продолжит нарастать внутриэлитная борьба. При этом наиболее ожидаемым сценарием является победа консервативных сил. Администрация уходящего президента Х. Роухани попытается использовать оставшееся у нее время, сконцентрировав усилия на минимизации ущерба от новых антииранских санкций США, и на расширении взаимодействия с ЕС, Китаем и РФ. После вступления в должность нового президента США администрацией Х. Роухани, видимо, будут предприняты попытки реанимировать СВПД, что, скорее всего, встретит противодействие со стороны консервативных сил в парламенте и в аппарате Верховного Лидера. Вероятный переход исполнительной власти в ведение консервативных сил приведет к монополии «консерваторов» на определение политического курса. Однако отсутствие реальной оппозиции может при необходимости обеспечить новому руководству возможности для политического маневра.

Экономика: новые вызовы

Пандемия COVID19 продолжает оказывать серьезное влияние на экономическую ситуацию. Ввиду увеличения нагрузки на национальные системы здравоохранения и с учетом затраченных ресурсов, регион в 2021 году покажет рост на уровне 4% реального ВВП. Это на 1% ниже, чем указывали весенние отчеты международных финансовых институтов.

Цены на нефть будут самым важным фактором для роста финансовых показателей таких государств, как Саудовская Аравия, Ирак, Иран, ОАЭ, Бахрейн и Кувейт, для которых продажа нефти и нефтепродуктов составляет основную часть доходов. По прогнозу ОПЕК, цена на нефть в 2021 году будет 44 долларов за баррель.

Несмотря на разное экономическое положение стран региона, непосредственные экономические последствия пандемии были похожи, поскольку распространение вируса затронуло в первую очередь туристический сектор, значимый для многих стран БВСА, а затем по мере ужесточения карантинных мер остальную часть ненефтяной экономики.

По имеющимся оценкам, совокупный ВВП шести стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (Саудовская Аравия, Катар, Кувейт, Бахрейн, Оман, ОАЭ) сократится в 2020 году на 6%, а в 2021 году в странах ССАГПЗ (за исключением Омана) ожидается рост ВВП.

Протестные движения в арабских странах

В 2021 году высока вероятность нового всплеска протестной активности. Наибольшему риску внутренней нестабильности подвержены Алжир, Ирак, Судан, Ливан и Иордания. Для этих стран характерно определенное сочетание проблем: затяжной экономический кризис, неэффективность госуправления, высокий уровень коррупции, вмешательство силовых структур в управление государством. Роль того или иного фактора может варьироваться от страны к стране.

В новых протестах основную роль будет играть гражданское общество (профсоюзы, молодежные организации), однако трендом останется неспособность протестных движений институализироваться и сформулировать программу преобразований. Протестующие не доверяют традиционным партиям, даже оппозиционным, поскольку те либо сотрудничают с властями, либо имеют собственную повестку. Институализации мешают и репрессии со стороны властей.

Учитывая эти обстоятельства, протестная активность в таких странах, как Алжир, Ирак, Иордания, скорее всего не принесет результатов, несмотря на остроту общественного недовольства. Ситуация может измениться в двух случаях: перехода силовых структур на сторону оппозиции, либо усиления внешнего давления на действующие власти стран. Данные факторы в наибольшей степени проявляют себя в Судане, где под давлением США, ЕС и Африканского союза продолжится начатый после «народной революции» 2019 года процесс постепенной передачи власти от военных к гражданскому правительству.

В Тунисе, считающемся "историей успеха", сохранится противостояние светских и исламистских сил (представителями «Братьев-мусульман» и поддерживаемой Турцией партией «Ан-Нахда»), расшатывающее хрупкое взаимодействие между парламентом, правительством и президентом.

Конфликты: сохранение военного противостояния

Динамика *сирийского кризиса* в 2021 г. будет зависеть от ряда факторов: политики новой администрации США, последствий экономического кризиса в самой Сирии, позиций Турции и Ирана. Основными горячими точками останутся Идлиб, Северо-Восток (провинции Ракка, Хасака, Дейр-эз-Зор) и юг страны (провинция Дераа).

В случае продолжения американского военного присутствия на Северо-Востоке (т.н. «Заевфратье») следует ожидать сохранения в этом регионе статус-кво при постепенном наращивании военного присутствия РФ. Однако любые попытки расширения курдской автономии и трансформации ее в квазигосударственное образование вызовут резкую реакцию как со стороны Дамаска, так и Турции. Последняя может предпринять во второй половине 2021 года еще одну крупную военную операцию против курдов (чтобы пресечь любые поползновения в сторону независимости), несмотря на риск ухудшения отношений с США.

В Заевфратье продолжится активизация ячеек ИГИЛ, которые на протяжении 2020 года адаптировались к условиям партизанской войны и стали использовать тактику террора в отношении представителей властей и сотрудничающих с ними местных жителей.

Дамаск не отказывается от планов возвращения Идлиба под свой контроль и рассчитывает на поддержку иранских прокси и ВКС РФ. Обстановка будет зависеть от способности Турции обеспечить сдерживание и нейтрализацию радикальных группировок (в первую очередь, "Хурас-ад-Дин", "Хейат Тахрир аш-Шам"), а также от динамики отношений между ключевыми внешними игроками: РФ-Турция, Турция-Иран, ЕС-Турция. Пока внешние игроки едины в стремлении не допустить эскалации в Идлибе, Дамаск не будет предпринимать односторонних шагов.

На юге Сирии в 2021 году будет набирать силу партизанская война в освобожденных в 2018 году районах. При наиболее неблагоприятном сценарии (ужесточение репрессий, усиление произвола) партизанские вылазки могут перерасти в восстание местного населения, для подавления которого Дамаску потребуется задействовать армейские подразделения с тяжелым вооружением.

Военные действия в Йемене с высокой вероятностью продолжатся и в 2021 г. Субстантивные переговоры между признанным правительством президента Хади и движением «Ансар Алла» (хуситами) практически исключены, а сохраняющиеся трения между региональными игроками, поддерживающими стороны конфликта, не позволят снизить напряжённость. Высокий уровень соперничества между Саудовской Аравией и Ираном, а также противоречия между КСА и ОАЭ будут оказывать серьезное влияние на ситуацию в 2021 г.

В ближайшей перспективе *ситуация в Ливии* будет зависеть от реализации подписанного 23 октября 2020 г. Женевского соглашения между военными представителями ПНС и ЛНА о постоянном прекращении огня. Сделка также предусматривает вывод из страны в 90-дневный срок иностранных наемников, реинтеграцию на индивидуальной основе вооруженных милиций в государственные институты, создание «совместных ограниченных вооруженных сил», открытие воздушного и наземного транспортного сообщения, обмен задержанными и прекращение подстрекательских кампаний в СМИ.

В ноябре 2020 г. участники ливийского диалога согласовали план по объединению органов власти страны и распределению руководящих постов между тремя регионами Ливии. Однако позитивная динамика не обязательно сохранится в 2021 г. Нельзя исключить попыток заинтересованных внешних сил воспользоваться ситуацией для укрепления военных позиций своих союзников.

Новая администрация США и Ближний Восток

Первостепенное внимание команды демократов будет сосредоточено на согласовании новой, расширенной версии Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), срок которого истекает 18 октября 2025 г. Белый дом со значительной вероятностью смягчит политику в отношении Тегерана, в том числе начав оказывать гуманитарную помощь, чтобы успеть достичь каких-либо договоренностей по СВПД с президентом Х. Роухани до президентских выборов в Иране в июне 2021 г. Дальнейшее затягивание процесса и длительное сохранение американских санкций несомненно скажутся на результатах выборов, могут подтолкнуть будущее иранское руководство к более решительным действиям и снизить его договороспособность.

Возврат США к переговорам в рамках обновленного СВПД может вызвать настороженную реакцию Израиля и Саудовской Аравии. Если отношения Израиля и США не претерпят сколько-нибудь существенных изменений, то подходы демократов к Эр-Рияду могут ужесточиться. В Конгрессе даже продвигались инициативы прекращения оказания военно-технической помощи и поставок боеприпасов КСА из-за войны в Йемене и проблем с соблюдением прав человека.

Страны Ближнего Востока всё больше будут вовлекаться в логику американо-китайского противостояния, прежде всего, в сфере энергетики и информационно-телекоммуникационных технологий, пытаясь использовать ее в своих интересах. Между тем, прогнозируемые тенденции на Ближнем Востоке в 2021 г. вряд ли отразятся на наблюдаемой последние два десятилетия стабильной динамике роста американских инвестиций в регион.

ЕС и проблемы миграции

Основными направлениями политики ЕС в регионе будут меры, направленные на сдерживание потока мигрантов из арабских стран. К ним относится предоставление финансовой, технической и медицинской помощи, а также выделение дополнительных средств для поддержки экономик арабских стран, пострадавших от масштабных ограничительных мер на фоне пандемии.

Более активно будут задействованы инструменты Европейской политики соседства, ЕБРР и отдельных европейских фондов и программ. Продолжится оказание гуманитарной помощи, в первую очередь беженцам в конфликтных зонах (Ливии, Сирии). По этим же направлениям будут действовать и отдельные европейские государства, в первую очередь наиболее активные в Северной Африке - Франция и Италия.

Одним из основных направлений политики Франции в 2021 г. останется попытка сдерживания Анкары, особенно в Восточном Средиземноморье, посредством развития сотрудничества в сфере разграничения особых экономических зон и геологоразведки с европейскими партнерами (Греция, Кипр) и арабскими странами (в первую очередь Египтом).

Значение динамики ситуации на Ближнем Востоке для России

Нормализация отношений между Израилем и арабскими государствами, по всей видимости, представляет собой устойчивый тренд, который будет активно использоваться администрацией США. Для России будет актуальна *активизация посреднических усилий в контексте палестинской проблемы*. Вместе с тем очередное «примирение» Фатха и ХАМАС в 2021 г. может оказаться недолговечным. Если Дж. Байден вернет какую-то часть финансовой помощи палестинцам, то это может поставить препятствия для участия ХАМАС в каком-либо потенциальном общепалестинском правительстве.

В 2021 г. маловероятно окончательное урегулирование основных региональных конфликтов (Сирия, Ливия), в которые прямо или косвенно вовлечена РФ. Выборы президента в Сирии, назначенные на 2021 г., способны вызвать новый всплеск недовольства со стороны оппозиции и критику со стороны внешних сил. Возможно обострение ситуации в провинции Идлиб и в южных районах страны.

Большое значение для интересов РФ в 2021 году будет иметь динамика кризиса в Ливии. *Посредничество Москвы в Ливии (в том числе за счет умения договариваться с Турцией) могло бы способствовать повышению влияния РФ в регионе и за его пределами.*

В Йемене Россия могла бы в 2021 г. предпринять усилия по налаживанию диалога между различными политическими силами на юге страны, например, путем создания переговорных площадок различного уровня.

Турция останется непростым ближневосточным партнером для России. Региональное взаимодействие с Анкарой будет сохранять свою значимость для Москвы в условиях нестабильности на Ближнем Востоке и сложных отношений с США и другими странами Запада. Вместе с тем активность Турции в различных регионах, включая прежде всего Южный Кавказ, может создать в 2021 г. серьезные предпосылки для столкновения российско-турецких интересов, несмотря на заинтересованность обеих сторон во взаимопонимании.

В экономическом плане для российских компаний в 2021 г. могут появиться новые перспективы. Так, тренд на развитие цифровой экономики и возобновляемых источников энергии в странах Персидского залива может открыть возможности для прямых российских инвестиций, тем более, что в условиях восстановления экономик в 2021 г., странам с большой долей вероятности придется снижать налоговые ставки для малого и среднего бизнеса для улучшения инвестиционного климата.

Частичная стабилизация ситуации в Восточном Средиземноморье обеспечила бы российскому бизнесу более активное участие в энергетических проектах, среди которых уже имеются египетский и ливанский газовые проекты. Так, если результаты ливано-израильского переговорного процесса будут успешными в 2021 г., то это создаст дополнительные возможности для российских компаний.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Определяющими для политического развития большинства стран постсоветского пространства станут внутренние процессы и властные транзиты, осложняемые социально-экономическими последствиями пандемии. Значимо влиять на формирование политических тенденций в странах СНГ будут также общее усиление турбулентности в международных отношениях и растущая конкуренция ведущих держав на постсоветском пространстве.

Главным вызовом, безусловно, станет экономический кризис, спровоцированный и усугубленный эпидемией коронавируса. Способность преодолеть его последствия и выйти на траекторию роста будет определять политические перспективы в большинстве стран постсоветского пространства. Вызванный пандемией кризис скажется на уровне занятости и безработицы, способности трудовых мигрантов пересекать границы и обеспечивать валютные поступления соответствующих стран. Отсюда углубляющиеся социальные дисбалансы и в целом обострение социально-политической ситуации, первым проявлением которой уже стала очередная «электоральная революция» в Киргизии осенью 2020 г. Угроза терроризма – другой дестабилизирующий фактор, особенно для ЦА и РФ. Если ячейки «Исламского государства» (запрещено в РФ) попытаются расширить свое присутствие в ЦА, особенно в Таджикистане, а также на Северном Кавказе и в ряде крупных российских городов, где обосновалось значительное число трудовых мигрантов из ЦА, ситуация с их активизацией может осложниться уже в 2021 году. В числе других вызовов – незаконная миграция, деградация природной среды, внутрирегиональные межгосударственные противоречия, обостряемые последствиями пандемии, в т.ч. неурегулированные пограничные споры и нерешенные территориальные проблемы, угроза разморозки затяжных внутренних конфликтов, религиозный экстремизм.

Усилятся международные противоречия, вызванные борьбой за влияние в постсоветских странах, что способно дестабилизировать ситуацию в зоне «замороженных конфликтов». Высокой будет в 2021 г. оставаться активность не только традиционно присутствующих в регионе США и КНР, но растущих центров силы – прежде всего, Турции.

В *европейской части СНГ* можно ожидать активизации вовлеченности США в политические процессы. Это связано и со сменой администрации (и стремлением продемонстрировать внимание Вашингтона к региону, якобы игнорировавшемуся Д. Трампом), и с традиционным стремлением американского политического класса торпедировать любые попытки развития интеграционных процессов и усиления военно-политических союзов с участием и лидирующей ролью России на постсоветском пространстве. Тем более сама внутривнутриполитическая ситуация в странах региона будет давать поводы и возможности демонстрации влияния США и стран ЕС. Ограничительные меры, включая и закрытие границ, принятые в странах ЕС в период пандемии, скажутся на положении трудовых мигрантов из республик бывшего СССР и усугубят негативные социально-экономические тенденции на Украине и в Молдавии.

На *Украине*, как результат пандемии и мер правительства по борьбе с коронавирусом, наметились негативные социально-экономические тенденции. По прогнозам различных

международных институтов, ВВП страны просядет в 2020 г на величину от 3,5 до 5,5% (Всемирный банк считает, что экономика Украины упадет на 3,5%, ЕБРР прогнозирует падение ВВП Украины в 2020 г. на уровне 5,5%), при этом восстановительный рост в следующем 2021 г. должен составить порядка 3%. Министерство экономики и Нацбанк Украины еще более пессимистичны в оценках и предрекают спад соответственно в 6 и 6,5% в 2020 г. с восстановительным 4% ростом в 2021 г.⁷⁷ Причем реалистичность прогноза на 2021 год во многом зависит от хода пандемии и подъема мировой экономики.

На фоне осложнения экономической ситуации существенной эрозии подвергся рейтинг президента В. Зеленского и пропрезидентской партии «Слуга народа», что подтвердили итоги местных выборов 2020 года. Тенденция снижения популярности президента проявит себя и в 2021 году. В результате политический ресурс В. Зеленского будет последовательно сокращаться, что негативно скажется на российском треке украинской внешней политики. Возможности политического маневра для руководства страны при решении сложных проблем урегулирования кризиса на Донбассе будут и далее последовательно сужаться.

Нельзя сказать, что урегулирование сильно продвинулось в 2020 году. Руководство Украины не проявляло политической воли к поиску решений проблемы Донбасса. Генерируемые «компромиссные» предложения украинской стороны либо категорически не соответствовали содержанию Минских соглашений (прежде всего в их политической части), либо были призваны имитировать активность для внутренней аудитории и западных партнеров.

Каких-то заметных подвижек политической линии в контексте очевидной деформации украинского общественного мнения и доминирующих настроений в рамках элиты ожидать от Зеленского не приходится и в 2021 г. – именно потому, что он демократически избранный популист. Общий вектор украинской политики сформировался несколько лет назад – это движение в западные структуры (ЕС и НАТО), которое, по мнению значительной части местного политического класса, может быть более быстрым при сохранении элементов конфронтационности по отношению к Москве. Социологические опросы наглядно демонстрируют, что и с настроениями общества не все так однозначно. Население Украины стремится к миру, но на украинских условиях: оно просто хочет возвращения домайданного *status quo* в плане обеспечения безопасности и территориальной целостности страны. Но поскольку это невозможно, а уступки «сепаратистам» и российским «оккупантам» прогнозируемо негативно будут восприниматься большинством индоктринированных за последние 6 лет граждан, у нового президента оказывается довольно узкое поле для маневра в выборе стратегии, которая в результате выстраивается в контексте «эффекта политической колеи», заданной еще при П.Порошенко.

В результате, В.Зеленскому пока, да и то с трудом, удавались перемирия и проведение обменов «удерживаемых лиц» с республиками Донбасса. Но это наиболее политически стерильная часть его деятельности по поиску компромиссов в рамках переговорного процесса. Политическое урегулирование отложено в долгий ящик – без давления извне его достижение невозможно. Но в сложившихся на Западе обстоятельствах трудно представить, что в 2021 г. Вашингтон будет подталкивать Киев к компромиссам по Донбассу.

⁷⁷ Правительство одобрило макроэкономический прогноз на 2021-2023 гг. <https://news.finance.ua/ru/news/-/475515/pravitelstvo-odobrilo-makroekonomicheskij-prognoz-na-2021-2023-gody>

Стратегия украинской политической элиты в отношении России останется в 2021 г. прежней – это попытки усиления давления на Москву с помощью сохранения и ужесточения санкционного режима странами Запада, а также последовательная антироссийская направленность политики идентичности внутри страны (что должно ослабить влияние Кремля на общественное мнение внутри страны и усилить тенденции украинизации). Важным компонентом останется линия на дискредитацию России на международной арене как «государства-агрессора» и подрыв репутации с помощью многочисленных исков и информационных кампаний. Зависимость от США в принятии решений будет более выраженной – в силу традиционных связей украинских олигархов и политического класса с руководством демпартии США, растущей активности Вашингтона в регионе, а также, объективно, из-за необходимости западной макрофинансовой и военной помощи стране.

Дополнительным раздражающим моментом в российско-украинских отношениях станет анонсированное на весну 2021 г. создание т.н. «Крымской платформы», в рамках которой предполагается (с привлечением США, Британии, ряда стран ЕС и Турции) актуализировать вопрос территориальной принадлежности Крыма и добиваться более последовательной поддержки странами Запада усилий украинского истеблишмента в противостоянии с Россией. В 2021 г. получит развитие военно-техническое сотрудничество Украины с США и Турцией. А в контексте привлечения внимания «друзей Украины» к проблемам страны возможно обострение военной обстановки на Донбассе.

В **Белоруссии** ключевым фактором, определяющим динамику развития страны, стал не «коронакризис», хотя его влияние сказалось и будет воздействовать на развитие событий в 2021 г., а выборы президента в августе 2020 г. Объявленные результаты голосования (80,1% в пользу действующего президента А.Г. Лукашенко) вызвали волну протестов не только в столице, что было прогнозируемо, но и по всей стране. Легитимность А.Г. Лукашенко оказалась под вопросом. США и ЕС отказываются признавать его законным президентом.

Россия и КНР признали результаты выборов. Москва анонсировала предоставление Белоруссии кредитных линий в 2020-21 гг. в размере 1,5 млрд. долл. Это отчасти стабилизировало экономическую ситуацию в РБ. С учетом того, что Белоруссия не объявляла локдаун в связи с эпидемией коронавируса, социально-экономическая ситуация в стране выглядела еще летом в целом неплохо (в первом полугодии снижение ВВП составило, по официальным данным всего 0,2%). Однако затем, в т.ч. под влиянием обострения ситуации в стране, спад ускорился и по итогам года МВФ прогнозирует сокращение ВВП на 3% (в 2021 г. МВФ ожидает роста белорусского ВВП на 2,2%); ЕБРР – сокращение на 3,5% (рост на 1% в 2021 г.). Таким образом, социально-экономическая ситуация в стране не выглядит катастрофичной, хотя и прогнозируется усиление финансово-экономических проблем в 2021 году. И хотя белорусская экономическая модель, опиравшаяся на дотационный формат экономического сотрудничества с РФ, исчерпала свой потенциал, основной вызов стабильности будет лежать в 2021 г. в политической сфере.

Угроза перехода контроля органов власти к прозападной оппозиции в результате краха режима Лукашенко была устранена. При опоре на российские ресурсы (от финансовых и политических до информационных) и благодаря относительно высокой консолидации лично преданных А. Лукашенко силовиков и части административных элит, ему удалось взять

ситуацию под контроль и удержаться у власти. Были выдавлены за рубеж и арестованы практически все сколь-нибудь заметные лидеры оппозиции (в т.ч. деятели т.н. Координационного совета), в силу чего их влияние на политическое поведение населения минимизировано. Однако позиции Лукашенко ослаблены, а его легитимность – как в глазах собственного населения, так и лидеров ряда зарубежных стран – подорвана. Российская поддержка режима А. Лукашенко также безусловна и напрямую связана с выполнением набора политических шагов по осуществлению конституционной реформы в стране.

Тем не менее, в силу очевидного стремления А. Лукашенко не менять в стране ничего, либо, в крайнем случае, ограничиться некоторыми реформами, позволяющими оставив пост президента сохранить реальную власть, процесс политической трансформации РБ едва ли окажется поэтапным и беспроблемным. Вероятным на сегодняшний день (в контексте поведения европейских элит и отсутствии свободы маневра у РФ) представляется **сценарий постепенной «венесуализации»** ситуации вокруг Белоруссии. При таком конфронтационном сценарии ЕС и США усиливают свою помощь оппозиции (т.е. С. Тихановской и переместившегося на Запад Координационного совета), а Россия, не имея особого выбора, вынужденно поддерживает непопулярного А. Лукашенко. Результатом такого сценария становится усиление конфронтации между РФ и странами Запада по поводу ситуации в Белоруссии, расширение санкционной войны, усиление прозападных настроений в политически активной части белорусского общества.

В силу особенностей поведения российской элиты не исключен и консервативный сценарий, при котором А. Лукашенко надолго задержится у власти. В рамках этого сценария деятельность оппозиции в стране будет жестко ограничена. Россия будет принимать активное участие в весьма затратном финансировании находящегося в перманентном политическом и социально-экономическом кризисе режима. При этом интеграционные процессы с Россией в рамках Союзного государства и ЕАЭС будут развиваться медленно, непоследовательно и всячески стопориться белорусской стороной. При поддержке ЕС и США продолжит формироваться пул белорусских гражданских активистов и политиков с помощью НГО, базирующихся в Польше, Чехии, Литве и на Украине, а протесты постепенно станут приобретать антироссийский характер.

Политический кризис накануне и после президентских выборов 9 августа является провозвестником начала транзита власти в РБ и смены социально-политической модели в стране. Вернуть Белоруссию в ситуацию до августа 2020 г. невозможно. Единственным способом минимизировать издержки для белорусского общества и белорусской элиты является четкое следование сочинским соглашениям В. Путина и А. Лукашенко и жесткий контроль российской стороной выполнения принятых на себя Минском обязательств.

В **Молдавии** победа М. Санду на президентских выборах осенью 2020 г. открыла новый раунд политической борьбы в стране. В рамках институционального дизайна молдавской политической системы сам по себе пост президента является скорее представительским. Но поражение И. Додона в борьбе за президентское кресло породило у прозападных сил надежду на решительный политический реванш в случае, если им удастся оседлать сформированную успехом М.Санду политическую волну, добиться отставки правительства и досрочных парламентских выборов. Этому благоприятствует то обстоятельство, что к концу

2020 г. обозначились тенденции к распаду прежних парламентских альянсов и активизации новых политических сил. На левом фланге ведет борьбу целый ряд политических сил («Гражданский конгресс» М. Ткачука, «Наша партия» Р. Усатого, лидер партии своего имени И. Шор), выступающих прямыми электоральными конкурентами И. Додона и социалистов (ПСРМ). На правом фланге также можно наблюдать раскол между ключевыми лидерами – М. Санду и А. Нэстасе. Однако углубление этих противоречий компенсируется укреплением лидерства М.Санду в обществе и падением рейтингов А. Нэстасе. Гораздо более выраженное дробление левого электората позволяет делать негативные прогнозы относительно долгосрочного будущего левых партий в Молдавии. Но, если говорить о краткосрочной перспективе, о вероятных досрочных парламентских выборах, успех ПСРМ и И. Додона будет зависеть от способности консолидировать левый электорат страны вокруг партии.

Социалистам объективно будет препятствовать осложнение социально-экономической ситуации в стране. 2020 г. был крайне неудачным в климатическом отношении для Молдавии. Падение производства сельскохозяйственной продукции составило до 25%, что существенно с учетом вклада аграрного сектора в ВВП страны. Важную роль в социально-экономической ситуации в стране продолжают играть денежные переводы трудовых мигрантов. Поэтому существенное влияние на положение в экономике страны играют экзогенные факторы – риски, связанные с развитием пандемии и закрытием границ. Если по ряду стран (см. Белоруссию) прогнозы в течение года пересматривались в сторону улучшения, то с Молдавией имела место обратная ситуация – прогнозы поступательно ухудшались. В результате Всемирный Банк в 2020 г. прогнозирует спад в 5,2% (самая глубокая рецессия в стране со времен мирового финансового кризиса 2008 г.) с последующим ростом на 3,5% в 2021 г., ЕБРР – на 5,5%, а Министерство экономики и инфраструктуры РМ оказалось еще более пессимистичным и в уточненном в конце ноября прогнозе заявило об ожидаемом в 2020 г. сокращении ВВП на 6,5%, при прогнозируемом росте в 2021 г. на 4,7%.

В случае успеха партии М. Санду и в целом прозападных сил, включая фрагментированную после вынужденной эмиграции В. Плахотнюка Демпартию, они могут существенно укрепить политические позиции, воспользовавшись прогнозируемой волной восстановительного роста в 2021 г. Именно поэтому в интересах ПСРМ оттянуть момент досрочных парламентских выборов и по возможности перенести их на более поздний срок.

Одним из ключевых для Молдавии остается вопрос взаимоотношений с ЕС. С учетом современных экономических и геополитических реалий, ситуации на Украине и политических маневров И. Додона и ПСРМ, ни один из вероятных сценариев развития политической ситуации в стране не сможет в краткосрочной перспективе привести к развороту Молдавии в сторону России и ЕАЭС. Но с представителями левых сил у власти возможно избежать обострения ситуации.

Едва вступив в должность президента, М.Санду уже выступила с рядом заявлений о необходимости вывода Оперативной группы российских войск (ОГРВ) и российских миротворцев (которые несут службу по соглашению от 1992 года) из Приднестровья, а также о скорейшей ликвидации российских военных складов в Колбасной. Пока у нее нет реальных рычагов власти, но в случае победы на досрочных парламентских выборах прозападных

политических сил, ситуация вокруг непризнанной ПМР существенно обострится – вплоть до попыток финансово-экономической блокады (при поддержке Украины) или даже силового решения конфликта (при гарантиях США и стран Запада).

На Южном Кавказе (ЮК) выстроится новая конфигурация во взаимоотношениях трех республик региона (Азербайджана, Армении и Грузии) с Россией, Турцией, Ираном, а также с США и ЕС. В значительной мере это связано с событиями в Нагорном Карабахе. 9 ноября 2020 г. при посредничестве России было подписано трехстороннее (азербайджано-армяно-российское) заявление о прекращении военных действий. Другие итоги мирного соглашения: вывод армянских сил из прилегающих к НК районов; установление Азербайджаном контроля над частью территории НК, включая город Шуша; ввод на пять лет российских миротворцев, которые будут контролировать нагорно-карабахский и нахичеванский коридоры.

Россия де-факто расширила свое военное присутствие в регионе. К уже существующим военным базам РФ в Армении, Абхазии, Южной Осетии добавился миротворческий контингент, находящийся фактически на территории Азербайджана. Перехватив инициативу в карабахском конфликте, Россия обрела и важные политические дивиденды. Если удастся грамотно распорядиться ими, Москва сможет влиять на ключевые процессы в регионе ЮК, сохраняя значимую роль в сфере безопасности.

Меняется и роль Минской группы ОБСЕ по Нагорному Карабаху. Отстраненная фактически от участия в урегулировании недавнего конфликта, она, возможно, попытается восстановить статус основного посредника. Однако, скорее всего, карабахская проблема и сопутствующие ей вопросы будут решаться на региональном уровне – по модели, схожей с «астанинским процессом», в рамках которого велись переговоры по сирийскому урегулированию.

Турция, хотя и располагает в НАТО второй по численности армией и внесла ощутимый вклад в восстановление Азербайджаном своей юрисдикции над частью карабахской территории, не обладает достаточными ресурсами, чтобы выиграть «битву за Кавказ». Здесь противовес Турции традиционно будет создавать Россия, а также частично Иран, не заинтересованный в усилении турецкого влияния на Кавказе. Отношения России с Турцией будут носить характер ситуативного партнерства – по модели российско-турецкого взаимодействия на Ближнем Востоке. На армяно-турецком треке перспективы нормализации отношений не просматриваются. С Азербайджаном Турция продолжит тесное сотрудничество в оборонной сфере. Ею же и будет по преимуществу ограничиваться принцип лидеров обеих республик – «одна нация, два государства». При этом Азербайджану, сохраняющему дружественный настрой в отношениях как с Турцией, так и с Россией, важно избежать чрезмерного влияния Турции. В Грузии, где Турцию считают стратегическим партнером, некоторые политики могут в определенный момент расценить амбиции Эрдогана в регионе как вызов национальным интересам Грузии.

Позиция невмешательства Ирана в армяно-азербайджанское противостояние в НК обусловлена в первую очередь опасениями, связанными с многочисленным азербайджаноязычным населением Ирана.

Евросоюз продолжит работу со всеми странами ЮК на основе своей программы «Восточное партнерство». В ее рамках самое тесное сотрудничество у ЕС будет с Грузией, взаимодействие с Арменией будет осуществляться на основе подписанного ранее Соглашения о всеобъемлющем партнерстве. С Азербайджаном, который участвует в программе «Восточное партнерство», ЕС сохранит прежний уровень взаимодействия. Азербайджан ценен в первую очередь в своем качестве газоэкспортера для ЕС, которого заботят альтернативные поставки энергоресурсов в обход России.

США неизменно рассматривают ЮК как зону своих стратегических интересов и по-прежнему будут тесно взаимодействовать и с Азербайджаном, и с Арменией, сохраняя особое влияние в Грузии.

НАТО продолжит демонстрировать свою силу в регионе. На 2021 г. в акватории Черного моря запланированы очередные крупные маневры НАТО «*Defender Europe 21*» с участием тысяч солдат, десятков боевых кораблей, морской авиации и беспилотников.

В Центральной Азии (ЦА) России, заинтересованной в сохранении стабильности в странах региона, другим приоритетом является развитие евразийской интеграции. Параллельно с Россией будет действовать Китай, углубляющий торгово-экономическое взаимодействие со странами ЦА и ЮК в рамках программы «Пояс и путь», которая включает в себя политическое сближение, инфраструктурные связи, свободная торговля, обмен капиталов, сближение народов.

Турция с упором на культурно-этническую, языковую, религиозную общность постарается придать больший вес созданным под ее эгидой международным структурам – Совету сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркский совет), Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) и др.

Для Ирана поле для маневра в ЦА будет сужено американскими и европейскими санкциями, что повлияет в первую очередь на заинтересованный в развитии контактов с Ираном в энергетической сфере Туркменистан.

Евросоюз, прошедший через коронакризис, вынужден пересмотреть параметры обнародованной в мае 2019 г. «Новой стратегии ЕС по Центральной Азии» в сторону свертывания финансирования в отношении всех стран региона, кроме Узбекистана.

Политика США в отношении стран Центрально-Азиатского региона в значительной мере будет диктоваться стратегией глобального противостояния с Китаем, а также задачами противодействия возникновению полицентричной международной системы, подрывающей, как полагают в Вашингтоне, гегемонию США. Это создаст предпосылки для нового раунда соперничества великих держав в ЦА. Дестабилизация региона с возможным вовлечением в этот процесс «Исламского государства» или «Исламского движения Восточного Туркестана» (запрещены в РФ и КНР) объективно будет способствовать достижению геополитических целей США. Подрыв безопасности ключевого регионального союзника России и Китая – Казахстана может понизить влияние России в регионе и нанести ущерб интересам Китая. На ситуацию в сфере безопасности ЦА может повлиять перспектива сокращения американского воинского контингента в Афганистане с возможным сценарием дестабилизации ситуации в стране, что может создать проблемы как для стран ЦА, России и Китая.

Политическая ситуация в странах ЦА и ЮК

Азербайджан, выстраивая стабильные взаимодействия с разными игроками, оставит практически неизменным свой внешнеполитический курс, и эта южнокавказская республика по-прежнему будет базировать свою политику на принципах многовекторности с акцентом на союзе с обеспечившей официальному Баку весомую военно-политическую поддержку в период второй Карабахской войны Турцией. Что касается **Армении**, то ее политическое руководство по-прежнему будет придерживаться подхода по выстраиванию «комплиментарной», т.е. ориентированной на поддержание активных политических и экономических связей как с Россией, так и со странами Запада, внешней политике. В сфере внутренней политики ощутимым и продолжительным станет эффект от тяжелого военного поражения в Нагорном Карабахе в 2020 г. Осмысление итогов войны будет подпитывать социальную и политическую напряженность, подрывать возможность элитного консенсуса и в целом достижения компромиссов между соперничающими политическими силами. Россия останется основным стратегическим партнером для Армении, несмотря на внутривнутриполитическую неопределенность, возникшую в республике после карабахской войны, и недовольство части армянской общественности недостаточно активной позицией России во время военной фазы противостояния Армении с Азербайджаном. В свою очередь, заинтересованность России в Армении будет сохраняться, поскольку Армения – единственная на ЮК страна, участвующая в важных для РФ структурах – ОДКБ и ЕАЭС. Продолжится военное взаимодействие Армении и России в двустороннем формате и в рамках ОДКБ.

Внешиполитический вектор **Грузии** не претерпит изменений. В сфере безопасности Грузия будет полагаться в основном на развитие сотрудничества с США и НАТО. В 2021 году в Грузии состоятся грузино-американские учения под названием «Твердый дух». ЕС сохранит значение приоритетного направления внешней политики Грузии, невзирая на весьма противоречивые итоги экономического сотрудничества с Евросоюзом.

Хотя грузинские власти по-прежнему будут относиться к России с недоверием, они могут в рамках придания нового импульса своей внешней политике попытаться инициировать диалог с российской стороной. Однако такие шаги официального Тбилиси в отношении России могут быть истолкованы и как попытка оказать давление на западные правительства, не оказывающие, по мнению грузинской стороны, достаточную финансовую и политическую поддержку Грузии и не выполняющие свои обещания.

В **Казахстане** политический процесс ознаменуется затянувшимся транзитом власти, при котором первый президент Н.А. Назарбаев сохранил за собой основные политические, экономические и силовые рычаги управления государством. Действующий де-юре президент Касым-Жомарт Токаев будет при сохранении такого положения дел по-прежнему ограничен в своих полномочиях, что негативно скажется на результатах управления государством в условиях де-факто двоевластия.

Основным внутривнутриполитическим событием станут очередные выборы депутатов мажилиса (парламента). 10 января 2021 г. состоится голосование за депутатов, избираемых по

партийным спискам, а 11 января – за депутатов, избираемых Ассамблеей народа Казахстана. У большинства экспертов не вызывает сомнений победа партии власти «Нур Отан».

Соседняя с Казахстаном *Киргизия* пережила в 2020 г. третий вооруженный переворот («революцию») после состоявшихся 4 октября выборов в парламент (Жогорку Кенеш). Социально-экономическая обстановка в Киргизии останется крайне нестабильной, что может породить очередную волну дестабилизации. Избежать негативного сценария можно в случае, если киргизским властям удастся существенно улучшить экономические показатели, добиться экономического роста, устранить социальные диспропорции, понизить уровень коррупции и региональной конкуренции политических элит. Важной предпосылкой стабилизации способна стать также консолидация президентской вертикали.

Внешнеполитические приоритеты Киргизии едва ли изменятся, и в экономике республики, сфере ее безопасности Россия и Китай свои позиции сохранят. Экономический упадок Киргизии можно будет предотвратить, если Россия и Китай расширят финансовую и экономическую поддержку этой республики.

В *Таджикистане*, несмотря на серьезные социально-экономические проблемы, не наблюдается признаков внутривнутриполитической дестабилизации. В марте 2020 г. состоялись шестые по счету парламентские выборы. По их итогам возглавляемая президентом Эмомали Рахмоном Народно-демократическая партия Таджикистана, конкурировавшая на выборах с еще шестью партиями, набрала 50,4% голосов и получила наибольшее число мандатов в парламенте. 11 октября прошли очередные президентские выборы. Их выиграл действующий президент, переизбравшийся на пятый срок с результатом 91%.

Соседство Афганистана будет оказывать влияние на внутривнутриполитическую обстановку в стране. Если Китай останется, по всем прогнозам, главным финансовым и экономическим донором Таджикистана, то поддержание безопасности останется в республике в основном прерогативой России. Но как Россия, так и Китай, будут заинтересованы в том, чтобы предотвратить переток нестабильности из Афганистана на Таджикистан.

В *Туркменистане* с 1 января 2021 года вступает в силу закон, изменяющий структуру однопалатного законодательного представительного органа государственной власти: теперь он будет именоваться Национальный парламент – Национальный Совет Туркменистана и состоять из двух палат – Халк Маслахаты и Меджлис. Предстоят также выборы депутатов новой верхней палаты Туркмении.

В сфере внешней политики Туркменистан, ссылающийся на свой нейтральный статус, по-прежнему будет демонстрировать курс на многовекторность. Республика и в дальнейшем будет уклоняться от участия в региональных организациях безопасности (ОДКБ, ШОС и др.), оставаясь представленной в СНГ с августа 2005 г. только в качестве ассоциированного члена.

Попытки США расширить военно-политическое сотрудничество с Туркменистаном едва ли увенчаются успехом, и по масштабам своего экономического влияния на Туркменистан явно лидирующие позиции останутся за Китаем – основным покупателем туркменского газа и главным финансовым донором Туркменистана.

В *Узбекистане* в 2021 г. состоятся президентские выборы, на которые действующий глава государства Шавкат Мирзиёев пойдет на второй срок. С учетом очевидных успехов социально-экономического развития (Узбекистан – единственная страна СНГ, выходящая по итогам 2020 г. на темпы роста (а не спада) ВВП в районе 1-1,2%) и в целом очевидной позитивной динамики развития страны, результат выборов представляется предсказуемым.

В сфере внешней политики Узбекистан попытается сохранить лидирующую роль в процессах регионализации ЦА. Кроме того, в 2021 г. Узбекистан продолжит проведение многовекторного политического курса, в рамках которого сближение с Россией и ЕАЭС будет компенсироваться развитием всесторонних связей с США и ЕС. В 2020 г. ЕС в досрочном порядке принял решение о предоставлении Узбекистану статуса бенефициара Всеобщей системы преференций плюс («GSP+»). Соответствующий документ 30 ноября подписала председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен.

ТИХООКЕАНСКАЯ АЗИЯ

Для Тихоокеанской Азии 2021 год будет отмечен повышенной политической турбулентностью в связи с действием ряда факторов. Это, в первую очередь, продолжающаяся пандемия коронавирусной инфекции и её экономические последствия, включая дезорганизацию трансграничных хозяйственных цепочек и препятствия для трудовой миграции. Это отсутствие ясности в вопросе о необходимости ограничений для передвижения и экономической деятельности, а также неоднозначная реакция общественного мнения как на сам факт распространения инфекции, так и на меры борьбы с нею, включая способы их имплементации. Это неопределенность отношений между важными международными игроками в регионе, вспышки экономического и политического национализма, периодическое обострение текущих конфликтов. Все названные моменты в 2021 году будут влиять на политические процессы в странах региона, причем реакция на их действие может быть столь же многовариантной, как и сами эти факторы.

Борьба с разразившейся в 2020 г. пандемией COVID-19 уже привела к *росту социально-психологической напряженности* практически во всех государствах Тихоокеанской Азии. При этом картина этой напряженности, доступная взгляду внешних наблюдателей, сильно различается от страны к стране в зависимости от политической системы, степени открытости общественной жизни внешнему миру и культурных традиций. В наибольшей степени она проступает в сравнительно менее стабильных государствах Юго-Восточной Азии (Мьянма, Таиланд), в меньшей – в более преуспевающих государствах с устоявшейся партийно-политической системой и компетентной элитой (Япония, Южная Корея), хотя и там вопрос о достаточности и эффективности мер противодействия распространению инфекции остается одним из важнейших элементов внутривнутриполитического дискурса. Можно уверенно утверждать, что в 2021 г. эта тема будет активно использоваться оппозиционными силами в странах региона в попытке упрочить свои общественные и электоральные позиции. Однако спровоцировать серьезные социальные волнения, способные отодвинуть на второй план регулярные формы политической борьбы и дезорганизовать привычные парламентские процедуры, эти силы могут лишь в исключительных случаях. *Нет оснований ожидать в этом регионе каких-либо драматических событий, связанных с насильственной сменой власти или коренным изменением ее идеологического профиля.*

В *Японии* возможно проведение внеочередных выборов депутатов нижней палаты парламента до официального истечения срока ее полномочий в октябре. Это связано с особенностями положения нынешнего главы кабинета министров, который должен либо подтвердить свой статус главы правящей партии на предстоящих осенью 2021 г. выборах председателя Либерал-демократической партии (ЛДП) – главной политической организации японского истеблишмента, либо уступить эту роль новому лидеру. В первом случае в его пользу сыграл бы успех ЛДП на досрочных выборах, представляющийся вполне вероятным при сохранении нынешнего расклада политических сил.

Однако ухудшение эпидемиологической ситуации может осложнить ситуацию. Усталость от ограничений в повседневной жизни ведет к большей пассивности избирателя и снижению

рейтинга поддержки главы правительства, тем самым повышая для правящей коалиции риски, связанные с объявлением внеочередных выборов. Вряд ли эти вызовы могут быть нивелированы ожидаемым восстановлением экономического роста после рецессии конца 2019 г. – середины 2020 г.: в силу целого ряда факторов восстановление будет постепенным и неустойчивым, к тому же его трудно будет связать в сознании избирателей с эффективностью правительственной политики в этой сфере.

В любом случае, однако, никто не ожидает утраты правящей партией большинства в нижней палате. Этого не произойдет в силу высокой мобилизованности сторонников консервативного мейнстрима, на который опирается ЛДП, и организационной и финансовой слабости оппозиции. Речь идет лишь о возможности относительного ослабления или усиления позиций правящего лагеря, в частности о шансах на консолидацию им квалифицированного большинства в парламенте, что позволило бы ему начать процедуру внесения изменений в конституцию, давно уже являющихся частью долгосрочной программы действий ЛДП.

В *Республике Корея* общественно-политическая повестка будет выстраиваться вокруг темы укрепления демократических институтов, недопущения рецидивов коррупционных отношений и бюрократического произвола, вызывающих в обществе крайне резкую реакцию. В планах на 2021 г. присутствуют реформа правоохранительной системы, обеспечение максимальной открытости деятельности исполнительной и законодательной властей. Обсуждается возможность изменения модели президентской власти, в частности замена одной пятилетней каденции полномочий правом на два четырехлетних срока.

В сфере социальных отношений внимание будет сфокусировано на мерах по смягчению существующих дисбалансов: демографических (рост числа пенсионеров и низкий удельный вес молодежи), гендерных (существенные различия позиций мужчин и женщин в экономике и в политических институтах), территориальных (доминирование Сеула и прилегающих районов в политике, экономике, науке и культуре). Острые внутривнутриполитические дебаты будут разворачиваться вокруг способов решения демографических проблем и обеспечения занятости на фоне всплеск распространения COVID-19.

В *КНДР* в 2021 г. наиболее вероятно сохранение политического статус-кво, в рамках которого будет продолжаться стихийный рост квази-рыночных отношений на фоне отчетливого стремления правящей администрации и лояльного ей руководящего слоя сохранить тоталитарный характер системы власти. В долгосрочной перспективе возможность и характер сочетания этих несовпадающих по направленности процессов остаются неопределенными.

В *Китае* успешное сдерживание эпидемии коронавируса позволяет его руководству развернуть полномасштабную подготовку к политическим событиям 2021 года. Важным источником его оптимизма служит экономическая статистика. Восстановительный рост ВВП КНР в 2021 г. ожидается в диапазоне 7–9%, на несколько процентов выше показателя предкризисного 2019 г. Это позволит властям с уверенностью говорить об эффективности жестких противоэпидемических мер, позволивших Китаю стать лидером мирового

экономического развития. Выход эпидемии из-под контроля и ее «вторая волна» в КНР крайне маловероятны.

КПК демонстрирует обществу способность гибко адаптировать свой курс к новым вызовам. В марте 2021 г. на сессии китайского парламента (Всекитайского собрания народных представителей) намечено утвердить план 14-ой пятилетки (2021–2025 гг.) вместе с долгосрочными ориентирами развития до 2035 года. Реализация этих планов приведет к повышению доходов населения и уменьшению имущественного неравенства. Обещание удвоить за ближайшие пятнадцать лет показатель ВВП на душу населения будет способствовать формированию в обществе позитивных ожиданий и консолидации вокруг КПК.

В первой половине 2021 г. власти намерены торжественно объявить о «завершении всестороннего строительства общества средней зажиточности (*сяокан*)», отчитавшись о выполнении планов экономического роста, включая полное избавление от нищеты в отдаленных сельских районах. Главным политико-идеологическим событием станет празднование 1 июля столетия со дня образования правящей КПК, что будет использовано для широкой пропаганды знаний об истории партии, ее текущей политике и целях на будущее. Важность момента заставит власти ограничить общественно-политические споры, сосредоточив все усилия на обеспечении стабильности и безопасности.

Источником проблем могут стать выборы в законодательную ассамблею Гонконга 5 сентября 2021 года. Они должны были состояться годом ранее, но их перенесли из-за опасности распространения коронавируса. Это разрушило планы гонконгской оппозиции использовать инерцию общественного недовольства после волнений 2019 г. для завоевания большинства депутатских мандатов. Согласно принятым новым законам, депутатами законодательного собрания не смогут быть лица, выступающие в поддержку независимости Гонконга, отрицающие суверенитет Пекина над Гонконгом либо добивающиеся иностранного вмешательства в дела региона. После того, как в ноябре 2020 г. оппозиционные депутаты в знак протеста вышли из законодательной ассамблеи, главной интригой становится их участие в предстоящих выборах. Негативным сценарием станет продолжение бойкота и эскалация конфронтации со стороны оппозиции. Вероятнее всего, в законодательном собрании произойдет замещение ушедших оппозиционеров более умеренными политическими силами, не оспаривающими принадлежность Гонконга Китаю.

В *Индии* меры по борьбе с эпидемией повысят показатели государственного долга и, скорее всего, отрицательно скажутся на привлекательности индийских активов для внешних инвесторов. Вкупе с экономическими потерями, связанными с эпидемией, и высокой вероятностью сохранения конфликтных отношений с КНР это может привести к большей жесткости линии правящей партии по отношению к внутренним оппонентам.

Оправданность в глазах большинства населения жестких мер для того, чтобы удерживать эпидемиологическую ситуацию под контролем, будет способствовать сохранению авторитарных элементов политического менеджмента в *Сингапуре* и на *Филиппинах*, а также во *Вьетнаме*. Это, однако, не приведет к выходу политической конфликтности в этих странах за привычные для них рамки. Сохранится, скорее всего, и модернизационное

наполнение внутривалитического курса правящих в этих странах элитных групп, равно как и акцент на экономический рост и повышение общего уровня доходов в общей картине их приоритетов. В этой связи объявление масштабных локдаунов, способных привести к резкому ухудшению экономической ситуации и появлению новых очагов бедности в угрожающих масштабах, возможно лишь в критических случаях и на ограниченных территориях. Избежать этого позволит и ожидаемое начало массовой вакцинации населения при поддержке международных организаций и неправительственных структур.

Вместе с тем острое политическое звучание может приобрести *готовность правительств стран региона поддержать внутреннее потребление за счет дополнительных бюджетных расходов* – как на цели общественного потребления, так и на адресную помощь домохозяйствам. Учитывая слабую сбалансированность большинства национальных бюджетных систем, а также возможное дальнейшее частичное выпадение государственных доходов, подобное тому, что имело место в 2020 г., любое дополнительное финансирование потребления будет иметь своим следствием рост государственного долга и, возможно, рост напряженности в фискально-бюджетной системе в среднесрочной перспективе.

В этом отношении определенное влияние на принятие соответствующих решений может оказать пример Японии, где произошедшее в 2020 г. ослабление фискальной жесткости не вызвало нежелательной с точки зрения правительства реакции ни на финансовых и валютном рынках, ни в ценовой динамике по большинству позиций. Однако в менее развитых странах, стабильность финансовых и экономических систем которых в значительной степени зависят от притока иностранного капитала, ослабление рамок бюджетной дисциплины чревато негативной реакцией внешних инвесторов. Оживление входящих инвестиционных потоков, наблюдавшееся во второй половине 2020 г., может смениться обратной тенденцией, если инвесторы сочтут, что предпринимаемые правительствами меры помощи и стимулирования подрывают фундаментальные макроэкономические предпосылки для устойчивого роста.

Одновременно будет значительно активизирован поиск более адекватного инструментария мониторинга экономической ситуации, потребность в котором ощущают сегодня практически все страны региона, но более всего – государства, имеющие возможность направить на коррекцию хозяйственной динамики значительные средства из общественного сектора. Для государств, не располагающих значительными ресурсами для поддержки экономики, большую важность будет иметь оценка тяжести влияния нынешней рецессии на положение депривированных и социально уязвимых слоев населения, которые оказались в этом регионе главной жертвой социально-экономических последствий пандемии⁷⁸.

На фоне значительного ущерба для международной торговли и трансграничных кооперационных связей, который пандемия нанесла в 2020 году, страны Тихоокеанской Азии предпримут усилия для поддержания *тренда в пользу либерализации торгово-инвестиционного режима* на региональном уровне.

⁷⁸ Regional economic outlook update. Asia and Pacific: navigating the pandemic: a multi-speed recovery in Asia. Washington, DC: International Monetary Fund, 2020. Pp. 19-21.

Так, в 2021 г. следует ожидать волны ратификации подписанного пятнадцатью странами АТР⁷⁹ в ноябре 2020 г. соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (*Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP*). Несмотря на то, что вопреки своему названию это соглашение является достаточно ограниченным с точки зрения охватываемого круга вопросов и предусматривает, главным образом, меры по унификации и постепенному снижению тарифных ограничений во взаимной торговле⁸⁰, его подписание и имплементация важны как подтверждение общего курса на поощрение региональной торговли товарами и услугами, особенно на фоне активного обсуждения на политическом поле отрицательных следствий глобализации последних десятилетий. В этом смысле политическое значение процесса корректировки и взаимной адаптации таможенно-тарифных систем азиатских стран на платформе RCEP, возможно, превышает экономическое. Вступление соглашения в действие вряд ли будет иметь своим следствием бурный рост взаимной торговли, однако создаваемый механизм позволяет урегулировать торговые споры, решение которых на двустороннем уровне блокируется застарелыми взаимными политическими претензиями стран-участниц.

Параллельно будет продолжена рутинная работа по унификации более широкого круга норм и правил регулирования трансграничной хозяйственной деятельности в рамках другой многосторонней платформы, показавшей свою жизнеспособность в новых условиях – так называемой TPP-11 (*Comprehensive and Progressive Agreement on Trans-Pacific Partnership, CPTPP*). Наибольший энтузиазм в отношении возможно более скорой и полной имплементации соглашения, а также в расширении круга его участников проявляет Япония. Вместе с тем в ближайшие год-два добавление в этот процесс новых игроков, несмотря на периодические обсуждения такой перспективы, не представляется возможным⁸¹.

Однако прогресс в деле реализации многосторонних соглашений о снижении торговых барьеров не исключает усилий для поддержки торгового баланса и локализации производственных цепочек. Нацеленность правительств на действия в этом направлении будет характерна для политики правительств ряда крупнейших стран этого региона, в частности КНР, Индии, Индонезии⁸².

Процессы, связанные с *координацией действий стран Тихоокеанской Азии в сфере безопасности*, скорее всего, будут развиваться по двум направлениям. С одной стороны, ожидается активизация деятельности Соединенных Штатов по реализации своей стратегии военно-политического взаимодействия в Азии в рамках системы союзов и партнерств, а также формирования «индо-тихоокеанских» институтов и платформ в сфере безопасности. Будет продолжена работа по расширению и углублению контента союзнических отношений

⁷⁹ «Десятка» стран АСЕАН, три восточноазиатских государства (КНР, Япония и Республика Корея), Австралия и Новая Зеландия.

⁸⁰ Положения, касающиеся нетарифных мер защиты рынка, стандартов в области торговли и инвестиций и защиты интеллектуальной собственности прописаны в этом соглашении лишь в общем виде, что не дает возможности надеяться на движение к реальной унификации соответствующих положений в законодательстве и хозяйственной практике стран-участниц соглашения.

⁸¹ Заявления официальных лиц КНР о том, что Китай может присоединиться к ТТП-11 имеют, скорее всего, пропагандистские цели и не подтверждаются серьезными шагами по установлению необходимых контактов.

⁸² Turning Inwards: What Asia's Self-Sufficiency Drive Means for Business And Investors. A report by The Economist Intelligence Unit. URL: <http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx>

с Японией и Южной Кореей, включая дислокацию в регионе новых систем вооружений и создание сетей обмена данными, исходя из необходимости скоординированного противодействия «общему противнику» в лице КНР, Северной Кореи, а также России. Сохраняется импульс к продолжению и расширению активности (в виде консультаций на министерском и рабочем уровнях, а также совместных учений) на базе платформы *Quad* – «Четырехстороннего диалога по вопросам безопасности» в составе США, Японии, Австралии и Индии. Запланированы и двусторонние совместные мероприятия в военной сфере между отдельными участниками этого формата. Вместе с тем попытки двигаться к его более явной институционализации в качестве межгосударственного союза наталкиваются на индийские и японские опасения жесткой, а в некоторых отношениях и не вполне просчитываемой реакции Пекина.

С другой стороны, Китай продолжает выстраивать в регионе собственную систему отношений в сфере безопасности, используя для этого широкий арсенал средств – от мер военного строительства до дипломатического маневрирования и индивидуальных договоренностей с государствами различной геостратегической ориентации. Так, склонность к поиску компромиссов с Пекином будут проявлять такие государства ЮВА, как Вьетнам и Филиппины.

Важность диалога с Пекином по вопросам безопасности признают и партнеры Вашингтона в этом регионе, в частности Япония и Южная Корея, сознающие, что тотальная конфронтация с Пекином повышает для них риски безопасности до уровня, при котором союзнические отношения с США оказываются малоэффективным инструментом ее обеспечения.

В этом отношении и Япония, и Южная Корея предсказуемо будут стараться играть в геополитическом смысле роль средних по силе государств («middle power»), имеющих и отстаивающих собственные приоритеты как на двустороннем уровне, так и в рамках международных организаций регионального и глобального масштаба.

Так, Япония, сохраняя свою однозначную ориентацию на выполнение функций младшего партнера США в контексте двустороннего военно-политического союза с ними, одновременно будет стремиться увеличить собственную дипломатическую и военную активность в регионе. Причем эта активность будет принимать форму как горизонтальных связей с государствами, входящими в американоцентричную систему союзов и партнерств, так и индивидуальных отношений со странами, не вписанными в эту систему. Помимо ограниченных случаев налаживания зарубежных военно-технических контактов, Япония будет продвигать и софинансировать проекты инфраструктурного строительства в развивающихся странах региона – как на сугубо двусторонней основе, так и под зонтиком запущенной по инициативе США многосторонней инициативы оценки и сертификации инфраструктурных проектов «Сеть голубых точек» (*Blue Dot Network*), объективно выступающей в роли альтернативы китайской инициативе «Пояс и Путь».

Одной из проблем южнокорейской внешней политики в 2021 г. будет необходимость поддержания баланса между растущими претензиями на самостоятельность и сохранением союзнических связей с США, за что выступают политические и деловые элиты страны. Отношения с Китаем будут эволюционировать в сторону прагматичных связей,

учитывающих интересы КНР на Корейском полуострове. Вместе с тем Сеул будет стараться избегать чрезмерной зависимости от Пекина путем диверсификации своих внешних связей. Наиболее острые проявления кризиса южнокорейско-японских отношений могут быть сглажены, но глубинные причины двусторонних противоречий устранить не удастся.

Страны АСЕАН, в свою очередь, также пытаются сохранять баланс в отношениях с главными центрами силы в регионе, в том числе путем попытки перенести акцент на менее конфликтные темы региональных взаимоотношений – в частности, на вопросы инфраструктурного строительства, гуманитарных связей, природоохранных мероприятий, решения трансграничных социальных проблем, создания и функционирования многосторонних институтов развития и т.д. Соответственно, во многом именно усилиями стран АСЕАН в 2021 г. будет сохраняться активность универсальных региональных платформ, объединяющих страны различного геополитического профиля, таких как Восточноазиатский саммит и форум АТЭС, включая проведение их традиционных ежегодных флагманских мероприятий с участием лидеров стран-участниц в Брунее и Новой Зеландии.

Наиболее значимым внешним фактором, определяющим характер международных отношений в Тихоокеанской Азии в 2021 г., станет *состояние китайско-американских отношений, прежде всего политика новой президентской администрации США в отношении КНР*, которая до сих пор содержит в себе ряд неопределенностей и неясностей.

Чтобы снизить риск вооруженного конфликта с Китаем, США потребуются продемонстрировать отсутствие намерений общаться с Тайванем как с независимым государством и уменьшить интенсивность военной активности близ контролируемых Китаем островов и рифов в Южно-Китайском море. Позитивную роль способны сыграть непубличные указания военным ведомствам воздерживаться от эскалации инцидентов. Китай оценил бы отказ США от попыток вовлечь в операции «защиты свободы мореплавания» в Южно-Китайском море своих союзников. Проблема в том, что на фоне подъема антикитайских настроений в американской элите подобная сдержанность администрации Байдена будет воспринята как предосудительная «слабость» в отношении Пекина.

В декабре 2020 г. глава МИД КНР Ван И признал, что отношения КНР и США столкнулись с беспрецедентными трудностями, указав в качестве причины на «ошибочный» характер американской политики в адрес Китая. Он призвал возобновить диалог, вернуть отношения в «нормальную колею» и восстановить взаимное доверие. Пекин предлагает США выработать «правильное стратегическое понимание» и отказаться от нападок на политический строй КНР, активизировать каналы коммуникации, продвигать взаимовыгодное сотрудничество, держать разногласия под контролем, способствовать улучшению восприятия другой стороны в общественном мнении. Китайские эксперты надеются, что при Байдене американская сторона откликнется хотя бы на предложения возобновить общественные, научные и культурные контакты, отказавшись от введенных при Трампе визовых ограничений. После этого в повестку дня можно будет внести возобновление торговых переговоров и обсуждение вопросов кибербезопасности.

Значительного улучшения китайско-американских отношений в 2021 г. ждать не следует, в лучшем случае в них наступит период затишья. Пекин продолжит демонстрировать желание улучшить отношения с Вашингтоном, подчеркивая, что мяч находится на американской стороне. Однако встречных позитивных сигналов от США в обозримом будущем не последует. Даже если Америка смягчит тон антикитайской риторики, это не заставит руководство КНР отказаться от планов укрепления национальной экономической безопасности путем ускоренного импортозамещения важнейших технологий и компонентов, а также снижения зависимости от экспортных поставок.

В Пекине утвердилось понимание того, что США перешли к долгосрочной политике сдерживания в отношении Китая. Общих интересов у двух стран осталось немного. Вероятнее всего при Байдене КНР и США возобновят двустороннее сотрудничество по предотвращению климатических изменений. В отличие от Трампа, Байден не нуждается в оправдании американских неудач в борьбе с эпидемией коронавируса путем выдвижения обвинений в адрес Китая, ведь он без труда может переложить вину на своего предшественника. Вместе с тем перспектива полномасштабного китайско-американского сотрудничества в сфере борьбы с пандемией, в том числе в форме совместных разработок вакцин и их гуманитарных поставок третьим странам, остается иллюзорной. Лишь в среднесрочной перспективе возвращение США во Всемирную организацию здравоохранения даст двум странам возможность развернуть обсуждение общих правил и мероприятий по предотвращению будущих эпидемий.

Байден вряд ли начнет свое правление с отмены введенных Трампом в период «торговой войны» пошлин на ввозимые из Китая товары, они продолжают действовать как минимум в течение 2021-го года. После поражения на выборах Трамп предпринял ряд целенаправленных шагов, призванных не позволить преемнику пойти на сближение с Китаем. Были расширены ограничения на сотрудничество с китайскими компаниями, введены санкции против китайских чиновников из-за ситуации в Гонконге и Синьцзяне, сделаны официальные выражения поддержки Тайваня и сторонников независимости Тибета. Для Пекина это очень болезненные темы, однако внутривнутриполитическая обстановка не позволит Байдену отменить указанные решения ради улучшения отношений с КНР.

Китайские эксперты отметили, что Байден называл Россию главной угрозой безопасности США, тогда как Китай именовал «серьезным соперником». У них возникла надежда, что при новом президенте Вашингтон сосредоточит усилия на противоборстве с Москвой, оставив Пекин в покое. Однако намерение Байдена восстановить союзнические отношения с Европой и создать «альянс демократий» обернется продолжением политики двойного сдерживания в адрес России и Китая по всем направлениям, включая экономическое давление, идеологическую критику и военно-политическое соперничество. Пекин все меньше рассчитывает на парирование западного давления с помощью инструментов «мягкой силы», на первое место выходят осязаемые китайские преимущества в экономической сфере. Растет заинтересованность Китая в создании и поддержании собственного круга международных партнеров, прежде всего среди стран Евразии, поддержавших инициативу «Пояса и пути».

С большой вероятностью в первой половине 2021 г. Китай развернет активную «вакцидную дипломатию» по образцу «масочной дипломатии» предыдущего года, нацеленной на

предоставление зарубежным странам дефицитных средств индивидуальной противоэпидемической защиты. Китайскую вакцину от коронавируса вряд ли допустят в развитые страны. В первую очередь она предназначена для стран «Пояса и пути». Китай заинтересован не только в коммерческом распространении вакцины, но и в ее предоставлении в качестве гуманитарной помощи для ускорения выхода стран-партнеров из противоэпидемических ограничений и восстановления нормальной экономической деятельности. «Вакцинная дипломатия» оживит ослабшие в период эпидемии инвестиционные связи Китая со странами «Пояса и пути», создаст предпосылки для улучшения политических связей. Западные страны, включая США, вряд ли смогут в первой половине 2021 г. предоставить развивающимся странам достаточное количество вакцины, поскольку им придется в первую очередь обеспечить ею собственное население. Тем временем уже взявший эпидемию под контроль Китай обладает возможностью массово поставлять вакцину своим иностранным партнерам.

Акцент на строительстве в 2021 г. «Шелкового пути здоровья» на пространстве «Пояса и пути» откроет путь на зарубежные рынки не только для вакцин, но и для цифровых медицинских услуг китайских компаний. Пекин также будет стремиться усилить привязку к китайским цифровыми технологиям производственной и коммерческой деятельности экономических субъектов стран-партнеров, прежде всего в ЮВА. Продолжится практика поглощения платформенных сервисов государств региона китайскими электронными ритейлерами. Это будет способствовать созданию вокруг Китая дружественного ему цифрового и технологического пространства, поможет ослабить последствия западных мер по изоляции КНР.

Острота американо-китайского противостояния не позволит также ослабить *напряженность, исходящую с Корейского полуострова*. Смягчить противоречия между всеми акторами, заинтересованными в предотвращении вооруженного конфликта Севера Кореи с Югом и другими вероятными противниками, в том числе с использованием обретенного КНДР ракетно-ядерного потенциала, может только конструктивное взаимодействие КНР и США. В отсутствие такого взаимодействия стабилизирующим сценарием для 2021 г. было бы продление нынешней паузы в развитии событий и «подмораживание» попыток решить проблемы посредством конфликтующих между собой подходов. Это позволило бы частично нейтрализовать последствия шагов северокорейского руководства, имеющих целью закрепление в той или иной форме за КНДР статуса обладателя ядерного оружия как гарантии от внешних угроз и как аргумент в дипломатическом торге с целью снятия санкций и получения экономической помощи. В худшем случае возможны новые конфронтационные шаги с риском непредсказуемой и неуправляемой эскалации.

Существенным моментом, способным повлиять на ситуацию в Тихоокеанской Азии, может стать ожидаемое принятие в 2021 г. Кодекса поведения сторон в *Южно-Китайском море*, который затронет интересы всех стран региона. Скорее всего, формулировки его положений будут в большей степени отвечать запросам Китая, нежели стран АСЕАН. Это станет не столько успехом китайской дипломатии, непосредственно вовлеченной в обсуждение Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море, сколько следствием комплексной стратегии КНР в ЮВА, частью которой является «Цифровой шелковый путь».

Для **России**, против которой действуют и с высокой вероятностью будут расширены санкции США, и имеющей лишь ограниченные возможности маневра на европейском направлении, динамично развивающаяся Тихоокеанская Азия представляет особый интерес.

Даже в условиях энергетического «перехода» и выполнения требований климатической повестки дня, но особенно в 2021 г. на этапе выхода из рецессии, страны региона, прежде всего Китай, останутся крупными потребителями российских углеводородов и других сырьевых ресурсов. Достаточно масштабны и поставки продовольствия и другой российской сельскохозяйственной продукции. В то же время при реальных перспективах расширения присутствия на рынках региона, Россия должна быть готова к острой конкуренции за рынок Тихоокеанской Азии уже в самом ближайшем времени.

В условиях борьбы с пандемией коронавируса и кризиса мировой и региональной экономик перспективным направлением может стать активное участие России в коллективных действиях по борьбе с инфекцией по таким направлениям, как научные и медицинские исследования, разработка противоэпидемиологических препаратов, поставка разработанных и опробованных в России вакцин и налаживание их производства в ряде стран региона. Перспективной может оказаться и инициатива России по созданию «зелёных коридоров», свободных от ограничений и санкций, для поставок продовольствия и медикаментов.

В инновационной и технологической сфере, учитывая жесткое противостояние Китая и США, основной задачей России будет сохранение необходимой и достаточной с точки зрения национальной безопасности независимости, что потребует поддержания баланса и развития связей с различными государствами и торгово-экономическими платформами в регионе.

На фоне транзита мироустройства и напряженных отношений России с Западом, важным ресурсом России в 2021 г. во взаимодействии со странами Тихоокеанской Азии является представляемое регионом широкое разнообразие форматов - двусторонних и многосторонних, гибких партнерств с участием ведущих экономик региона - Китая, Индии, Республики Корея, стран АСЕАН.

Научное издание

Россия и мир: 2021.
Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз

Руководители проекта:
Дынкин Александр Александрович
Барановский Владимир Георгиевич

Ответственные редакторы:
Мачавариани Гиви Ираклиевич
Кобринская Ирина Яковлевна

Ежегодник

ISBN 978-5-9535-0585-7

Подписано в печать 28.12.2020.
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Объем 19,25 п.л., 10,15 а.л. Тираж 300 экз. Заказ № 44/2020

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23